

Вийя Шерфф

Дaddy
и
Daddy

Ольга Коваль случайно становится свидетелем по громкому делу заказного убийства замминистра, в котором замешан её муж и серьёзные люди. На девушку объявлена охота. Она попадает под программу защиты свидетелей. Ей меняют имя, внешность и отправляют жить в приграничный город на Дальнем Востоке. Глеб Морозов — студент и мелкий предприниматель, занимающийся перепродажей автомобилей. Красивый, уверенный и пользующийся вниманием девушек. Всего пара взглядов из окон автомобилей меняет жизнь обоих.

Пролог

— Лопырёв, я не буду петь с тобой на отчётном концерте, — стараюсь сбежать от надоедливого однокурсника.

— Ну, Оль...

— Отстань! Другую поищи.

Вот же привязался как муха.

Обижается и отстаёт.

Наконец-то!

Прыгаю за руль машины и достаю из сумки телефон, который отключила на последней паре.

Несколько сообщений от мамы: картиночка дурацкая и вопрос «как дела?»

" Нормально".

Всё наше общение.

Значок почты показывает, что пришло новое письмо.

Опять спам какой-нибудь. Захожу удалить.

Но сообщение с обычного адреса, а не бестолковая рассылка.

К письму прикреплено видео.

И я долго думаю смотреть или нет.

А вдруг вирус?

Да, ладно! Если вирус, среагирует приложение и заблокирует.

Но нет. Видео чисто. Не совсем...

То, что я вижу, меня ужасает. Даже руки затряслись, и я роняю телефон между кресел.

Взволнованно ищу его на полу.

Первое желание — удалить ролик, который вызывает омерзение. Но подумав, не делаю этого, а набираю подругу.

— Ирка, привет! Ты говорила, что у тебя парень в полиции работает. Можешь дать его номер? — взволнованно.

— Коваль, ты офигела?! Тебе мужа мало? — возмущается на том конце.

— Я по делу. Важному. Проблема у меня.

— Серьёзная?

— Наверное, да...

— О'кей. Рядом он. Стёп, тут тебя, — передаёт ему трубу.

— Слушаю, — серьёзный мужской голос.

— Тут такое дело... Мне на почту, кто-то видео прислал.

— И что?

— На нём человека убивают...

— Как это убивают? — растерянно.

— Из пистолета. В голову...

— И кто его прислал? — проявляет уже интерес.

— Без понятия. Адрес мне незнаком.

— Понятно. Можешь подъехать в пятнадцатый участок в ближайший час?

— Могу, — кошусь на дорогие золотые часики на своей руке.

— Тогда жду там с этим видео. Спросишь у дежурного Войлокова Степана

Дмитриевича, он проведёт куда надо.

— Хорошо...

В отделении я уже через полчаса и ждать приходится Степана под дверью кабинета.

— А ты шустрая, — наконец-то появляется.

Лет тридцать, короткая стрижка, среднего роста. В дешевом вязаном свитере и черных брюках.

— Я недалеко была.

Заходим.

Он кидает на стол папку и усаживается в кресло. Смотрит внимательно на меня.

— Ну!

— Что? — не догоняю.

— Показывай, что прислали.

— А, да! — достаю телефон.

Он просматривает видео. Видно, что сильно нервничает.

— У тебя шнур от него есть? Мне нужно его на компьютер перекинуть.

— Нет...

— Ясно. Сиди, я сейчас вернусь, — уходит.

Возвращается не один, а с мужчиной за пятьдесят лет в кители и при погонах. В званиях я не разбираюсь.

Войлоков перекидывает файл себе на компьютер, они его смотрят. Начальник, я так понимаю, одними губами говорит «охуеть» и поворачивается ко мне.

— Как оно к вам попало? — бурлит колючим взглядом.

Я вся сжимаюсь под ним.

— Мне его на почту прислали.

— Почему вам?

— Без понятия! — перехожу на повышенный тон. — Я даже не знаю, кто там.

— Я звонить в управление, — говорит Степану. — Это не наше. Пусть следственный или контора этим занимается, их уровень. А её, — тыкает в меня пальцем. — Никуда не отпускать. Они быстро явятся по этому делу на допрос.

— Я что арестована? — подсакиваю возмущённо.

— Пока задержаны. До выяснения обстоятельств, — выходит.

— Я должна позвонить мужу, — беру телефон. — Он адвокат.

— Да успокойся ты, — ухмылочка на лице Войлокова. — Сейчас приедут люди, расспросят и отпустят. Никто тебя здесь держать не собирается. Полкан пугает просто. Кофе хочешь?

— Хочу... — плюхаюсь обратно на стул.

Степан кипятит чайник, наливает по кружкам растворимый кофе, достаёт из стола металлическую коробку с печеньем и конфетами.

— Угощайся.

Кофе горячий, и я пью мелкими глоточками, чтобы не обжечься.

— Догадки есть, кто мог прислать?

— Неа... — кручу головой, крепко сжимая двумя руками кружку. — Может адресом ошиблись?

— Может быть... Что вряд ли. Это же надо умудриться так, ошибиться в буквах или цифрах.

— Ну, у нас с мужем почти всего на одну цифру отличается. У него два, а у меня три. Он мне, когда телефон новый подарил, то аккаунт сам регистрировал. Не стал заморачиваться и просто одну цифру поменял.

Войлоков как-то пристально и с подозрением смотрит на меня.

— Ты думаешь, это ему? — доходит до меня значение его выражения лица. — Он честный бизнесмен. Своя успешная адвокатская контора.

— Проверим.

— Я уверена, что он не причём.

Приехал человек из ФСБ и долго меня допрашивал, задавая какие-то странные вопросы.

Знаю ли я, чем занимается мой муж, как зарабатывает, кто бывает в нашем доме. И тому подобное.

А я ни черта не знаю. Мне работа Родиона совершенно не интересна.

Отпускают уже ночью. Дома застаю с десяток людей, которые проводят обыск.

— Что здесь происходит? — спрашиваю у домработницы, тихонько стоящей в углу гостиной и наблюдающей, как наш дом переворачивают.

— Родиона Павловича арестовали, — шепчет, всхлипывая.

— За что?

— Говорят, он соучастник в убийстве какого-то замминистра.

Вот так номер...

Глава 1

Глава 1

Самолёт приземляется в каком-то богом забытом месте под названием Благовещенск. Дальний Восток...

Вот же меня занесло.

Скорее сослана. В деревню, к тётке, в глушь...

Шутка.

Нет у меня тут никого, не знаю ни одной живой души. А прожить придётся как минимум полгода, пока идёт расследование дела, до суда.

Я здесь по программе защиты свидетелей. Теперь у меня новая легенда и жизнь. Родом я не из Ростова, а из Хабаровска, жила я не в Москве, а в этом самом Хабаровске, где я ни разу даже не была. Мне не двадцать два года, а двадцать один. Никогда не была замужем.

И вообще, я не Ольга Коваль, перспективная артистка, студентка института культуры, а Алина Белкина, и хрен пойми чем буду заниматься в этой жопе мира. Все инструкции должна получить по прилёту сюда.

Мне даже внешность изменили, из платиновой блондинки сделали огненно-рыжую, с веснушками на лице и очками. Смотришь на себя в зеркало, а из него глядит совершенно незнакомый тебе человек. Была симпатичная девушка, а теперь обычная простушка.

Не думала, что такое возможно...

* * *

Меня встречает молодой человек около тридцати лет, ничем не приметный, мимо такого пройдёшь и не вспомнишь. Может быть это и хорошо, никогда не подумаешь, что он сотрудник ФСБ.

Алексей, так его зовут, помогает мне донести чемодан и сумку с вещами до своей машины. Гитару я вешаю себе за спину.

Пока он закидывает их в багажник, я направляюсь к передним дверям, чтобы сесть в автомобиль.

— Пассажирское место с другой стороны, — поправляет меня.

— В смысле? — не понимаю его слов и вглядываюсь в салон машины. Она праворульная. — У вас, что здесь движение по другой полосе, как в Англии?

— Нет. Просто тачки почти все японские, — просвещает.

Я осматриваю стоянку. Процентом девяносто авто с правым рулём.

— Как вы ездите? — не понимаю.

— Мы привыкли, — усмехается на моё удивление.

То, что водители привыкли, я понимаю сразу, как только выехали на дорогу. Очуметь! Я с левым рулём так хорошо не могу водить, как они с правым по правостороннему движению.

— Нам далеко ехать? — спрашиваю у Алексея.

— Нет, не очень, около двадцати минут...

— Это если пробок не будет?

— У нас почти их не бывает, только если авария, где какая. Город небольшой... Или

люди летом за город на отдых выбираются, но нам в другую сторону.

— Хорошо.

— Да, это вам не Москва...

— Так точно, — вздыхаю разочарованно.

— Не волнуйтесь вы, не столица, конечно, но жить тоже можно. Кино, театры, концерты — всё имеется. Да вам пока и не до этого будет.

— Почему это?

— Учёба, работа...

— Учёба понятно. Но работа?

— Вы больше не жена обеспеченного бизнесмена, на жизнь придётся самой зарабатывать.

Охренеть!

Ладно, чёрт с ним.

До встречи с Родионом я была обычной девушкой, жила в общежитии, зарабатывала на жизнь пением в ресторане, а до него был пешеходный переход. Не привыкать. Всего-то два года в роскоши прожила.

— Что ещё мне делать придётся? Коммуналку платить?

— За квартиру не волнуйтесь, она государственная, оплачиваться будет из бюджета. С учёбой только небольшой казус случился, — смотрит на меня виновато.

— Что не так?

— Устроить по специальности не получилось, руководство колледжа наотрез отказалось брать вас.

— Почему?

— Да, хрен его знает! Мест нет — говорят. И академическому вокалу они не обучают. Поэтому мы вас устроили в Амурский Государственный университет, самый престижный, между прочим, в области.

— У них там есть нужный факультет?

— Нет. Там ничего такого и близко нет, — машет головой.

— Тогда чему меня там будут учить? — подозрительно.

— Экономике и менеджменту.

— Вы издеваетесь? Я в этом ничегошеньки не понимаю!

— У вашего мужа был адвокатский бизнес.

— И что? Он меня к делам и на версту не подпускал! И чем закончил? На нарах ждёт суда. А я вынуждена переехать в Тьмутаракань, чтобы меня не убили раньше времени. Хотя почему не убили? Все ведь так и думают. Вы всех в этом убедили, подстроив якобы аварию, в которой я погибла.

— Вы ценный свидетель... И вас нужно защитить.

— Отправив меня, хрен знает куда? — я в бешенстве. — Вот это со мной сделав? — очерчиваю рукой лицо. — Вы будете за мной следить круглосуточно?

— Нет. В этом нет необходимости. Вас и мать родная не узнает.

— Хоть в чём-то есть свои плюсы, — скрещиваю руки на груди.

Возмущению нет предела. Хочется выйти из машины в поле, которое проезжаем и орнуть во всю голосину. А он у меня ого-го.

— Есть ещё кое-что... — начинает Алексей.

— Что ещё? — не к добру всё это.

— Учится, вы будете на третьем курсе.

— Пипец! — не сдерживаюсь. — И как я буду это делать? Если меня пройденное спросят, я что отвечу? У меня амнезия?

— Никто вас не спросит.

— С трудом верится...

* * *

Мы въезжаем в город. Не Москва, но стоянки забиты кругом.

— Хорошо у вас люди живут, сплошь одни джипы, — замечаю я.

— Есть такое. Даже раздражает, глядя на это, вечное нытьё про «всё дорого» и отсутствие денег.

— Почему вы на такой скромной?

— Это служебная, — улыбается мне.

— А так, у вас? — интересно даже стало.

— Крузак.

Закатываю глаза. Ещё бы, не отстаёт от земляков.

Один такой как раз останавливается в соседней полосе перед светофором.

Бросаю косой взгляд на водителя, который вальяжно опустил руку с сигаретой из открытого окна.

Красавчик. Правильные черты лица, брови, словно в салоне ровняли, коротко стриженные волосы в небольшом беспорядке и пухлые чувственные губы. Такие разве бывают у парней?

Он будто чувствует мой взгляд на себе и поворачивается в мою сторону. Холодный взор серо-голубых глаз, но при этом нагловатая улыбка на губах. Даже не по себе становится, но всё равно смотрю, как замороженная. Перед тем, как нажать педаль газа, потому что загорелся зелёный свет, он мне подмигивает.

Я опешила. От него мурашки по коже побежали, а я невольно улыбнулась.

Проехав круговое движение, мы выезжаем в микрорайон. Замечаю, что там парк, в котором всё оформлено в китайском стиле.

— Необычно. Кусочек Китая в российском городе?

— Не удивляйтесь. У нас тут китайского, как грязи. На границе живём... Через Амур сразу Хэйхэ. Этот район «Тайвань» называется, а парк, который проехали — «Дружба».

— В честь дружбы Китая и России?

— Ага, — натягивает скромную улыбку.

Заезжаем во двор многоэтажек. Алексей останавливает машину у одного из подъездов. Вытаскивает мои вещи из багажника. Мы поднимаемся и входим в квартиру на третьем этаже.

— Вот ваш новый дом, обживайтесь, — проходит в гостиную. — Там спальня, — показывает рукой в сторону небольшого коридорчика. — Вся необходимая мебель, посуда и бытовая техника есть. Холодильник пустой, но вы напишите, что вам купить, я привезу. Здесь торговый центр рядом, внизу тоже есть магазины.

Хоть что-то в шаговой доступности. Думала, что придётся искать ближайший ларёк днём с огнём.

- Купите каких-нибудь фруктов, овощей и йогуртов. Там я уже разберусь.
- Хорошо, — кивает согласно и уходит.

Глава 2

После ухода Алексея я прохожусь по квартире, осматриваю всё. Аскетично, но чисто. Ничего лишнего. Даже цветов нет...

А кому здесь за ними ухаживать?

Надо прикупить парочку, а то словно в какой-то больничной палате.

Заглядываю в шкафы на кухне. Тарелки, кружки, кастрюли, сковороды — всё имеется. Даже кофеварка, которой я вряд ли воспользуюсь, стоит на столе.

Я не любитель кофе, предпочитаю чай. Мы же на границе с Китаем, тут его наверняка большое разнообразие на любой вкус. Надо у Алексея спросить, где можно найти подобный магазин.

Волоку тяжёлый чемодан с сумкой в спальню. Вещей у меня с собой немного, мой гардероб тщательно проверили на наличие брендовой одежды, поэтому в нём только общедоступные вещи масмаркета. Ничто не должно указывать на мою старую богатую жизнь.

Интересно, как быстро здесь приходит осень? А то у меня тёплых вещей всего пару свитеров и тоненькая куртка. Пока ещё конец августа и довольно жарко, даже вечером, но чёрт его знает, может быть в конце сентября уже снега по колено. Если вспомнить уроки географии, то тут вроде вечная мерзлота...

Вещи, которые мнутя, размещаю на те немногие вешалки, что в шкафу, остальные на полки. Две из них уже заняты постельным бельём и полотенцами. Всё новое. На ощупь постельное — не хлопок, что-то шёлковое, но не блестит. Китайское стопудово.

Отдёргиваю шторы подальше к стенам, впуская уходящие лучи вечернего солнца.

Балкон. У меня есть балкон.

Выхожу, оглядываюсь по сторонам.

Обычный спальный район, как в любом городе. Рядом дорога, по которой беспрерывно снуют машины, скорее всего где-то шоссе рядом. Возможно, мне здесь и понравится, природа была даже очень ничего, когда мы ехали в город.

— Сколько тебя можно ждать? — грубый мужской голос снизу нарушает созерцание местных окрестностей.

Я смотрю вниз.

О, боги!

Там стоит тот самый красавчик из джипа, которого мы встретили по дороге, и со злобой разговаривает с кем-то по телефону, во второй руке держа дымящуюся сигарету.

— Я из-за тебя на самолёт опоздаю! Шевели булками! — произносит раздражённо и выключает телефон.

У меня есть только эта минута, чтобы разглядеть его. Вид сверху искажает, конечно, но мне кажется, что он ростом выше среднего, широкоплечий, крепкие руки и ноги.

В другую минуту мне приходится спрятаться, отойдя к балконной двери, так как он поднял голову вверх.

— Ну, наконец-то! Тебя как за смертью посылать, — отчитывает кого-то.

Судя по голосу, это парень.

Я слышу звук закрывающихся дверей машины и снова выглядываю с балкона. Красавчик

заводит двигатель, но перед тем, как отъехать поднимает глаза вверх, цепляя меня взглядом. На губах скользит еле заметная улыбка.

Они уехали. Возможно навсегда... Он же что-то про самолёт говорил.

Краем уха улавливаю трезвон дверного звонка.

Алексей вернулся.

Он принёс несколько пакетов с продуктами, в основном то, что я просила. От себя добавил крупы, макароны, сыр и пирожные с чаем. Помог мне разбросать всё по полкам холодильника и шкафов.

— Алексей, хотела у вас спросить, есть здесь какие-нибудь магазины или ларьки, где можно чай китайский купить?

— Не знаю, я у жены спрошу.

— Вы женаты? — хотя чего я удивляюсь, у него кольцо на руке.

— Да, три года. Сыну уже год...

— Мило, — только и могу ответить.

Мы с Родионом за два года брака о детях ни разу не задумывались, не то, чтобы планировать.

У меня была учёба, потом я собиралась строить карьеру, а у него был бизнес, которому он посвящал всё время.

Допосвящался! И меня втянул в свои грязные делишки, пусть и неумышленно.

За чаем Алексей даёт мне ещё кое-какие инструкции и наставления по моему поведению. Я не должна как-то выбиваться из общей среды, вести себя скромно, незаметно.

— Зачем тогда это? — поднимаю вверх пряди огненных волос. — Покрасили бы в мышь серую и никаких проблем.

— Таким цветом никого уже не удивишь. Кругом синие, зеленые и розовые головы бродят, — усмехается. — Вас старались, сделали рыжую, — указал на татуированные веснушки. — А это, похоже, бонус, — посмеивается.

— Да, я в курсе.

— Отлично, — глядит на часы. — Мне пора... Вот мой контакт, звоните, если что-нибудь понадобится, — протягивает визитку, на которой только имя и номер. — Завтра в два часа я за вами заеду, отвезу в университет, чтобы сориентировать.

— Хорошо...

После его ухода я выволакиваю на балкон тяжёлый пуф от мягкой мебели, расчехляю гитару и прохожусь по струнам.

Музыка всегда успокаивает. Поэтому при любом волнении я стараюсь играть или слушать любимые мелодии.

Вглядываясь в мелькающие на дороге машины, перебираю струны, выуживая из памяти какую-то совершенно, как мне кажется, неизвестную мелодию.

Откуда она?

Да ещё такая, что выть хочется как волк.

— Недурно, — раздаётся голос с соседнего балкона.

Там стоит мужчина в майке не первой свежести и растянутых на коленях трениках, заросший, и курит ужасно пахнущую дешёвую сигарету. С первого взгляда понятно — алкаш.

Вообще круто!

Всегда же мечтала жить с таким вот через стенку...

— Значит соседка новая? — мямлит заплетающимся языком.

— Да, — недовольно.

— Может, отметим новоселье? — тянется за полторашкой пива у ног.

— Нет. Спасибо, — брезгливо.

Валить отсюда надо в квартиру.

С детства пьющих ненавижу. Отец был таким. Мать долго терпела его из-за нас, не понимая, что продолжая жить с ним, ломает нашу с братом психику гораздо больше, чем в семье без отца.

Когда мне было четырнадцать, он умер, захлебнулся содержимым желудка. Я ни капли его не жалела, на похоронах ни слезинки не проронила. Слышала в спину шепотки, что неблагодарная и бессердечная дочь, даже отца оплакать не могу.

А за что мне его благодарить? За сломанное детство? Наблюдение за вечными скандалами в семье из-за его пьянок? Или за то, что он маму бил, если она ему денег на бутылку не давала?

Поклялась, что у меня такой семьи не будет. Любой муж: косой, хромой, рябой, но не пьющий. Я не собираюсь гробить свою жизнь с мужиком, которому водка дороже жены и детей.

После школы собрала вещи и уехала в Москву, поступать в институт культуры. Петь — моя мечта с детства. Надежды мало, музыкального образования у меня почти никакого. Денег на учителей не было, самоучка. Но меня взяли. Я с трудом в это поверила, радости не было предела.

Учёбе отдавалась со всей страстью и желанием. Мне некому помочь, добиваться в жизни всего придётся самой. Мать брата тянет одна. У меня только я.

Поэтому приходилось работать и официанткой, и уборщицей, петь в метро и на улице, собирая деньги.

Случайно, проходя мимо ресторана, увидела на двери объявление, что им требуется певица. Решила попробоваться. Успешно. На следующий день я уже развлекала гостей своим голосом.

Там я и познакомилась с Родионом, он случайно зашёл в наш ресторан выпить кофе. Сказал, что таких мест ни он, ни его друзья не посещают, а тут потянуло, как магнитом. Почти сразу он забрал меня к себе в богатый и шикарный дом на Рублёвке. А через пару месяцев мы поженились.

Всё было, как в сказке о Золушке, с той лишь разницей, что большой любви к нему я не испытывала. Всё было как-то ровно, без страсти. Да может, её и нет вовсе...

Напридумывали любовных романов о большой и всепожирающей любви, а на самом деле всё совершенно иначе.

Или возможно просто мне так не везёт...

Глава 3

Последняя неделя лета пролетела довольно быстро. За эти дни я успела познакомиться с начальством Алексея.

Виталий Юрьевич — немногословный мужчина сорока с лишним лет, заверил меня, что в этом городе я могу свободно и без боязни передвигаться, не опасаясь за свою жизнь. Здесь меня никто искать не будет, большинство людей на западе даже не в курсе, что есть такой город — Благовещенск.

Город, конечно, не блистает столичным лоском и красотой, но вполне чистенький и ухоженный. Это я поняла, прогуливаясь, каждый день по нему с новой знакомой — Ритой Красниковой.

Её номер телефона мне дали в деканате ВУЗа, староста группы, в которой я буду учиться. Она ей является с первого курса, и желающие сменить её вряд ли найдутся.

В тот же вечер я написала ей.

Рита оказалась милой и очень общительной девушкой, с которой мы очень быстро нашли общий язык. Невысокая светлая шатенка с голубыми глазами, которые всегда светятся каким-то добрым светом.

Противно одно — это врать. Сочинять историю на ходу, ведь детально легенду никто не продумывал, я же не шпион какой-нибудь.

Мало-мальски я справляюсь с этой задачей. Но мне кажется, что Рита не сильно вслушивается в детали, выхватывая из разговора какие-то интересные только ей факты.

В первый день занятий мы приходим в аудиторию раньше всех.

Университет находится не очень далеко от моего дома, всего несколько остановок. После занятий можно вообще пройтись пешком и сэкономить деньги на проезде.

— Я тебя добавила в наш чат, чтобы ты была в курсе всех новостей, — поясняет мне Рита.

— Я видела...

— И не обращай внимания на эти дебильные приколы, им просто делать нечего.

После добавления меня в чат посыпался поток дурацких шуток в мой адрес и вопросов "ты кто?".

Там я немного познакомилась с лицами будущих согруппников, чтобы иметь представление о них.

Парочка особо шустрых написали в личку. Один даже предложил фото ню ему прислать. Выслала, пусть любитесь обрюзгшим телом бабули из интернета.

Молчал только один, он вообще уже больше недели на связь не выходил, судя по отметке в мессенджере. Полного фото нет, только руки на руле машины. Но почему-то именно эта фотография вызывает странное сжатие сердца внутри. Будто что-то знакомое в ощущениях от вида этих пальцев. Откуда?

Постепенно аудитория набивается студентами, которые после летних каникул весело трещат, обмениваясь новостями.

— Все здесь, кроме Деда Мороза, — подводит итог Рита, просматривая список.

— Рано ещё Деду Морозу, — решаю пошутить. — Кто это такой?

— Глеб Морозов. Полностью соответствует своей фамилии.

— Отморозок?

— Нет. В плане дружбы с головой у него всё нормально. Просто он хладнокровный и бесчувственный какой-то... — подбирает слова Красникова.

— Почему его нет? — становится интересно.

Есть у меня подозрение, что руки на руле — это его фото.

— Он во Вьетнам отдыхать улетел на прошлой неделе, вернётся через несколько дней. Наверное, повёз свою очередную бабищу в море поплескаться, — произносит ревностно.

Думается мне, что на месте этой «бабищи» мечтает быть сама Рита.

— Бесчувственный, а девушка есть. Нестыковка получается, — задумчиво.

— У него этих девок, как снега зимой. Только все на одну-две ночи, потом на них даже не смотрит. А наивные дуры верят, что он с ними всерьёз и надолго. Приедет, первокурсниц возьмётся окучивать, остальные-то знают, что он из себя представляет.

— А почему он Дед? — меня даже немного вся эта история веселит.

— Он самый старший у нас. После первого курса его отчислили. Он отслужил в армии и восстановился. Отучился год и опять чуть не вылетел. Слышала, что он вроде как на платное перевёлся. На таких глаза закрывают...

— Тупой?

— Слишком занятый. У него своя автомастерская и тачками подержанными барыжит.

— Он что, ворованные тачки продаёт? — удивляюсь.

— Алин, ты чего? Какие ворованные?! Просто перекупом занимается. Покупает подешевле, немного рихтует, красит и продаёт дороже. Это Дальний Восток, тут такое в норме вещей.

— Понятно...

Стало интересно даже взглянуть на этого фроста-сердцеда.

* * *

В первый же день учёбы я понимаю, что я ни хрена не понимаю в экономике. Как я буду учиться — ума не приложу. Тут сначала надо начинать...

— Рит, у тебя конспектов с прошлых курсов не осталось?

— Дома где-то лежат, а тебе зачем?

— Похоже, мы по разным программам учились, хочу знания восстановить. Я свои дома оставила, — сочиняю отговорку на ходу.

— Я поищу и принесу. Но если у тебя какие-то трудности, то ты не стесняйся и спрашивай.

— Спасибо! Мне бы ещё список литературы пройденной.

— Без проблем. Приеду домой и скину тебе.

— Ещё раз спасибо! Выручаешь.

У выхода нас тормозят трое ребят из нашей группы. Помню имя только одного — Стас, именно он у меня фото нюди просил.

— Слышь, Белкина, ты под каким ником в соцсетях? Не могу тебя найти, — обращается он ко мне, глядя сверху вниз.

Мой рост всего метр пятьдесят пять, а этот симпатичный тёмненький долговяз почти два.

— У меня нет соцсетей.

Он сильно удивляется, даже рот открывает.

Под новым именем меня нигде, действительно, нет. Мне запретили их заводить. А старыми пользоваться нельзя.

— Где же ты лайки собираешь?

— В моей жизни, лайки — это собаки, Гусев, — моргаю медленно глазами и иду мимо, Ритка трусит за мной.

— У тебя реально нет соцсетей? — глазеет она на меня.

— Нет, — пожимаю плечами. — Они отнимают много драгоценного времени.

— Это точно, — соглашается со мной. — В Тик-ток попал — день пропал. Ты домой?

— Да, — поворачиваю в нужном направлении.

— Остановка там, — показывает Рита в другую сторону.

— Я пешком прогуляюсь.

Если честно, то всю дорогу до дома я вглядываюсь в лица водителей проезжающих мимо белых джипов, с надеждой увидеть в одном из них пухлогубого красавчика.

С того самого вечера я его больше не видела. Возможно, он действительно улетел. Но я всё же тешу себя тем, что он кого-то встречал в аэропорту, а не уехал из этого города.

К сожалению, ни в одной из них его нет.

Жаль номер не запомнила, так бы проще было. Можно пробить в интернете адрес этого красавца.

Блин! Это надо же так было, как дурочка влюбилась в парня, которого видела всего пару минут в своей жизни. Не знаю о нём абсолютно ничего, кроме того, что кто-то в одном из этих домов его друг или знакомый. Такое вообще бывает?

Ну, может и не влюбилась, но зацепил он крепко. Часто о нём думаю.

Совсем недавно я размышляла о том, что страсти нет, а теперь мечтаю познакомиться с парнем, которого видела мельком пару минут, и который захватил все мои мысли.

Жесть какая-то...

Глава 4

С трудом успеваю на первую пару, забыла перед сном включить будильник. А мои биологические часы ещё не перестроились на разницу в шесть часов с Москвой. Но меня будто кто-то толкнул в бок, разбудив немного позже, чем обычно.

— Я думала, ты опоздаешь, — сетует Ритка.

— Хорошо, что успела на автобус, а так бы да, опоздала.

— Как с работой? Ты вчера так и не отписалась.

— Взяли. Работаю один вечер через два. Сегодня первая смена...

Практически с первых дней нахождения здесь я принялась искать работу, но почти везде был неподходящий для студентов рабочий график. Повезло с караоке-баром, днём они не работают, открываются в семь вечера и до утра. Придётся как-то успевать на занятия.

— Поздравляю!

— Спасибо!

Прозвенел звонок и в кабинет заходит наш препод по экономике, закрывая за собой дверь.

Валентин Игоревич — плотный мужчина за пятьдесят с залысинами на голове и мерзкими блеклыми глазами, которые всегда в каком-то поиске.

Рита сказала, что он любитель молодых студенток и не гнушается намекать, что сдать ему зачёт или экзамен можно только за «некие» услуги.

Противно-то как.

У нас сегодня второе занятие за этот курс и он всё ещё гоняет студентов по повторению прошлогоднего материала. Это даже неплохо, я чуть-чуть пытаюсь вникнуть во всё это совершенно мне чуждое.

Прошло минут пятнадцать с начала пары, как в дверь громко стучат, и в аудиторию вваливается опоздавший студент.

— Извините за опоздание, — произносит громко хриловатым загрудным голосом.

Я прирастают к стулу, и чуть ли не роняю челюсть от удивления.

Это ОН!

Тот самый губастенький из джипа.

— Морозов, а для вас расписание не такое, как для всех? — приспустив очки, недовольно говорит Валентин Игоревич.

Морозов?

— Я же извинился, — приподнимает с презрением слегка уголок губ Глеб.

— Это сути не меняет.

— Извините ещё раз, — кланяется ему Морозов, чем вызывает взрыв смеха в аудитории.

— Шут гороховый, — выносит свой вердикт преподаватель. — Садись.

— Благодарю! — очередной выпад от красавчика.

Вразвалочку он направляется в сторону мест, окидывая взглядом всё помещение, в поисках свободных.

Странно, он не похож на человека, который провёл две недели в отпуске. Загорелый — да, но какой-то взъерошенный и уставший.

Вдруг его глаза останавливаются на мне и брови медленно ползут вверх.

Он что меня узнал?

Да ну, не может быть!

Я опускаю глаза в тетрадь и делаю вид, что пишу там что-то.

— Двигай задницу, — пинает по ноге парня, который сидит в ряду прямо передо мной.

Тот молча пересаживается на пустой стул.

Видимо с Морозом никто не спорит.

Дедовщиной попахивает.

Глеб вынимает из сумки пару тетрадей и ручку, но так к ним и не притрагивается.

Естественно всё, что пытался объяснить экономик, в одно ухо влетело, из другого вылетело. Я сверлю взглядом коротко стриженный затылок Морозова, борясь с желанием провести рукой по его волосам.

Какие они на ощупь?

Пипец, он будто околдовал своим присутствием, заставляя сердце в груди долбить, как сумасшедшее. При этом ничего не делает, просто сидит и почти всю лекцию листает что-то в телефоне.

Наверняка девушек разглядывает. Что ещё может смотреть в интернете молодой парень?

Но я ошибаюсь.

Вытянув шею, обнаруживаю, что он просматривает приложение с куплей и продажей автомобилей. Что-то кидает в закладки, под одним из объявлений пишет сообщение.

— Морозов, может быть, вы скажите нам, почему нежелательно применять демпинг в кризис? — громко спрашивает преподаватель.

— Знать бы ещё, что это такое... — бубнит тихо Глеб, отрываясь от экрана телефона и убирая его в карман.

Но я услышала.

— Занижать цену, — шепотом подсказываю ему.

Он медленно разворачивается ко мне и одними глазами говорит «спасибо».

— Ну, так что? Вы же у нас тут единственный предприниматель, так что должны знать ответ. Так почему не нужно демпинговать?

— По морде можно получить, — ляпает от души Морозов. — Ибо нехрен на себя одеяло тянуть.

Валентин Игоревич зависает, он не ожидал такого ответа. А вот остальные присутствующие оценивают, по рядам проходится смех.

— Вы глубоко застряли в девяностых, Морозов, — выдавливает наконец-то из себя препод.

— Я в них даже не жил почти... — отрезает Глеб.

Дерзость — ещё один его конёк.

И голос...

Я, как певица и музыкант, всегда обращаю внимание на него. У Морозова он низкий, это бас. Невероятный, до мурашек.

Следующую лекцию я так же сижу и пялюсь в его затылок, пока он не поворачивается ко мне.

— Ты записывай, мне же нужно будет у кого-то списать, — говорит, улыбаясь.

— Угу... — киваю как болванчик головой и закусываю губу.

И я записываю. По крайней мере, стараюсь.

Ритка смотрит на меня широко открытыми глазами и с трудом понимает, что происходит.

На большом перерыве она умчалась в профком на какое-то собрание по поводу посвящения в студенты. Сказала, что быстро, но я, прождав её половину перемены, поняла, что она вряд ли успеет до звонка и в одиночку пошла в столовую на обед.

Большая часть студентов уже пообедали, и в зале несколько пустых столиков. За один из них я и сажусь. Только съела пару ложек супа, как, напротив, на стул плюхается Морозов и кладёт передо мной на стол шоколадку, а сам отхлебывает из стаканчика кофе.

— Что это? — киваю на плитку.

— Пицца для ума, — откидывается на спинку.

— Пицца для ума — это знания.

— Они хреново усваиваются без глюкозы, — осушает свой стакан и одним броском попадает им в мусорку. — Спасибо, что помогла.

— Не за что... Думаю, что на моём месте ты бы поступил так же... — гляжу в свою тарелку, боясь поднять глаза.

— Это вряд ли, — сжимает губы.

Подпирает руками голову и, не отрываясь, смотрит на меня.

Я пытаюсь проглотить ещё хоть одну ложку супа, но под его пристальным взглядом это не получается.

— Что-то ещё? — решительно поднимаю глаза и встречаюсь с его цепким взором.

— Что сегодня вечером делаешь? — в лоб.

— Работаю...

На его лице одновременно смешиваются несколько чувств: удивление, замешательство и расстройство.

— Жаль... Хотел тебя в кино пригласить. Завтра, к сожалению, я не смогу. Ладно, договоримся позже, твой номер у меня есть, — отодвигает с шумом стул и привстаёт.

— А с чего ты решил, что я с тобой куда-то пойду? — ты дерзкий, но и я не нюня какая-то.

Он снова садится. По его лицу понятно — ему никогда не отказывали.

Ну, ничего, пообтекаешь.

— Ты меня динамишь? — недобрый прищур и пронизывающий насквозь холодный взгляд.

— Да, — нагло, глядя прямо в глаза.

Даже если ты мне и нравишься, это не значит, что я сразу побегу за тобой, как собачка.

Его глаза растерянно и недовольно забегали.

— Тебе раньше не отказывал никто, да? — жалостливо, будто щеночка пожалела.

— Нет, — с рычанием.

— Ничего. Всё бывает в первый раз. Первый поцелуй, секс, динамо, — довольна растягиваю ухмылку.

Мне кажется, что он сейчас мне врежет, так заиграли его желваки. Ощущение, что я слышу скрежет его зубов.

— Ну, это мы ещё посмотрим, Белка, у кого всё в первый раз, — наклоняется, и говорит, выдохнув в меня горячий ментоловый запах.

Белка?

Совсем берега попутал?

Он мне прозвище придумал?

Глава 5

Первый рабочий день. И вроде всё спокойно, люди в меру вежливые и без выпендрежа, но душа не на месте.

У меня всегда было обострённое шестое чувство — жопой чувствую неприятности. Вот и сейчас такое же. Где-то внутри гложет и скребётся кошка, предупреждая.

Я понимаю, о чём была моя тревога спустя пару часов после начала работы.

В бар приходит компания, в которой Морозов. И они как назло садятся за мой столик.

На трясущихся ногах подхожу к ним и как могу стараюсь не смотреть в сторону Глеба.

Чтоб тебя!

А на его лице играет очень даже наглая и самодовольная улыбка.

Блин! Как же она ему идёт...

Его друзья заказывают выпивку и закуски, а Морозов кофе.

Кофе? Серьёзно? Ты в Кофеманию пришёл?

Здесь люди напиваются и отвратительно поют, так, что кровь из ушей идёт, а он кофе заказал. Было бы проще его хотя бы немного ненавидеть, если бы он пил. А тут посмотрите на него, трезвенник-язвенник.

Почти весь вечер не сводит с меня глаз, даже в полутьме я ощущаю его колючий и холодный взгляд.

Пару раз из-за этого чуть поднос не перевернула с заказами.

Пока его друзья напиваются и весело проводят время, он просто хлещет ведрами кофе.

— Может, хватит его пить? — попытка отговорить, когда он просит принести очередную чашку. — Это вредно.

— Я у тебя совета не спрашивал, — дерзит, не отрывая глаз от экрана телефона. — Просто принеси то, что тебя попросили.

Теперь понятно, почему он выглядит уставшим. Столько кофеина употреблять за день. Он вообще спит по ночам?

— Может всё же чай? — не унимаюсь.

Он поднимает голову и пронзительно смотрит на меня, переворачивая всё внутри.

Да и чёрт с ним!

Что ты за него переживаешь? Он своё здоровье беречь не хочет, а тебе на кой это надо?!

Я приношу ему этот треклятый кофе.

Пусть подавится!

И едва не выливаю на него, потому что в этот момент какая-то ненормальная так резанула по слуху своим завывающим голосом, что приходится зажать уши.

— Уберите её нахрен от микрофона! — кричит Морозов одному из друзей, сморщившись от неприятного голоса.

Девушка из их компании, а ещё она живёт надо мной.

Кринж!

Мои несчастные барабанные перепонки. Похоже, они лопнули. В ушах звенит. Работать в таком месте — наказание для людей с музыкальным образованием. Надо беруши покупать.

Морозов с друзьями просидел почти до закрытия. В зале остались одни они.

И он явно уже давно скучает и хочет сбежать домой, но почему-то не уезжает. Просто

чаще выходит на улицу покурить.

Его компания всё же расплывается и выходит из бара, скорее вываливается с шумом и смехом.

Костя, парень, который сидит за пультом диджея делает мне знак, что я могу спеть.

Мы разговорились перед сменой, и я поделилась, что "немного" занималась вокалом раньше. Он предложил показать свои возможности после работы.

Долго упрашивать меня не надо, я по микрофону дико соскучилась. Быстро выбираю песню и выхожу на сцену.

(Саунд: Ирина Дубцова — "Ешь, молись, люби").

Обожаю эту песню и модуляцию в ней. Постепенно с низкой тональности в высокую.

Ух! Каждый раз мурашки по телу.

Я срываю аплодисменты.

Все коллеги с открытыми ртами слушали.

Но был ещё кто-то. В зале. Это хлопает Морозов...

Кровь приливает к лицу, и я как трусиха, сбегая со сцены.

Почему? Не знаю.

Именно от него я этого не ожидала.

Какого чёрта он вообще вернулся?

Я собственными глазами видела, как он вышел вместе с друзьями.

— Ты чего, Алин? — спрашивает Костя, зайдя следом за мной в подсобку. — Круто спела, у меня аж мороз по коже пошёл. Вот кому надо в караоке ходить, а не этим... — кивает в сторону зала.

— Спасибо... — натягиваю ветровку на плечи непослушными руками.

— И не парься. Боязнь сцены лечится выходом на неё, — подмигивает.

В курсе я.

Мы все выходим из бара и расходимся в разные стороны. Только я остаюсь у порога.

Автобусы так поздно не ходят, а такси нужно ждать минут десять.

— Белка! — окликивает знакомый голос.

Бесишь, Морозов!

Вот какого хрена ты с друзьями не уехал?

И прозвище это дурацкое.

Я наоборот отворачиваюсь от него и стараюсь отойти на максимальное расстояние, чтобы не видеть.

Не помогло.

Чувствую, как он подходит и мягко берёт меня за локоть, потянув в свою сторону.

— Что тебе надо? — говорю с обидой в голосе, одёргивая руку.

Пару часов назад он нагрубил мне. Или у него память отшибло?

— Извини, был неправ, — разворачивает к себе лицом. — Давай, до дома довезу.

— Я и на такси прекрасно доберусь, — огрызаюсь.

— Зато не очень безопасно, — припугивает меня.

— А тебе значит можно доверять?

— Меня ты хотя бы знаешь, — улыбается.

— Всего день...

— А таксиста ты ещё даже не видела. Идём, — тянет за руку и ведёт к своей машине.

Помогает мне сесть в салон и награждает умопомрачительной улыбкой, когда наши

взгляды встречаются.

Где таких делают, а?

Он похож на бога с Олимпа.

Кто там у них был самый красивый? Аполлон?

Точно. Вот он самый сейчас занял место за рулём.

Я отменяю такси, и мы едем в направлении моего района.

Он даже адрес не спросил.

— Ты знаешь, где я живу?

— Конечно. Помню, как ты за мной с балкона подглядывала, — улыбается, мельком взглянув на меня.

— Может я была там в гостях? — надежда, что он меня тогда не заметил, рухнула.

— Нет. Твой сосед сверху — мой друг, он подтвердил мои предположения.

— Миша — твой друг?

— Да.

Мы столкнулись с этим парнем неделю назад у лифта, на первом этаже. Он пытался подкатить ко мне, представился. Так я и узнала, что он живёт надо мной.

А та девушка с голосом пилы — его подружка.

Я не знаю о чём нам разговаривать, поэтому ляпаю первое, что приходит в голову:

— Как Вьетнам?

— Нормально. Жарко только. Зимой надо ехать.

— Зимой там дожди и туманы, — вспоминаю нашу с Родионом неудачную поездку туда.

Тогда мы неделю просидели в отеле из-за непогоды, потом плюнули и полетели на Бали.

— Я там зимой не был.

— И не нужно, — отворачиваюсь к окну.

Мне теперь море ещё долго не светит увидеть.

— Белка, ты чего расстроилась? — неожиданно сжимает мои пальцы.

— Не называй меня так! — убираю руку.

— А как тебя называть? Маленькая, рыжая и зубы показываешь. Белка и есть. Правда, у нас белки чёрные. Иногда серые попадаются.

Чёрные? Интересно...

Но сжимаю от злости челюсти и демонстративно снова лицом к окну.

— Не обижайся, но тебе идёт это прозвище. Тебя наверняка так с детства зовут. Или это фамилия мужа? — произносит с каким-то раздражением.

Откуда он знает, что я была замужем? Да и до сих пор остаюсь, официально развода не было, меня просто "убили".

Вопросительно смотрю на него.

— У тебя полоска на безымянном пальце, — читает мой немой вопрос, взяв мою руку, и проводит большим пальцем по месту, где раньше было обручальное кольцо. — Значит, ты совсем недавно его сняла. Муж козёл попался?

— Все вы одинаковые...

А ты ещё и Шерлок Холмс доморощенный.

Но вслух я этого не говорю.

Он только усмехается. И снова проводит пальцем по моей руке, выпуская с затылка

мириады мурашек до самых пяток.

Даже дыхание спирает. Я сижу и борюсь со жгучим пульсирующим чувством внизу живота.

Это желание?

Да нет! Это что-то другое — точно вам говорю.

У дома из машины я вылетаю как пуля, кинув дежурное «пока» и испугавшись, что он, заигравшись в крутого пикапера, полезет целоваться. А я не готова к такому повороту.

Однажды я уже поторопилась. И чем всё закончилось? Тем, что я хрен знает где, а мои родные думают, что я мертва.

Дома забираюсь в кровать, даже не приняв душ. Всё же мне не хочется смывать с себя ощущения его прикосновений. Они слишком приятные, с ними не хочется расставаться.

Как всё по-идиотски...

Обхватив себя руками, я придаюсь девичьим фантазиям.

Неожиданно для себя мне захотелось узнать, как он целуется. Такие пухлые губы просто предназначены для поцелуев.

Ээ, успокойся! Что за ересь лезет в твою дурную голову?

Глава 6

Не выспавшись, как следует, я плетусь утром на остановку, чтобы доехать до университета.

Какие же люди в это время злые и ворчливые. Все куда-то лезут и боятся даже лишний сантиметр в транспорте уступить. Набились в несчастный автобус, как селёдки в банке.

Я с трудом успеваю выскочить из него на своей остановке, пока водитель не закрыл двери.

Погода отвратительная, морозящий дождь, а у меня даже зонта нет. Я о нём не подумала, когда перед переездом собирала вещи. Надо обязательно купить, не хочется ходить, как мокрая курица. У ворот университета меня прячет под свой Ритка, подхватив под руку и прижавшись ко мне.

— Как прошёл первый рабочий день? — весело интересуется.

— Ужасно... Неужели некоторые люди не понимают, что пение — это не для них?

— А под градусом многим глубоко посрать на общественное мнение.

— Это точно. У меня чуть кровь из ушей не пошла, — вспоминаю ту ненормальную с пищащим голосом.

— Кстати, я тут узнала, нашей команде КВН нужен участник с голосом, не хочешь пойти?

— Нет, юмор — это не моё...

— Тогда можно в наши коллективы попробоваться. Тебя точно возьмут.

— Я подумаю...

Мне нельзя светиться. Одно дело петь в караоке после работы, а другое на тысячу человек в зале. Или сколько здесь студентов? Кто-нибудь обязательно снимет и скинет в интернет, а это может меня рассекретить.

Но можно поинтересоваться у Алексея, вдруг позволят.

Мы замешкались перед входом в аудиторию, и я неожиданно получаю толчок в плечо от того, что меня кто-то задевает.

— Эй, полегче! — возмущённо, поворачиваясь к обидчику.

На меня смотрят ледяные серо-голубые глаза Морозова.

— Тебе места мало? — наезжаю на него.

Но, похоже, он тоже с утра не в духе и явно не выспался.

— Не стой на пути, Белка. Укусить некого?

Ритка, открыв рот, наблюдает за нашей перепалкой.

— Представь себе! — показываю зубки.

Он вдруг протягивает руку вперёд:

— Валяй... Надеюсь, у тебя нет бешенства? Говорят, грызуны одни из его переносчиков.

А то я уколы с детства не люблю.

Я задыхаюсь от возмущения.

Что он себе позволяет?!

Хочется выхватить из рук Ритки зонт и огреть этого зарвавшегося наглеца.

Но он сам ретируется, оставив последнее слово за собой.

— Что это было? — проговаривает тихо Красникова.

— Придурок. Не видишь что ли?

— Алин, с ним так нельзя. Он потом ещё месяц задирает будет своими подколами и пошлыми шуточками. С ним из-за этого никто не связывается, он, правда, ещё и вломить может. Я в прошлом году позволила себе дерзнуть в его сторону, так две недели со стыда сгорала.

— Пук земли что ли? На каждого бойца найдётся боец покруче. Он что девушек бьёт?

— Нет. Парням спуска не даёт. Ребята говорят, что он в спецназе служил, даже хотел по контракту остаться, но передумал почему-то.

— Вот и оставался бы в своей армии... — бубню под нос.

Мы заходим в аудиторию и садимся на свои места прямо перед звонком.

Морозов сегодня переехал на два ряда выше.

Все пары чувствую спиной тяжёлый взгляд в затылок. Чтобы убедиться в этом, даже фронталку на телефоне включаю и направляю в его сторону.

Точно... Сидит, смотрит и нагло ухмыляется одним краешком рта, заметив то, что я за ним наблюдаю.

— Алин, ты лекцию слушай, — одёргивает меня Рита. — По ней тест на следующем занятии будет.

Да я на сто процентов уверена, что не сдам его. Толку-то пыхтеть и стараться запомнить все эти непонятные термины. Даже зубрёжка не помогает, я ничего в этом не понимаю. Это не музыка...

Вот вы знаете, что такое каденция, фиоритура или бельканто? Нет? А я знаю. Мне ваши базисная цена, монетизация и пер-пе-ту-и-тет ничего не говорят. Хотя... Монетизация — это то, что на за просмотры видео деньги платят, если не ошибаюсь.

* * *

После занятий к Рите подходят два наших одноклассника, Слава и Денис.

— Красникова, что по посвящению слышно? Автопати будет?

— Да, Красникова, едем на Амур или нет? — виснет у них на плечах Гусев.

— Будет, но добирается каждый сам, — отвечает Рита.

— Это и так понятно. Когда нам на тусу автобус выделяли? Правильно — никогда, — смеётся Стас. — Глебас, а ты едешь? — обращается к проходящему мимо Морозову.

— Нет! — громко и гневно.

— Как обычно... — машет на него рукой Денис. — Девчонки, вы с нами? — смотрит уже на меня и Риту.

— Нас мой брат отвезёт, — отрезает подруга, поднимаясь из-за парты. — Мне прошлого года хватило, — злой взгляд в сторону Стаса.

— А что было в прошлом году? — с интересом спрашиваю у Риты, когда выходим из аудитории.

— Всю дорогу Гусев меня лапал, кое-как отбрыкалась.

— А этот почему не ездит? — киваю на Морозова, который идёт впереди, метрах в семи от нас, уткнувшись носом в телефон.

— А он вообще нигде не участвует. Ему или некогда, или неинтересно. У него своя компания...

Видела я её вчера, эту компанию.

— Алин, мне в профком надо, я побегу.

— Давай... Завтра увидимся.

— Ага, до завтра, — прощается взмахом руки.

Я выхожу на улицу. Всё ещё идёт мелкий противный морозящий дождь. Одежда почти сразу от него промокает насквозь. Поежившись и накинув на голову капюшон, я направляюсь к остановке. Сегодня идти пешком я не намерена.

Проходя по тротуару, замечаю Глеба, курящего у своего огромного джипа.

— Белка! — оклик в спину.

Разворот к нему и вкладываю во взгляд весь свой гнев в отношении его.

Сам ты Белка!

— Садись в машину, — приказным тоном, щелчком отбрасывая в сторону окурков.

— Нет!

Он бесцеремонно хватает меня за руку и запихивает в машину.

— Что ты себе позволяешь? — моему возмущению нет предела.

— А ты? В больничку загреметь решила? Без зонта ходишь... — хриплый голос режет слух.

— Что ты такой заботливый? Тебе не всё ли равно?

Он не отвечает.

Включает печку и трогается с места. Через пару минут в салоне машины становится приятно тепло и уютно. Пригревшись, я не сразу замечаю, что мы свернули по круговому не к моему дому, а в центр.

— Куда ты меня везёшь? — взволнованно.

— В Старый город...

— Я тебя не просила!

Я вообще не знаю где это.

— Меня не надо просить, — всё так же с жесткими нотками в голосе.

Через несколько минут мы паркуемся у большого торгового центра с вывеской «Острова».

— И где здесь старый город? — оглядываюсь по сторонам.

Ничего и близко нет. Одни мебельные магазины.

— Там, — показывает на этот самый комплекс.

Старым городом оказался отдел в центре, где расположились небольшие кафешки.

Красиво.

Дизайнеры постарались создать атмосферу позапрошлого века в Германии внутри огромного здания. В сочетании с полумраком и подсветкой в виде фонарей, смотрится очень романтично.

— Это что Эйфелева башня? — глазею по сторонам и замечаю конструкцию, уходящую в потолок.

— Да. Идём, — тянет за рукав в сторону китайской кафешки.

Глава 7

Глеб помогает мне снять куртку и жестом приглашает за столик. Сам перед тем, как сесть, взъерошивает влажные волосы, придав им очаровательный беспорядок.

Интересно, какие они на ощупь? Мягкие или жёсткие?

О чём ты думаешь, Оля? Смотри в меню...

— Ты говорил, что сегодня занят, — напоминаю ему, рассматривая список блюд.

— Я про вечер говорил. Поэтому мы здесь сейчас.

Я заказываю какой-то китайский салат с овощами и фунчозой, сок, он полноценный обед.

— И что ты делаешь вечером? — хочется его немного понервировать.

Явно же у него свидание. Интересно, как выкручиваться будет.

— Работаю... Мне машину надо перед продажей покрасить, — спокойно прожёвывает мясо в кисло-сладком соусе.

У меня даже сомнений не появилось, что это может быть ложью. Слишком уверенно и расслабленно он это сказал.

Моя ревность утихает.

С чего она вообще появилась?

Он мне никто. Да, нравится. Да, сильно. Но ревновать нужно того, кто тебе близок, а не того, кто пару раз с тобой заговорил и подержал за ручку. Я Родиона-то никогда не ревновала, а возле него всегда крутились охотницы на богатых мужчин.

— Расскажи о себе... — прогуливается глазами по моему лицу, останавливаясь на переносице.

— Зачем? — гляжу пристально на него.

— Интересно...

— Интересно? С каких пор? Ты же сам скучный, — брякаю, не подумав.

— Скучный? — смеётся. — Кто тебе такое сказал?

— Все. В мероприятиях и праздниках ты не участвуешь, с однокурсниками почти не общаешься.

— И как это сочетается со словом «скучный»? То, что я не участвую в тусовках — так себе аргумент. Что мне делать в толпе перепитых студентов? Наблюдать за блюющими по углам?

— Фу, — брезгливо. — Мы же едим!

— Вот и я про то же...

— Ты не пьешь? — догадываюсь.

— Нет.

Класс! Плюсик в твою карму, губастенький.

— Почему?

— По малолетке пару раз напивался так, что после последнего проснулся с сильнейшим отравлением в реанимации. С тех пор ни капли. Теперь твоя очередь откровенничать.

— Что ты хочешь узнать?

— Всё.

— Это вряд ли получится. Я сама большую часть своей жизни не помню. Так устроен

мозг, он помнит всё, но стирает малозначительную информацию.

— Смешно... — растягивая фальшивую улыбку. — Думаю, главные моменты из своей жизни ты точно помнишь. Например, замужество, — язвительно.

— Я не была замужем... — вспомнила свою легенду. — Обручена...

Надо же как-то выкручиваться, он ведь заметил след от кольца на пальце.

— Значит, в наш город ты сбежала от несостоявшегося мужа. И откуда?

— Из Хабаровска. И не сбежала. Просто решила переехать. Там меня ничто не держало.

В универе перевелась.

Сейчас вообще так делают?

Да пофиг! Может он тоже не знает.

— Семья?

— У меня никого нет, — очередной факт из новой жизни.

— Ты сирота?

— Да. Отца никогда не было, а мать умерла год назад.

— Почему переехала к нам? Можно же было в Москву.

Я словно снова на допросе.

— Москва деньги любит, а у меня их нет, — это правда.

Мне очень было тяжело жить в столице без финансовой поддержки извне. Приходилось убивать себя днём на учёбе, ночью на работе, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. Первое время даже голодала, хорошо, что жила в общежитии, а не приходилось снимать комнату. Цены на жильё в Москве космические.

Когда появился Родя, я выдохнула. Он окружил вниманием и заботой. Наверное, именно это и заставило меня выйти замуж практически за первого встречного. До него я не сильно пользовалась популярностью у парней, кому интересно встречаться с почти оборванкой. А Коваль не побрезговал. За это я ему очень благодарна. Он сделал из меня ту, кто я сейчас, научил быть уверенной и любить себя.

Чтобы тебя признали и полюбили другие, прежде всего, полюби себя сама — вот чему он меня учил.

И я полюбила.

А со временем стала замечать к себе интерес у противоположного пола. Появились поклонники. Но я оказалась верной. Кроме Родиона, а он был первым и единственным мужчиной в моей жизни, никого не было. Другие просто не привлекали.

До недавнего времени...

— Ты почему не ешь? — возвращает меня из воспоминаний Глеб.

Я и в самом деле сижу и задумчиво ковыряю в тарелке.

— Не вкусно? Давай другое закажем, — вглядываясь внимательно.

— Вкусно... Просто я не голодна... — враньё.

Я даже не завтракала.

— Уйдёшь отсюда только тогда, когда тарелка будет пустая. Ты и так кроме травы ничего не заказала, — досадливо хмыкает.

Серьёзно?

Тут же порция как на десять человек!

И я запикиваю в себя салат. Не весь, конечно, но достаточно, чтобы наесться.

Из кафе Глеб ведёт меня в отдел и покупает... Зонт!

— Чтобы без него я тебя больше в дождь не видел, — грозит с улыбкой пальцем.

Неудобно, но я принимаю подарок.

Мне кажется, он впервые проявляет к девушке такую заботу.

Перед уходом из торгового центра Морозов притормаживает у отдела, где варит и продаёт кофе... робот.

— Будешь? — кивает Глеб на прайс.

— Нет.

Он покупает себе большой стакан, а мне всё равно берёт горячий шоколад с маленькими зефирками.

— На улице холодно, — оправдывает свой тёплый порыв.

Когда мы идём к выходу, то нам навстречу попадаются две красивые девушки в открытых нарядах, которые, не стесняясь на ходу, начинают строить Глебу глазки и улыбаться. Я смотрю на его реакцию. Он смущается и даже, не глядя на меня, как на автомате берёт за руку и сжимает пальцы, показывая этим двум цыпам, что занят.

Они расстроились.

Это было видно по кислым лицам и искривлённым губам. С презрением глядят на меня.

Ещё бы! Какой-то мелкий рыжий очкарик рядом с таким красавчиком.

А ты удивляешь, Казанова.

Ещё один плюс в твою карму.

В голове рождается идея, что если вдруг его приспичит перейти от слов к делу, то первый поцелуй он получит только тогда, когда насобирает десять плюсиков.

Пока у тебя два.

Ладно, три.

Добавлю один за то, что подвёз, согрел и накормил. И подарок.

На половине пути до моего дома Морозову кто-то звонит. Он ставит телефон на громкую связь, значит, скрывать нечего.

— Да?

— Глебас, где документы на машину? — слышу на том конце довольно знакомый голос.

Это Миша.

— Алин, посмотри папку в бардачке, — просит меня.

— Алина? А ты времени зря не теряешь, — посмеивается друг. — Привет, соседка!

— Привет, — достаю зелёную папку и подаю Глебу.

Вот что теперь Миша обо мне подумает?

— Они у меня.

— А какого хера? А если бы нас на посту не тормознули? Мы бы двести с лихуем километров просто так проехали! Вези прямо сейчас, пока они добрые и машину на штрафстоянку не отогнали.

Глеб бросает виноватый взгляд в мою сторону. Похоже, ему неудобно, что друг заматерился при мне.

— Сейчас привезу... — отключается. — Не против ещё прокатиться?

Качаю головой. Я за городом ещё не была ни разу, интересно, что там.

Морозов проезжает по круговому движению недалеко от моего дома, но сворачивает на другую дорогу, которая прямёхонько ведёт на мост через реку и за город.

— Это Амур? — смотрю вниз с моста.

— Нет, это Зея.

— Воды много...

— Да, разлилась...

Отъехали мы недалеко, от силы пару километров до поста ДПС.

На стоянке возле двух машин курит сосед Мишка и ещё какой-то парень.

— Я сейчас, — выходит из машины с документами Глеб и уходит к друзьям.

Они видимо перегоняют куда-то автомобиль, а документы остались у Морозова.

Я во все глаза смотрю по сторонам, пытаюсь разглядеть и запомнить местность. И от увиденного прихожу в шок.

Из машины и бреду в сторону пешеходного перехода, через дорогу и замираю у ограждения.

Такого я ещё не видела никогда...

Глава 8

— Куда она? — кивком показывает в сторону Мишка.

Белка идёт через дорогу.

Какого хрена тебя туда понесло?

Сую папку с документами Даньке в руки и за ней.

Она стоит и смотрит во все глаза вниз.

— Эй? — притрагиваюсь к плечу.

— Это что, наводнение? — глядит на меня шальными зелеными глазами.

— Да. Что тебя удивляет? Набережная под водой. Не видела?

Согласно качает головой.

Видела...

— А как же люди? Посмотри, там дома почти по крышу под водой...

— Всех эвакуировали. Почти всё это дачи. Поселок чуть выше и там вода ниже. Такое ощущение, Алин, что ты первый раз такое видишь, — подозрительно. — Хабаровск ведь тоже топит.

Её глаза начинают странно бегать, словно она что-то скрывает.

— У нас меньше воды...

— Не сказал бы, я был там перед отпуском.

У меня чувство, что она в Хабаровске никогда вообще не была. Как и то, что не в разводе.

От кого-то прячется?

Скорее всего... Значит, проблемы серьёзные.

Выясним по ходу. Будет юлить, посажу в машину и отвезу в Хабару, пусть на месте показывает, где у них что.

— Поедем, дождь опять начинается, — зову её.

На ней тонюсенькая куртка не по погоде. Не хочется, чтобы простуду подхватила. Наоборот хочется прижать к себе и согреть эту маленькую рыжую Белку.

С первого взгляда у светофора зацепила своими зелеными глазами под стёклами. Смотрела так пристально, что приятно стало, и тепло по телу прошло от макушки до пяток.

Никогда не обращал внимания на очкариков, а эта привлекла чем-то.

Чем?

Хрен его знает! Есть в ней что-то такое, чего нет в других. Стильно она смотрится в этих очках.

Обычно девчонки сами проявляют инициативу ко мне, не догадываясь о том, что я не намерен заводить серьёзные отношения, но каждая надеется. А я пользуюсь этим.

Эгоист?

Не отрицаю.

До недавнего времени мне так было удобно. Пара взглядов, комплиментов, и можно везти очередную дурочку домой. А можно и не везти, большинство даже до него не терпели и были готовы прямо в машине раздвинуть ноги.

А сейчас в голове, снах и перед глазами только Белка. Особенно последние пару дней. Я из-за неё в отпуске нормально отдохнуть не смог, как какое-то видение проникла во сны. И

ведь я видел её всего-то пару минут. Мельтешила в сновидениях почти каждую ночь, заставляя просыпаться и думать о том, какого чёрта она мне приснилась.

Мишку напрям по дороге в аэропорт, чтобы узнал, кто живёт под его квартирой.

Когда вернулся и включил наконец-то интернет в телефоне, от которого намеренно отказался на отдыхе, то увидел в чате её фото.

Удивился?

Не то слово.

Охуел!

Весь вечер как дурак смотрел на фотографию, а она с неё улыбалась мне.

Утром, придя на занятия, сразу стал искать рыжего очкарика в аудитории.

Вот она!

Сидит, смотрит на меня, открыв рот. А потом все занятия сверлила мой затылок глазами. От этого взгляда я мурашками покрывался. И не только. Хорошо под партой не видно, что у меня как у пятнадцатилетнего школьника стояк.

Белка, что ты со мной делаешь, а?

Я пытался с ней общаться нормально, но она зубы показывает. Есть в ней что-то от грызунов.

От свидания отказалась.

Да я забыл уже, когда сам на них девчонок приглашал! А эта носом повела. И ведь вижу, что наши чувства взаимны, её так же от меня прёт, но настырно не сдаётся.

Решила поиграть?

О'кей, только правила диктую я.

Игнорируешь и не хочешь со мной общаться?

А вот фиг тебе!

Нарочно буду подвозить каждый день. И с работы ждать, даже если сдохну у этого бара от недосыпа.

* * *

Отвез Белку домой, а сам заскочил к себе.

В прихожей с радостным лаем встречает мой верный друг.

— Привет, зверюга! — треплю по голове стаффа. — Соскучился? Сейчас я переоденусь, и пойдём гулять.

Дикого, так зовут пса, надо выгулять, иначе он сделает в прихожей море.

Выхожу из спальни в теплом спортивном костюме, а собака уже сидит у входной двери с поводком в зубах. С малых лет такая привычка.

Из-за этого кобеля мне пришлось ипотеку оформить, никто не сдавал квартиру жильцу с собакой. Нормальные люди ради семьи и детей её берут, а я ради блохастого щенка. Утрирую. Блох у него никогда не было, он чистокровный и с документами.

Намордник, поводок, и мы в лифте с соседкой, которая каждый раз смотрит на Дикого как на монстра.

— Он не кусается, — успокаиваю её в очередной раз, но она, как всегда, не верит.

Я за его дрессировку кучу денег отвалил. Вообще в эту собаку вложил столько, что я просто обязан на нём жениться.

Полчаса на то, чтобы сделать свои грязные дела и немного пробежаться.

— Извини, дружище. Мне ещё на работу надо ехать, так что завтра подольше погуляем, может и погода разъяснится, — гляжу на небо, затянутое свинцовыми тучами.

Скоро опять пойдёт дождь.

Дикий скулит, предчувствуя, что опять ему придётся провести весь вечер в одиночестве.

— Не могу я тебя с собой взять, — строго. — Ты в прошлый раз мне шланг на краскопульте перегрыз. И не надо на меня так смотреть! — пес делает грустные глаза. — Самому на душе тошно... Я тоже много чего хочу, но не получаю.

Это я про Белку.

Снова сбежала из машины, когда до подъезда довёз, словно ужаленная.

Я что на маньяка похож?

Просто за руку взял. Что тут такого? Нравится мне чувствовать её маленькую ладошку в своей руке.

Она сама миниатюрная.

Сколько в ней роста? Метр в прыжке?

В кармане вибрирует телефон.

— Да, мамуль.

— Привет, сынок! Как у тебя дела?

— Нормально.

— Я вот что звоню... У папы тут планы поменялись, я одна в субботу приеду.

— Хорошо... А билет его тогда кому?

— Тебе. Со мной пойдёшь, — давяще.

— Мам, я в Филармонию на спектакль? Прикальываешься что ли?

Это же кринж.

— Они раз в год приезжают, выдели из своего рабочего графика часа три на родную маму.

— Ладно... — соглашаюсь.

Спорить бесполезно, у неё один аргумент — я мать и ты обязан.

Она отключается.

Мама купила билеты на спектакль одного из московских театров, артисты которого прилетят к нам в город на фестиваль "Амурская осень". Они с отцом должны были приехать на выходных, на эту премьеру, но батя, похоже, слился. Его можно куда-нибудь вытащить только, если командование прикажет. Он подполковник.

Оставляю пса дома, а сам отправляюсь в гараж, в котором вожусь до поздней ночи с покраской машины.

Обычно мы втроём это делаем, но сегодня пацаны погнали тачку новому хозяину и вернутся только завтра к обеду.

А потом вместо того, чтобы поехать домой и завалиться спать, я припёрся к дому Белки.

Сажу на подножке машины и курю одну сигарету за другой, вглядываясь в тёмные окна её квартиры на третьем этаже.

Зачем я здесь?

Она уже давно спит, и дураку понятно.

Я достаю из кармана телефон и пишу самое идиотское в мире сообщение:

" Спишь? "

" Нет", — через секунду.

" Выходи. Я внизу".

" Зачем? "

" Соскучился".

В ответ тишина.

А в окне загорается свет и появляется силуэт. Белка отодвигает штору и смотрит вниз. Машу ей рукой.

Она отходит от окна и свет гаснет.

Ну, давай! Выходи.

Глава 9

Алина спускается через пару минут.

Смешная, в худи, которая ей размера на три велика, и штанах от пижамы. Эдакая современная Пьеро, из-за длинных рукавов кофты.

Закидываю в рот жвачку, чтобы перебить запах табака.

Не знаю как вы, а я этой ночью планирую целоваться.

— Морозов, тебе чего, как всем нормальным людям, ночью не спится? — набрасывается сразу с упрёками.

— Ты же всё равно не спишь...

— Потому что экономику учу.

— Пошла она на хер! Садись в машину.

— Зачем?

— Покажу кое-что.

— Не буду я у тебя ничего смотреть, — отходит на пару шагов к двери подъезда.

А ты с юмором, Белка.

— Покатаемся... Садись, — открываю ей дверь.

Косо на меня глядя, она всё же забирается в салон машины и пристегивает ремень.

Правильно, таких как ты, надо на привязи держать, чтобы зубы не показывали.

Выехав со двора, я сразу двигаюсь на шоссе.

— Куда мы едем? — всматривается в темноту за окном.

— На семнадцатый километр, — шучу.

— А что там? — опасливо.

Блядь, ты ж не местная.

Мысленно хлопаю себя по лбу.

— Ничего... Тебе туда ещё рано.

Кажется, она поняла, потому что в глазах появился страх. Беру её руку и переплетаю пальцы, чтобы успокоить, они немного подрагивают.

Отъехав от города, сворачиваю на просёлочную дорогу, которая ведет вверх на небольшую сопку. Я сюда иногда привожу Дикого порезвиться и птиц погонять. Однажды приехал ночью и охерел от открывшегося вида. Город и поселки рядом, как на ладони, вид завораживает.

Останавливаю машину у края и грозно гляжу на Белку.

— Выходи! — вкладываю в голос немного шуточной злобы.

Она испуганно таращит глаза. А меня разбирает смех.

Видела бы она сейчас своё перепуганное лицо.

— Не понимаешь ты шуток, Белка. Пойдём, — выхожу сам и открываю ей дверь.

Она с осторожностью, почти крадучись, выходит наружу и осматривается по сторонам.

— Зачем ты меня в лес завёз?

— Маньяк я, Белка. Ты ж меня именно таким считаешь, надо соответствовать репутации, — очередной панч.

— Глеб, что за дурацкие шутки?!- обиженно.

Я тяну её за руку, притягиваю к себе и ставлю перед собой, лицом к городу.

— Смотри.

Она удивлённо приоткрывает рот. Да, дух немного захватывает.

— Надо было на пару часов раньше приезжать, пока люди спать не легли, но всё равно красиво, — приобнимаю одной рукой за талию.

От близости Белки кровь в венах заструилась быстрее, и в голове появилось лёгкое чувство эйфории, которое накрывает.

Я утыкаюсь носом в её волосы и втягиваю их запах. Они пахнут шампунем.

— Ты меня нюхаешь? — разворачивается в моих руках.

— Да, ты вкусно пахнешь ванилью, — опять делаю вдох.

— Морозов, ты псих! — пихает в грудь.

Я рывком поворачиваю её опять спиной к себе. Не хочу видеть недовольное и надменное лицо. Борьба со мной бесполезно, Белка, я всегда добиваюсь своего — рано или поздно.

Как в машине сплетаю пальцы, перебирая каждый.

Кайф.

Ни разу такого не ощущал, по телу словно ток пускают, и он волнами гуляет вверх и вниз. Это дурманит.

Интересно, что будет от поцелуя?

Логично, что ощущения должны усиливаться.

Беру Алину за талию и подсаживаю на капот джипа, устроившись между раздвинутыми ногами. Теперь она смотрит на меня сверху вниз. В глазах столько непонимания и какой-то детской наивности. Снимаю с неё очки и убираю себе в карман.

— Морозов, прекращай, ты меня пугаешь, — упирается руками мне в плечи, когда я сжимаю своими ладонями ей бёдра.

— Зачем тогда поехала со мной?

— Ты же сам сказал, чтобы садилась в машину, — приоткрывает сладкие губки, в которые хочется впитаться поцелуем.

— Ты всегда такая послушная? Я тебя не под дулом пистолета заставлял. Могла отказаться, — скольжу руками по её бедрам до попы.

Она шумно втягивает воздух и вцепляется ногтями в мою кофту.

— Не надо, Глеб, — умоляюще.

— Всего один поцелуй, — приближаю к ней лицо, пытаюсь поймать её губы, но она уворачивается. — Не сопротивляйся. Ты тоже этого хочешь, я видел, как ты смотришь на мои губы.

— На них все смотрят, Морозов. Ты их в зеркало видел? Филлеры колешь?

Смешно.

Я в курсе, что мне от природы не мужская особенность досталась. Самое интересное, что ни у кого в роду таких нет. Отец шутит, что я в соседа пошёл.

— Я таким родился, могу детские фотографии показать.

— Где справедливость, а? Мужчинам губы, ресницы, задницы, а нам что?

— Белка, мы тут философствовать, и завидовать будем или целоваться? — сжимаю руками её бедра и снова тянусь к губам, но она мне их накрывает ладонью.

— Ты ещё мало плюсиков собрал.

— Каких ещё плюсиков? — нихрена не понимаю.

— В карму... Вот наберёшь десять, тогда и поцелую, — нагло ухмыляется.

— И на каком я уровне?

— Пока три.

— Три? Всего?! И за что?

— Добрый и заботливый, не пьёшь, не ведёшься на заигрывания, — погибает пальцы. —

И ладно, так уж и быть, за этот вид тебе тоже плюсики ставлю. Четыре, — показывает ладонь.

Про заигрывания ты ошибаешься... Тут я не святой. Просто в торговом центре решил не давать повода во мне сомневаться.

— Ты здесь ещё весной не была, все сопки становятся розовыми из-за цветущего багульника.

— Серьёзно? — распахивает ресницы.

— Да. Белка, у меня создаётся твёрдое убеждение, что ты не с Хабаровска.

Она ёрзает и отводит глаза в сторону.

Подозрительно всё это.

— Ладно, не хочешь говорить — не надо. Что мне нужно сделать, чтобы шкала моей кармы заполнилась быстрее?

— Не знаю... Ты сам должен решить, — пожимает плечами.

Меня где-то обманули, и нихрена мы играем не по моим правилам.

— Белка, ты нарываешься, — дергаю за ноги, так, что она упирается своей промежностью мне в живот.

Блядь, от одной мысли об этом будто стрелой горячей пронзило.

— Извини, — вздергивает бровки и игриво проводит пальцем по своей нижней губе.

В голове я собрал все маты, которые знал. Давно я так кого-то не хотел, как её, и тут облом. Даже с поцелуями, я на большее пока и не надеялся.

Придумала хрень с плюсами к карме.

Что у вас, девчонок, вечно законы какие-то? Зачем всё усложнять?

В жизни всё гораздо проще — либо да, либо нет. А тут и отказала, и вроде как, если ты будешь белым и пушистым, то я своё мнение поменяю.

Иногда наличие мозгов у девушек очень мешает, потому что она твой основательно выебет, пока ты сделаешь это с ней. С тупенькими гораздо проще, конечно, встречаются исключения, но я уже научился таких вычислять с первого взгляда.

Белка — это крепкий орешек, сразу понял, но отступать, не намерен. Хочешь все эти муси- пуси?

Окей, получишь.

Но потом, в постели, за каждый мой лишний нерв ты будешь стонать в два раза сильнее. Это я тебе обещаю.

Есть у тебя нерастроченный сексуальный потенциал, нутром чую. Даже сейчас, не смотря на весь твой героический настрой и идиотские убеждения, глаза покрываются поволокой от лёгкого прикосновения к бедру или руке.

Я специально провожу ладонью по внутренней части её ноги от колена до паха. Она с шипением глубоко вздыхает и хватает меня за запястье. Я не ошибаюсь — тебя кроет похлеще меня, Белка.

— Не надо...

— Я понял... Поехали домой, — спускаю её на землю.

Игры, так игры.

Я в ролевухах ещё ни разу не участвовал.

Глава 10

Вот какого ты ко мне приперся, Морозов?!

Я скоро ноги от недосыпа таскать буду еле-еле. Опять лишил сна и покоя до самого утра. Плавала в фантазиях, представляя нас вместе.

Бесишь, гад!

Я от дневного псевдо-свидания ещё не отошла, а ты снова дров в тлеющий костёр подкидываешь.

Чуть не сгорела от его прикосновений. Как мастерски он запускает огонь по венам, я реально готова была плюнуть на всё и впиться поцелуем в его пухлые губы. Такие они в тот момент манящие были, что скулы не свело.

Даже не подозревала, что во мне столько чувственности. С Родионом такого не было. Щекотно, немного мурашило или приятно — да, но не так, чтоб мозги практически набекрень. Я почувствовала, как потекла от его поглаживаний по ногам, даже потряхивать начало. И в голове эйфория от волны выброшенных гормонов. Чистый кайф...

Как он это делает?

Я опять уснула только под утро, поэтому на занятия прихожу, как зомби.

А Глеб вообще не явился, и на сообщение не отвечает, даже не читает.

— Не знаешь, почему Морозова нет? — переборов стеснение спрашиваю у Риты на перемене.

Она, как староста, обычно в курсе из-за чего кто-нибудь отсутствует.

— Нет. Проспал, наверное... Если бы причина была уважительная, то он бы отписался утром. А вообще, это у тебя нужно спросить — почему его нет, — с иронией.

— С чего бы это?

— Вы же вчера вместе уехали, я видела в окно, как ты к нему в машину садилась.

— Он просто до дома довёз, у меня зонта не было...

— Алин, не связывайся с ним! Всё обычно так и начинается — сегодня до дома подвёз, завтра сводил куда-нибудь, послезавтра — завалил и свалил. Всё, это его финиш.

— Мне кажется, ты преувеличиваешь... — не верю.

— Ты у девчонок спроси, с которыми он такое уже проделал. Дашу Фомину или Лизу Митрофанову. Как они тут по нему слёзы лили и бегали хвостиком. Фомину он вообще при всех опустил, сказав, что нехрен ныть, думать надо было, прежде чем ноги раздвигать.

Вот сволочь!

А чего ты удивляешься? Тебя и раньше предупреждали. Но ты же ищешь в людях святость, а не пороки.

Да, и сейчас ищу.

— Алин, я не слепая, он на тебя глаз положил. Только для него — это игра, а ты потом с разбитым сердцем останешься. Думаешь, я не заметила, что он тебе нравится? Заметила... Он всем нравится и даже мне. Ну... чисто внешне, — поправляется. — Но зная его, никогда бы с ним не связалась. Морозов серьёзно только к своей работе и тачкам относится, потому что ему надо ипотеку и кредит за машину платить.

— Я тебя слышала, — отвечаю подруге односложно.

Несмотря на её аргументы, мне тяжело в это поверить. Просто не хочу. Моя интуиция

меня никогда не подводила, и сейчас она орёт, что он не врёт. Что ко мне у него другое отношение.

У него внутри тоже идёт какая-то борьба с самим собой, это видно по глазам. Они то теплеют, то становятся снова холодными. А там, на сопке, полыхали огнём. Мне, кажется, Глеб сам не был готов к близости, как и я. Да, возбужден до предела, но согласись я, точно бы включил заднюю. Он просто поцеловать его просил...

Отсидев все занятия, пешком отправляюсь домой. Сегодня дождя нет, и даже осеннее солнышко немного припекает. Возле подъезда меня ждёт Алексей, он обещал заезжать раз в неделю, проверять как я.

— Здравствуйте.

— Добрый день! Как у вас дела? — поднимается мне навстречу с лавочки.

— Неплохо.

Не совсем, но думаю, что мои душевные терзания ему малоинтересны.

— Может быть что-то нужно? — вежливо.

— Да. Можете меня в супермаркет отвезти? Не хочу пешком оттуда сумки тащить, — наглеть, так по полной.

— Конечно.

— Я учебники только домой закину.

* * *

Прогуливаясь между стеллажами с продуктами, пытаюсь выбрать для себя подходящее. Очень много продукции местных производителей, качественной и с маленьким сроком годности, значит без консервантов. Особенно кисломолочные продукты вкусные, я подседа на биокефир местного молочного завода.

— Что-то ещё? — Алексей опускает в мою тележку пакет с картофелем.

— Да, огурцы и помидоры.

— Хорошо, — возвращается в овощной отдел.

Пока разглядываю на упаковках состав мюсли, кто-то кладёт к моим покупкам пару пакетиков орехов.

— Глеб? — вижу его рядом.

— Белки должны есть орехи, а не зелень, — приподнимает пакет с салатом.

— Это полезно, — выхватываю из его рук и кладу на место.

— Всё полезно, что в рот полезло, — улыбается.

— Почему на занятиях не был?

— Проспал... Подумал, что если и так уже опоздал, то можно и дальше дрыхнуть. Так и сделал.

— Хорошо тебе... Мог бы, и ответить на сообщение.

Он собирается сказать, но:

— Алина, у вас всё нормально? — подходит к нам Алексей, прерывая наш разговор, и с подозрением окидывает взглядом Морозова.

Тот тоже в ответ проходится по нему глазами и недовольно щурит их. Его щека слегка дёргается.

Пилят друг друга подозрительными взглядами.

— Да, это мой одноклассник — Глеб, — представляю.

Алексей представляться не стал.

Морозову он явно не нравится. Смотрит прожигающим, словно лазер, взглядом.

Что это? Ревность?

— Кто это? — спрашивает, когда мой куратор отходит за водой.

— Знакомый...

— Странный знакомый, на мента похож, — смотрит в сторону Алексея.

Тебе бы сыщиком работать, Морозов. С первого взгляда раскусил, кто он такой.

— Менты по-твоему — не люди?

— Люди, но не такие, как все.

Я фыркаю.

Ничего особенного в Алексее нет, абсолютно неприметный. Как Глеб разглядел в нём принадлежность к неким структурам, ума не приложу.

— Тебе помочь? — кивает на тележку.

— Меня Алексей подвезёт.

У Морозова на шее вздувается вена, и играют желваки.

Вот теперь точно видно, что ревнует.

Ничего, тебе полезно.

Психует и, не прощаясь, в сторону кассы.

Обидчивый какой, посмотрите-ка на него!

* * *

— Вызывали, товарищ полковник? — входит в кабинет Алексей Аксёнов.

— Да, проходи, — указывает ему на стул Виталий Юрьевич. — Что у нас там по Белкиной?

— Всё вроде тихо. Поклонник один, правда, нарисовался, но мы за ним приглядываем.

— Что за поклонник?

— Глеб Александрович Морозов, — открывает папку и подаёт фотографию начальнику. — Двадцать два года, мелкий предприниматель, занимается перекупом машин. Вроде серьёзный парень. Никаких приводов и нареканий нет. За исключением института, но там списывают всё на его нежелание учиться, школьный аттестат почти на отлично. Кстати, из наших...

— Что значит «из наших»? — приподнимает сверлящие глаза полковник.

— Служил в разведроту спецназа в Приморье. Был на хорошем счету, командование даже хотело его отправить дальше учиться в академию ФСБ, но он передумал и вернулся на гражданку. Отец в особом отделе в Белогорске служит.

— Ух, ты! Почему передумал?

— Указано «по личным мотивам».

— Понятно... Странно, что он неожиданно рядом нарисовался.

— Может совпадение? Они на одном курсе учатся.

— Поставьте его тоже на прослушку. Я в совпадения не верю. Хотя при папе офицере госбезопасности... — с сомнением гладит подбородок. — Всё равно поставьте.

— Так точно, товарищ полковник. Можно идти?

— Иди.

Глава 11

Глава 11

На следующий день Морозов со мной ни одним словом не обмолвился.

Все пары сидит на последнем ряду, слушая преподавателей или залипая в телефоне, взъерошенный, явно невыспавшийся и с недовольной миной на лице.

Несколько раз ловлю на себе его холодные взгляды, но когда пытаюсь установить с ним зрительный контакт, он просто отворачивается или опускает глаза.

А как он зашвыривает несчастный рюкзак в машину после занятий.

Столько злости в глазах я никогда не видела.

Срывается со стоянки, словно торопится куда-то очень сильно.

Эко тебя накрыло!

— Не в духе сегодня Мороз, — отскакивает в сторону Рита, когда он мчится мимо. — Какая муха его укусила?!

Муху зовут Алексеем.

Он, похоже, подумал, что между нами что-то есть. Глупо... Но и правду я рассказать не могу.

— Алин, ты завтра поедешь вечером на тусовку? Я уже с братом договорилась, он нас отвезёт.

— Да, конечно...

— Вот и отлично. Тогда захватим ещё кого-нибудь из девчонок.

* * *

Отработав вечернюю смену и выйдя на улицу, замечаю, что машина Морозова припаркована на стоянке у бара. В прошлый раз он курил, стоя рядом, сегодня его нет. Поколебавшись и потоптавшись немного, решительным шагом направляюсь к ней, сажусь в машину и громко хлопаю дверью.

Он спит, откинувшись назад. От хлопка дверки подпрыгивает и открывает глаза. Моргает сонно, заводит машину и, не сказав ни слова, выезжает с парковки. Проехав половину пути молча, я не выдерживаю и первая заговариваю:

— Так и будешь, как сыч, дуться?

Он бросает мельком взгляд в мою сторону и снова внимание на дорогу.

— Никто не дуется.

— Ага, маме своей рассказывай. Весь день волком смотришь. Не знаю даже, зачем тогда приехал за мной.

— Чтобы ты не добиралась до дома неизвестно с кем. Знакомый твой, судя по всему, не готов тебя по ночам домой провожать, — язвительно.

— Ревнуешь?

Он ударяет по тормозам, смотрит на меня леденящим кровью взглядом, а потом выворачивает руль и паркует машину на стоянке рядом.

— Да, ревную, — ошарашивает признанием.

— Ничего себе!

— Удивилась? Я тоже. Впервые готов ради девушки в лепёшку разбиться, всегда наплевать было.

— Ты действительно удивляешь, Морозов. Все говорят — ты сноб бесчувственный, а у тебя, оказывается, есть тонкая душевная организация, — издевательски.

— Да что ты знаешь обо мне? — дёргает носом, сжимая челюсти.

— Практически ничего, ты же никого в свою жизнь не впускаешь. Живёшь, как затворник, только подогревая слухи о своих бесконечных любовных победах.

— А теперь ты ревнуешь, — скабрёзно оскалится.

— Что? Тебя? Много чести! — вскрикиваю от возмущения и выхожу из машины.

Да пошёл ты!

Пусть сотру ноги в кровь, добираясь до дома, но с тобой я дальше не поеду.

Претензии он мне будет кидать!

Иду, не поворачиваясь назад, знаю, что он медленно едет, выжидая, когда у меня закончатся силы, и я сдамся.

Не дождешься!

Пройдя пару кварталов, останавливаюсь на светофоре. Неожиданно мимо пролетает машина, почти рядом со мной, и окатывает водой из лужи.

Откуда она здесь?

Дождь два дня назад был.

И машина эта, чертова, в это время...

От обиды и взвинченности не выдерживаю — плачу.

Стою и так как мокрая курица, ещё и реву как дура.

— Всё? Закончилось твоё геройство? — подходит сзади Морозов.

— Иди ты тоже... — всхлипывая.

— Я бы пошёл, но страшно тебя одну оставлять, ты же опять во что-нибудь вляпаешься. Поедем, пока грязь в куртку не впиталась, потом не отстираешь.

Шмыгая носом, я всё же возвращаюсь в его машину.

— В бардачке есть салфетки, протри лицо, — включает свет и откидывает козырек с зеркалом напротив меня.

Я привожу себя более-менее в порядок, и мы отъезжаем со стоянки.

— Куда мы едем? — замечаю, что он повернул в другую сторону.

— Ты же хотела узнать, чем я живу, вот увидишь. И у меня машинка с сушилкой. Куртка, я так понимаю, у тебя единственная.

— Нашёл время в гости приглашать.

Морозов живёт на другом конце города, на набережной Амура, новостройка, девятый этаж.

Войдя в квартиру, в крошечной темноте, слышу тихое рычание.

Здесь кто-то есть и он точно не рад гостям.

Я влипаю в дверь.

Морозов, скажи, что у тебя какой-нибудь йорк или чихуахуа.

— Фу, свои! — приказывает Глеб и включает свет.

Прямо передо мной сидит здоровая мускулистая псина и смотрит, не отрываясь.

Кто это? Питбуль? Ротвейлер?

— У тебя собака? — заикаясь.

— Представь себе... И оторвись уже от двери, он тебя не тронет.

— Ага. Он же бойцовский!

Глеб закатывает глаза, снимает куртку и вешает в шкаф.

— Нет такого понятия — бойцовская собака, есть понятие — дебилы хозяева, которые натаскивают их на бои. Ванная там, — показывает рукой.

Я крадучись, вдоль стены пробираюсь в неё.

Пёс даже с места не двигается, провожает только поворотом головы. Глеб почесывает его за ухом, отчего тот радостно виляет хвостом, и они скрываются в комнате.

Осматриваю ванную. Очень в мужском стиле, черно-белая, вся блестит от чистоты.

Не говори только, Морозов, что ты сам здесь всё надраиваешь.

Гляжу на себя в зеркало.

Господи, какое же жалкое зрелище!

Чумазая, мокрая и с размазанной по лицу тушью для ресниц. Вроде же всё вытерла.

Волосы висят грязными сосульками. Я сейчас похожа на домовёнка Кузьку. И мыть меня нужно так же — прямо с одеждой.

Стягиваю куртку и забрасываю в стиральную машинку. Свитер чистый, но вот джинсы превратились в грязную тряпку.

И что делать?

Не без штанов же перед Морозовым щеголять пятой точкой.

Но он сам находит выход, приносит мне свою шёлковую пижаму.

— Держи, — протягивает её мне, задерживая взгляд на расстёгнутой пуговице на поясе джинс.

Мой же взгляд падает вниз.

Рядом с Глебом стоит пёс и с интересом разглядывает на меня, поворачивая голову на бок то в одну, то в другую сторону.

Что в голове у этой зверюги?

Агрессии он не проявляет, но внутри от его присутствия всё ходуном ходит.

— Ты можешь его запереть? — киваю на собаку.

— Зачем?

— Он недобро на меня смотрит.

— Пойдём, Дикий, нас тут не любят, — слегка коленкой пса в бок, выталкивая из дверного проёма.

— Дикки? Миленькое имя для такой собаки.

— Не Дикки, а Дикий, — поправляет меня.

— Ну и кличка, — фыркаю носом. — Ты в курсе, что, как яхту назвать...

— Да-да, так она и поплывёт, — перебивает. — Лучше душ прими, чем разглагольствовать.

Я снимаю оставшуюся грязную одежду и закидываю тоже в машинку, включаю её для стирки. Принимаю горячий душ и надеваю пижаму. Естественно, велика, но подкатив рукава и штаны, вполне себе можно носить.

Она новая, Морозов даже бирку не оборвал. А у него есть вкус. Это не мешковатые брюки или спортивные кофты со штанами, которые он обычно носит. Очень интересно было бы увидеть его в классическом костюме с галстуком. Фигура у него что надо, каждый мускул на месте.

Перестань! Что за дурацкие фантазии.

Глава 12

Глеб сидит в гостиной на диване и бездумно листает пультom каналы на телевизоре. Рядом устроился пёс, который, когда я захожу в комнату, приподнимает в голову и настороженно присматривается.

— Ну вот, уже на человека похожа, а не на мокрого воробья, — шутит Морозов. — Чай будешь?

— Нет, — оглядываюсь в поисках, куда можно присесть.

В углу стоит стул, на него я и забираюсь с ногами, прижав колени к груди.

— Дикий, место, — командует собаке, та с неохотой спрыгивает с дивана и ложится на лежанку у батареи. — Можешь сесть здесь, — хлопает он рукой возле себя. — А не скукоживаться на стуле, как бедная родственница, — взгляд на меня исподлобья, и закидывает руку на спинку.

Сидеть рядом с ним? На диване? Вдвоём в квартире, не считая собаки?

Так себе идея...

Все мои мечты о близости с ним в мгновение рассыпаются в реальности. Всего лишь глупые фантазии. На самом деле я до жути боюсь. И не самого процесса, а того, что не смогу удовлетворить его потребности.

Вдруг ему не понравится?

Поэтому лучше просто держаться от него подальше, так надёжнее.

Почему ты так на меня смотришь?

Хватит!

Я уже чувствую, как лицо заливают краска и становится жарко. Ощущение, что я перед ним нагишом.

Запахиваюсь плотнее.

— Тебе идёт моя пижама, — улыбается.

— Она новая, ты её ни разу не надевал.

— Подарок мамы на день рождения. А не надевал, потому что сплю голый, — пошленькая полуулыбочка на губах.

Зачем ты мне это сказал? Хочешь ещё больше меня смутить?

Я и так уже пылаю от крови, прилившей к лицу. И жар поднимается внутри от неловкости. А в квартире прохладно.

Нравится издеваться над скромными девушками?

Ты же к другим привык. Более раскрепощённым и развратным.

— Такая милая, когда стесняешься, — точно издевается.

— Не думай, что если мы тут с тобой одни, то ты можешь...

— Не собираюсь я к тебе приставать! — читает мои мысли. — Почему ты всё время намекаешь на то, что я похотливый мудака, только и мечтающий затащить тебя в постель?

— А разве нет?

— Нет. Я у тебя всего один поцелуй попросил, но ты мне и в нём отказала. Если бы захотел, то и спрашивать бы не стал, просто поцеловал и всё. Но ты решила поиграть. Отлично! Будем играть в твою бредовую игру.

— Плюс один...

— Что " плюс один"? — вскидывает бровь. — Ах, да, — доходит. — За что в этот раз?

— За терпимость.

— С этим у меня проблем нет. Ну, так что, так и будешь там сидеть?

Я встаю со стула и сажусь на диван рядом с ним, но так, чтобы мы не касались. Глеб усмехается, видя мою неловкость, и снова принимается переключать каналы на телевизоре.

— Стой! Верни обратно! — замечаю, что он пролистал на одном из них мой любимый фильм.

Возвращает.

Я забираюсь на диван с ногами и внимательно на экран.

Этот фильм я смотрела уже, наверное, раз сто, знаю каждую реплику наизусть, но всё равно смотрю как в первый раз.

Спустя какое-то время замечаю, что Глеб глядит на меня и улыбается.

Я так увлечённо смотрела кино, что не заметила, как запихала пальцы в рот и чуть ли не сгрызла ногти.

Убираю руки и незаметно гляжу на них.

Надо бы маникюр сменить.

Интересно у кого Ритка ногти делает?

Завтра обязательно спрошу.

В ванной пиликает стиралка и Морозов уходит переложить мои вещи в сушилку, выключает на ходу в гостиной свет. Теперь её освещает только экран телевизора.

Почему-то сразу захотелось спать.

Конечно, уже утро почти.

Когда я начну спать по ночам как нормальные люди?

Пока рядом со мной этот парень — видимо никогда...

Я ложусь на диван и поджимаю ноги. Глаза начинают слипаться. Сквозь дрёму чувствую, как Глеб подкладывает мне под голову подушку и накрывает одеялом.

Тепло и уютно.

Плюс один тебе в копилку.

Итого шесть...

* * *

Сколько времени? — будит мысль.

Открываю глаза и приподнимаюсь. Прищурив один глаз, вторым осматриваюсь.

Я не дома.

Ах, да, я ж у Морозова.

Плотные шторы закрыты, чтобы не попадал свет. В полутьме скольжу взглядом по обстановке. Диван и два кресла, телевизор и тумба под ним, в углу шкаф с полками и небольшой стол с ноутбуком и лампой. Ничего лишнего. Серые стены. Сразу видно, что это квартира холостяка, с той лишь разницей, что везде чистота и порядок.

В моём представлении — у одиноких парней бардак и кругом обязательно должны валяться грязные носки.

Спускаю ногу на пол и закидываю её обратно.

Там что-то неприятно зажужжало и дёрнулось.

Вытягиваю шею вперед.

От дивана, шурша щётками, отъезжает робот-пылесос.

Вот кто тебе помогает мусор собирать. Конечно, с собакой в доме, это незаменимая штука.

Как эта псина не сгрызла ещё его?!

Встаю и отдёргиваю шторы, запустив солнечный свет в комнату.

Морозов, ты счастливчик!

У тебя такой захватывающий вид из окна на Амур и Хэйхэ через него. Не то, что у меня на гаражи и заправку.

Интересно, он ещё спит?

Прислушиваюсь.

Вроде тихо.

Стараясь идти бесшумно, подхожу к двери комнаты и приоткрываю её. Сквозь щель видно, что кровать заправлена.

Он вообще не спал или уже проснулся?

Осмелев, открываю дверь шире.

Ох, напрасно я это сделала.

В углу, у кровати, лежит пёс и, увидев, что путь свободен, рвётся ко мне.

Я успеваю захлопнуть дверь прямо перед его носом, а развернувшись, чтобы пуститься в бегство, врезаюсь своим лицом в обнажённую грудь Глеба, да так, что слышится громкий чмок моих губ о его кожу.

— Если ты хотела меня поцеловать, то губы, Белка, находятся выше, — поддевает.

— Это случайно... Твоя собака меня напугала.

— У него, вообще-то, имя есть. Это так... Для общего развития. Вдруг ты с ним подружиться захочешь. И я специально его закрыл, чтобы ты не дрожала от страха при виде Дикого, но ты упорно идёшь к нему в лапы. Кстати, доброе утро!

— Доброе, — проговариваю тихо-тихо.

Я почти не слышу, что он мне говорил. Я пялюсь на его грудь, на капельки воды после душа на волосках. Треугольник растительности на торсе, доказательство того, что с тестостероном у этого парня всё нормально.

Глаза скользят вниз по животу без признаков жира и до резинки штанов. От неё тоже идёт тонкая дорожка волос до пупка.

Я судорожно сглатываю.

От созерцания его тела по моему пошла теплая волна, оседающая внизу.

— Белка, прекращай! Неприлично так разглядывать мужчину, не давая ничего взамен.

— Что ты хочешь? — ошалело.

— Плюстик.

— О'кей...

— Значит, у меня их теперь шесть.

— Семь... — исправляю, всё ещё не отрывая от него глаз.

— Где я пропустил один?

— Подушка и одеяло...

— Оказывается, не всё так сложно и у меня есть шансы. Если очень хочется, можешь потрогать, — шепчет у уха.

Я послушно протягиваю руку и собираюсь дотронуться до небольшой татуировки выше

соска, но придя в себя, одёргиваю её.

Он хрипло смеётся.

— Ты меня разочаровала, Белка. Думал, что ты смелее, — цокает языком и скрывается за дверь спальни, оставив меня одну в полном раздрае.

Как так-то?!

Глава 13

Глава 13

— Где мои очки? — я помню, он их снял с меня перед тем, как я уснула.

— А зачем они тебе? — недоверчиво прищуривает глаза. — Они с простыми стёклами. Значит, проблем со зрением у тебя нет, — наливает мне чай, а для себя ставит большую кружку под кофеварку.

— Это не твоё дело. Верни!

Ставит передо мной чашку и кладёт рядом очки. Потом достаёт из шкафа тарелку с печеньем и конфетами.

— Что ты скрываешь? — скрещивает руки на груди и прислоняется поясницей к столу от кухонного гарнитура.

Хорошо, что он надел футболку, мне не придётся опять залипать на его торсе.

— Ничего... — растерянно.

— Алин, если у тебя проблемы, то можешь поделиться, возможно, я чем-то могу помочь.

— Алина? Я уже не Белка?

— Не придирайся к словам, уходя от ответа.

— Нет у меня проблем, — беру конфету.

Ты мне всё равно ничем не поможешь

— Накручиваешь себя, — разворачиваю и закидываю сладость в рот.

Разжевав, на зубах что-то затрещало.

— Она с взрывной карамелью? — приоткрываю рот, наслаждаясь щелчками.

Он широко улыбается и садится напротив с кружкой кофе.

Обожаю её с детства, но из-за проблем с деньгами в семье мне и такая малость перепадала редко. Поэтому, когда я смогла зарабатывать сама, позволяла себе пару раз в неделю покупать любимые конфеты.

В ногу упирается робот, и я отталкиваю его в другую сторону.

— Не обижай Валентина, а то он опять обидится, и будет ворчать в углу, пока батарейка не сдохнет.

— Ты дал имя пылесосу?

— Он достоин, убирать за Диким шерсть не лёгкая работа. Валентин, правда, третий уже. Два предыдущих умерли в зубах этой зверюги. А с ним у них вроде дружба.

— Мусор Валентин собирает. А кто остальное убирает? У тебя чисто, можно сказать — стерильно, как в операционной.

— Я сам, — смотрит поверх кружки.

— Сам? Не верю!

— Когда твой отец военный, то к порядку приучают с детства. Армия тоже вносит свои коррективы.

— Я даже удивлена, что тебя до сих пор никто не захомутил. Ты же мечта любой женщины. Наверняка ещё и готовить умеешь?

— Умею.

— Женись на мне, а?!- шутливо.

Он только угорает, поняв, что я не серьёзно.

Но если подумать...

Хотела бы я выйти замуж за такого?

Наверное, да...

Любая бы была согласна. Красивый, непьющий, зарабатывающий. И фиг с ним, что курит, даже от этого можно отучить при большом желании. И тогда будет идеальный муж. Но главное, чтобы любил. Я со своей стороны его бы точно любовью обеспечила по полной.

Глебу приходит сообщение, читает и отвечает голосовым, что будет ждать через час на месте.

— Где моя сумка? Мне нужно такси вызвать, — суечусь, понимая, что у него какие-то важные дела.

— Я сам отвезу.

— Тебе куда-то надо ехать. Так что не буду тебя напрягать.

— Ты и не и напрягаешь. У меня ещё целый час. И не возражай, — опережает меня. — Мне приятно проводить с тобой время.

— Значит, ты сегодня приедешь на тусовку?

Логично, что если я ему нравлюсь, то и он поедет.

— Нет. Я занят вечером. И тебе бы не советовал. Но я так понимаю, что просить тебя об этом бесполезно? — строго сводит брови.

— Так точно. Если ты отщепенец от коллектива, то я — нет.

— Я уже говорил, почему я не хожу на такие "мероприятия".

— Да-да, я помню, — встаю, забираю у него пустую кружку и ополаскиваю под краном обе. — С друзьями, между тем, ты в баре до последнего сидел.

— Я ради тебя сидел, — подходит почти вплотную. — Не хотел тебя одну ночью не понять с кем отпускать. У нас тут и сексуальные маньяки встречаются, особенно в том районе, где ты живёшь.

— Пугаешь? Это же неправда, да? — приподнимаю на него глаза.

— Ты хотя бы новости читай, за неделю два нападения.

По коже пробегает холодок.

Да нет!

Он просто пытается меня запугать, чтобы я вечером из дома не выходила.

— Отвали со своими дурацкими приколами! — ударяю его кулаком в грудь.

Пытаюсь другой, но он перехватывает руку за запястье. Проводит большим пальцем от основания кисти до сжатых пальцев, они расслабляются и ладонь раскрывается. Заглянув через глаза в самую душу, заставляет оцепенеть, подносит ладошку к своим губам и выдыхает горячим воздухом. Мурашки устремляются по всему телу, обгоняя друг друга. Прижимается к ней губами.

Чёрт! Как же это потрясающе. Причём в прямом смысле, меня слегка трясёт. И колени ватные.

— Глеб...

— Да? — отрывает губы от руки.

— Ты на встречу опоздаешь... — слова на выдохе, придумав причину, чтобы он прекратил эту сладкую пытку.

— Успею, — отпускает мою руку и, обняв за талию, притягивает к себе.

— Алин, ты куда пропала? — звонит Ритка, как только я дома ставлю телефон на зарядку.

— У меня телефон сел, я забыла его подзарядить, — оправдываюсь перед подругой.

Обнаружила это только, когда Морозов вез меня домой. Мобильник ожил, и я обнаружила несколько пропущенных от Красниковой и пару от Алексея.

Вот от этого пропускать звонки прямо категорически нежелательно. Поэтому после разговора с Ритой надо ему обязательно перезвонить.

— Будь готова к четырём, мы за тобой заедем, — предупреждает подруга. — И оденься потеплее, ночью у воды холодно.

— Хорошо. Буду ждать.

Рита сбрасывает, а я набираю Алексея и отчитываюсь перед ним, что жива и здорова. Так же доложила, что собираюсь с сокурсниками поехать отдохнуть на природу.

Чтобы занять себя, пока выжидаю время, решаю навести в доме генеральную уборку. А то даже как-то неудобно. У Морозова дома всё блестит, как у кота яйца, а у меня окна невымытые.

К четырём часам я уже сижу у подъезда в ожидании Красниковой. Она приезжает в компании старшего брата, он тоже учится в нашем университете, только на пятом курсе, и двух девочек из нашей группы, Маши и Насти.

Минут через сорок мы на месте. Это вверх по реке Амур, очень красивое местечко. Большая песчаная площадка с порослью подсыхающей травы, вокруг сосновый бор, а внизу река. Завораживающе...

Там уже около двух десятков машин, а людей раза в два больше.

Парни рубят сушняк для шашлыков или выгружают из машин коробки с алкоголем и закусками.

— Понятно, почему Морозов не приезжает на такие тусы, — брякаю вслух, увидев количество пива и водки.

— Да, он же трезвенник, — смеётся Ритка.

Она была в этот момент рядом и услышала мои слова.

— И вообще нудист.

— Нудист? — вот так номер!

Ладно голый спит, но чтоб...

— Это от слова «нудный», — уточняет.

— Я бы так не сказала, — пожимаю плечами, вложив в этот жест максимум равнодушия.

— Я так понимаю, ты с ним продолжаешь общаться, — заглядывает мне в лицо с попыткой прочесть правду в глазах.

— А что мне ему сказать? Отвали от меня?

— Да, так и сказать!

— Не могу я... Он мне нравится, Рит...

— Скажи ещё — влюбилась.

Я пытаюсь спрятать глаза и отвернуться в сторону, но Красникова наблюдает.

Да. я в него влюбилась, когда о нём ничего даже не знала. Просто увидела под своим

балконом.

— Алина, ну нет же! — вскрикивает подруга, догадавшись.

— Поздно, Рит...

Глава 14

— Убери эту блохастую скотину от меня, — просит мама, когда мы входим в квартиру. Собака радостно встречает нас у двери, виляя хвостом.

— Нет у него блох. И почему ты его так не любишь? Место, Дикий.

Пёс обиженно склоняет голову и уходит в гостиную на свою лежанку.

— Не люблю в целом собак, — проводит пальцем по тумбе в прихожей, проверяя наличие пыли.

Белка, ты спрашивала, почему у меня такая идеальная чистота? Вот ответ.

Родители гоняли за бардак в комнате. Впитал за столько лет любовь к порядку.

— Поэтому я её и завёл, когда стал жить отдельно. Вы же мне не позволяли, несмотря на то, что мы жили в частном доме. У всех собаки были, у нас нет.

— У тебя был кот, — возражает мать.

— Который меня терпеть не мог...

Мама тем временем проходит на кухню, инспектирует холодильник. Достает упаковку с сыром, проверяет срок годности и кладёт обратно. Следом тоже самое проделывает с колбасой.

Не дай бог сыночка отравится.

— Холодильник типичного холостяка.

Каждый приезд одно и то же. Упрёки и нравоучения.

Её взгляд падает на две кружки на сушилке, из которых мы пили утром с Белкой.

Бровь матери удивлённо взлетает вверх, на лице застывает немой вопрос.

Хорошее чутьё у меня точно в неё.

— Что? У меня бывают гости...

— Судя по чашке — это девушка, — пытливый взгляд.

— И девушки тоже, — веду плечами.

— Надеюсь, что эта не одноразовая, как все остальные? Давно пора прижать одно место и найти себе постоянную.

— Надейся... — бурчу и иду повесить куртку в шкаф.

— Я тебе огрызнусь! — кричит в след.

Пиздец! За два дня я с ней рехнусь.

Мою мать даже отец с трудом уже выдерживает. С годами она всё требовательнее и требовательнее. Всё чаще я с огромным нежеланием езжу в Белогорск, город, где живут родители. И именно из-за придирок матери. Всё ей не так или не эдак.

Батя после школы отпустил меня в свободное плавание и успокоился, живи Глеб, как знаешь. Отчислили — не беда, вали, служи в армии. Хотел и дальше по контракту остаться, но мать истерику закатила, пришлось вернуться назад в город, а мне нравилось, чувствовал себя каким-то особенным, так как в спецназ попал.

Финансово я от них не завишу, так что хоть этим она мне на мозг не капает.

Чёртова удавка! — дергаю галстук, ослабляя узел.

Вот нахер он нужен?

Вполне и без него можно обойтись. Нет же, мать заставила надеть. Выглядишь, видите ли, так солиднее.

Театр этот ещё! Отец умный — слился, сказав, что у него наряды, а мне теперь отдувайся за него.

Понятно, что московские артисты приехали, но мне оно надо? Я в кино-то раз в год и то по большим праздникам выбираюсь, так как мне не до этого или не с кем.

Девушка, не надо меня так пилить глазами! — замечаю пристальное внимание молоденькой девчули в компании мамы.

Сама невинность, а глазищами сожрать готова. Знаю я вас таких невинных и держусь подальше. Проблем от них выше крыши.

И вообще, у меня Белка есть. Почти... Так утром и не дала поцеловать в губы. Но тонкую шею я всё равно попробовал на вкус.

Её в моих объятьях даже колбасить начало, чувствовал, как дрожит тело. С губ сорвался сдержанный тихий стон.

А глазки как томно прикрывает, порхая густыми ресницами. Ммм... Кайф...

Вот кого я бы сам сожрал.

Блядь! Глеб, угомонись! А то конфуз выйдет. От одной только мысли кровь начинает к паху стекаться.

Белка, что ж ты за зверь такой, почему от тебя крышу, как ураганом сносит?

* * *

Спектакль — нудятина. Комедия.

И где смеяться?

Ни одного смешного фрагмента. Ещё и курить хочется, что уши пухнут. Пару раз порывался достать телефон, но мать смотрит волком — хочется под кресло забиться. А он периодически вибрирует в кармане.

Пока мама увлечённо отвлекается на сцену, я всё же достаю мобилу из кармана.

Ух, ты! Сообщение от Белки.

Прислала фото с тусы. Не удивила.

" Приезжай".

Фоткаю актеров на сцене и отправляю с припиской «не могу».

«Ого, да ты эстет! Плюс один, Морозов. Если приедешь, то добавлю ещё один. Будешь в шаге от поцелуя».

Вот зараза мелкая!

" Я подумаю".

— Убери телефон, — рычит на ухо мать.

— Всё-всё, убираю, — прячу.

Когда эта тягомотина закончится? Кто-нибудь знает?

Я скоро сдохну от скуки и желания курить.

Мама после возвращения домой сразу отправляется спать, попросив быть потише. Я около часа сижу и бесцельно листаю каналы на телевизоре, пытаюсь найти хоть что-то, что

отвлечет меня от дурацкой мысли сесть в машину и поехать к Белке.

— Да пошло оно всё! — выключаю телек и направляюсь к двери.

Дикий подбегает сзади и скулит.

Странный он какой-то сегодня вечером, боится чего-то. Обычно так ведёт себя только, когда к ветеринару его вожу, а тут дома перепугался.

— Дикий, дома остаёшься, хозяйку охранять, — он скулит сильнее. У них с матерью нелюбовь взаимная. — Не могу я тебя взять. Завтра съездим за город фазанов погонять, — достаю из шкафа тёплую куртку.

На берегу не май месяц и комары — звери.

Через полчаса я на месте, может даже раньше, летел, словно на пожар.

Шум, пьяные крики и танцы под долбящую из чьего-то сабвуфера музыку.

Веселье в самом разгаре.

— Гусев, Белкина где? — выхватываю из толпы долговязого.

Тот идёт с бутылкой газировки и стаканами.

— Там, — показывает пальцем.

Он уже в слюни.

— Я же говорила, что он приедет, — проговаривает заплетающимся языком Белка, обращаясь к Красниковой и подходя ко мне. — А вы не верили, — пьяно хихикает.

— Ты пила? — со злостью хватаю за руки, глядя в её мутные глаза.

Там сплошной туман.

— Да, кока-колу...

От напитка так не торкает.

— Гусев, ты опять девчонкам водку в сок подмешиваешь? — наезжаю на него.

— А я ни в кого её не заливаю. Сами пьют, — хватает Красникову за подбородок и засасывает в губы.

Фу, бя! Отвратно...

А с другой стороны тоже так хочу. С Алиной.

— Ты лучше за Белкиной смотри, пока она тебе крышу на тачке не проломила, — показывает пальцем в сторону моего джипа, отвлекаясь от лобызаний.

Где Белка? Как я её упустил? — кручусь на месте.

Ну, нет! Какого хера ты на мою машину полезла?

Сделаешь вмятины, лично выправлять будешь!

— Слезай! — громко, стараясь перекричать музыку.

Но она только вертит пальчиком и начинает подпевать песню, которая звучит из чьей-то машины.

Мелкая, кто тебя так задницей вертеть научил?

Врезать бы тебе по ней хорошенько, чтобы знала, как напиваться и устраивать грязные танцы.

Она встаёт на четвереньки, опускается и поет почти мне в лицо:

«Девушки ищут мажоров... Я люблю треки в миноре... Может, и нравлюсь тебе... Лишь потому, что игнорю... Хочешь украсть этот вечер... Ты так себе криминал... У тебя в голове я... Только я».

— Ого, а Дед Мороз увидел лето, — ржёт Гусев, положив локоть мне на плечо. — Потёк?

— Если не заткнёшься, я тебе ебло начищу, — грожу, скидывая руку.

— А я что? Я ничего, — приподнимает их вверх. — Нравится — забирай, — сваливает подальше.

А Белка тем временем собрала уже вокруг себя зрителей.

Да-да, петать и крутить жопой ты умеешь, всем уже это показала.

— Слезай с машины! — кричу на неё.

— Поймаешь? Добавлю ещё один плюс и того будет... — перебирает и растопыривает все пальцы. — Десять!

Вот ненормальная!

— Ладно, — делаю манящий знак.

И она прыгает прямо мне в руки.

Глава 15

Мы лежим на земле.

Своей тушкой Белкина сбила меня с ног и приземлилась сверху.

Глаза встречаются, а желанные губы в сантиметре от меня, стоит немного приподнять голову, и мы поцелуемся.

— Я получил плюс? — сдавленно.

— Даже не знаю, на ногах ты не удержался, — опалает дыханием, смешанным с запахом алкоголя. — Но попытка хорошая. Пожалуй... нет.

Так и знал — везде обман.

Наездница встаёт с меня и отряхивается от песка.

— Отвези меня домой, — просит неожиданно.

Мы уезжаем, оставив шумную вечеринку позади. Она сидит боком, прижавшись спиной к двери, и как змея смотрит на меня, не отрываясь, поглаживая нижнюю губу пальцем.

— Останови, пожалуйста, — произносит тихо.

Окидываю её взглядом.

Укачало?

Дорога не ровная, вполне могло, но вроде нормально выглядит, никаких признаков тошноты.

Всё же послушно торможу, не хочу потом салон отмывать.

Вместо того чтобы выйти, она вдруг перелезает со своего кресла ко мне и седлает сверху.

— Ого, вот это поворот! — не верю своим глазам.

— Заткнись, Морозов!

Она целует сама, впиваясь губами и разрывая ту преграду, что сама же и выстроила.

Твою мать! Как же это круто!

Звон в голове бьёт, словно колокол в церкви. Тело прошивают электрические разряды от того, что она покусывает мою губу. Втягивает её глубоко в рот и посасывает. А потом проводит языком по десне.

Ты, Белка, развратница!

Я ловлю нереальный кайф от поцелуев — впервые в жизни.

Она в это время уже скользит губами по шее и проводит языком по сонной артерии. Я слышу свой собственный стон. Её пальчики пробегаются вниз по груди, животу и забираются под джемпер.

Холодные, но я словно не чувствую.

Тело наполнило жгучее желание.

Алина проводит руками вверх к моей груди, а потом к плечам.

— Ты такой сильный, — выдыхает слова мне у рта. — И красивый, как греческий бог.

— Ты знаешь, как он выглядел? — так же в ответ, слегка касаясь своими губами её губ.

— Я знаю, как выглядишь ты.

Снова поцелуи, выжигающие напрочь мозг и оставляющие только чувства. Голые и незащищенные. Я даже знаю, как они называются.

Осознание этого словно ледяной душ отрезвляет меня, возвращая разжиженный разум.

— Алина, нет! — хватаю её за руки, когда она уже расстёгивает молнию на моих брюках.

— Ты меня не хочешь? — обиженно и с непониманием надувает губки.

— Нет, хочу. Но не так и не здесь. Не могу я с тобой по-быстрому в машине где-то в поле.

— Но я сама хочу...

— Белка, ты такого не достойна... — обхватываю её лицо и смотрю в глаза.

— Так и скажи, что не слишком хороша для тебя, — ударяет мне по рукам, чтобы я убрал их.

— Ничего подобного.

— Да пошёл ты! — слезает с меня и возвращается на своё место. — Неделю мне мозги парил. Сейчас — на, бери и пользуйся. А он заднюю врубил.

— Это в тебе алкоголь говорит.

— Это во мне униженное женское достоинство возмущается, — оскорблёно. — А я ещё как дура в него влюбилась!

Она вдруг замолкает и закрывает рот руками, поняв, что ляпнула сгоряча слишком много.

Это не просто удивляет — ударяет по голове.

Вот так признание!

И ведь мне его слышать приятно, даже желаемо.

Пытаюсь взять её за руки и объяснить, но она выдёргивает и прячет их в карманы куртки.

— Поехали. Я спать хочу, — вкладывает в слова всю злость, на которую способна и отворачивается к стеклу.

Возле подъезда попытка ещё раз поговорить с ней. Но в ответ только получаю гневный, холодный взгляд.

— Не приезжай больше, понял? — глядит как на врага. — И ждать меня после работы не надо! Я и без тебя обойдусь!

— Алина...

— Да, меня так зовут, а не какая-то Белка. Выруби себе это в памяти огромными буквами. И вали подальше от меня, к своей псине блохастой! — ударяет больно кулаком в грудь.

Да что вы все на него наезжает-то!

— Послушай меня, — перехватываю её руки, прежде чем она ударяет меня снова.

— Не хочу я тебя слушать, Морозов! — приподнимается на носочки и кричит в лицо. — Никакой ты не бог. Обычный придурок! К тёлкам своим вали.

— Алина! — встряхиваю её. — Протрезвеешь и поймёшь, что я прав. Не хочу я так. Хочу, конечно... — пытаюсь перефразировать, но она уже успела услышать, что желала и понять по-своему.

— Проваливай! И не приближайся ко мне больше, — отпихивает с силой и уходит домой.

Блядь!

Вот этого я всегда избегал. Всех этих разборок идиотских про любишь — не любишь, душевных страданий и прочей любовной херни. У друзей насмотрелся.

Катаюсь по городу, пытаюсь выветрить дурь из головы, вытравливая её горьким

сигаретным дымом. Одна сигарета за другой, пока не закончились. Смятая пустая пачка со злостью вышвыривается в окно.

— Да пошло оно всё к хуям! — выворачиваю руль в сторону дома.

Там меня встречает мать с недовольной кислой миной на лице. Ещё одна причина злиться.

— Где ты был? — накидывается. — Твоя скотина воет. Уже соседи ругаться приходили.

— Не твоё дело. И он не скотина! — скидываю грязные от песка кроссовки на пол.

И да, подметать я не собираюсь. Куртка не аккуратно повешена в шкаф как обычно, а закинута туда.

— Ты как с матерью разговариваешь? — очередная претензия в спину.

Я без ответа захожу в гостиную и, бросив на неё взгляд, закрываю дверь перед носом.

Достала! Без тебя тошно.

Заваливаюсь на диван как был, в одежде. Ко мне тихонько, по краю, подкрадывается Дикий, втыкаясь носом в локоть. Я приподнимаю руку, он проползает ещё немного и замирает.

— Похоже, только ты меня один искренне любишь, — треплю его по шее.

Пёс облизывает мне лицо и устраивается удобнее в моих тисках.

Так мы и уснули.

Утром просыпаюсь от того, что Дикий тянет меня за кофту зубами.

Понятно, ему надо на улицу сделать свои грязные дела.

— Сейчас-сейчас... — поднимаюсь с большой неохотой.

Хочется впасть в спячку до весны и никого не видеть, и не слышать. Я хронически не высыпаюсь. Силы уже заканчиваются.

Когда выхожу из ванной, где умывшись холодной водой, пытался привести себя в бодрость, то почти спотыкаюсь о Дикого, который уже сидит с поводком в зубах в ожидании прогулки.

— Идём, — пристегиваю поводок к ошейнику.

Намордник?

Да пошёл он к херам, этот намордник! Бунтовать, так по полной. В воскресенье в это время всё равно в парке только с десятков таких же собачников, как я.

Но карма, сука, вещь мгновенная.

В парке я оглядываюсь по сторонам, никого нет, и спускаю Дикого с поводка немного побегать. Отвлекаюсь всего на пару минут, в приложение для заказа цветов. Если просить прощение, так хотя бы красиво. Но даже выбрать не успеваю, как слух режет оглушительный женский крик откуда-то с другой стороны аллеи.

— Дикий! — зову собаку, его нигде рядом нет. Опять крик. — Да ну нах! — бегу в ту сторону.

Я думал, что мой пёс просто напугал какую-то женщину, которая шла мимо. Но я ошибся.

Слышу звериное рычание и взвизгивание.

Она так же, как и я, вывела своего боксера без намордника, и сейчас наши псы рвут друг друга в клочья, а девушка стоит и смотрит с ужасом на всё это.

Стараюсь оттащить Дикого за ошейник, но у него в голове уже закусил. С бешеными глазами он вгрызается в шкуру противника, а тот отвечает тем же.

— Дикий, нельзя! Фу! — но какой там.

По его налитым кровью глазам понятно, что он не остановится, пока не загрызёт боксёра.

Я делаю самый идиотский поступок в своей жизни — хватаю своего пса руками, хотя знаю, что так нельзя. И за это расплачиваюсь. Попадаю в замес двух разъярённых агрессивных собак.

Чувствую, как их зубы врезаются мне в кожу, даже одежда не спасает, рвут в клочки.

С трудом вырываю Дикого из этой драки. В горячке он ещё порывается к боксёру, но я из последних сил, онемевшими от боли руками оттаскиваю его и практически волоком веду домой.

Не пройдя и пары сотни метров, он падает на тротуарную плитку. Запал закончился, и пришло бессилие.

Преодолевая боль и слабость в руках, поднимаю друга и тащу к машине. Ему нужен врач.

Глава 16

— Не высматривай его, он не придёт раньше третьей пары, — предупреждает Рита, заметив, что я всё время смотрю в сторону лестницы.

— Никого я не высматриваю. А почему?

— Он ещё полвосьмого мне написал, что ему с утра в больницу.

— Морозов заболел? Позавчера был бодрячком, — делаю равнодушный вид, а в душе скребутся кошки.

— Не знаю... Он в подробности не вдавался. Что написал, то я тебе и сказала. Алин, забудь его. Он тебя бортанул. Чего-чего, а такого я от него не ожидала.

— Может я его неправильно поняла? Реально ведь пьяная была...

— А что тут не понятно, хотел бы, сделал. Фу, блин! Что мы обсуждаем? Радоваться надо, что ничего не было. А то бы пополнила список его побед, — закидывает сумку на плечо. — Пошли, через пять минут звонок.

Две пары сижу как на иголках, не могу сосредоточиться на лекциях. Внутри гложет нехорошее чувство, что у Морозова что-то серьёзное случилось.

Зачем больница? На здоровье он вроде не жаловался.

У меня после вчерашнего дня ещё до сих пор неприятный осадок на душе. Повела себя, как шлюшка какая-то, накинувшись на него. Сейчас я рада, что он отказался. Не опозорилась перед ним, я его даже не смогла возбудить. Никакая с меня соблазнительница. Ещё и в любви ему призналась.

Что он теперь обо мне думает?

Идиотка — что ещё...

* * *

— Охренеть! — толкает меня в бок локтём Красникова. Я разворачиваюсь к ней. — Видела? — кивает в сторону двери в аудиторию.

Рядом с преподавателем по финансам стоит Морозов. На щеке заметная ссадина, а рука, держащая сумку, замотана бинтом. Когда он идёт на место, замечаю, что и вторая рука тоже забинтована. И он хромает на левую ногу.

По нему грузовик проехал? Или сам куда-то влетел?

Ненормальный...

Не свожу с него глаз, пока он проходит мимо, мельком бросив взгляд в мою сторону. Душа сжимается от жалости. Представляю, как ему больно.

Все оставшиеся пары тайком, а иногда и не скрываясь, разглядываю его, а он делает вид, что не замечает этого.

— Рит, знаешь адрес Морозова? — решаюсь всё же узнать, что случилось, поехав к нему домой.

— Ты же была у него...

— Мы ночью к нему приехали, я не найду дороги. Помню только, что рядом с набережной.

— Сейчас посмотрю, где-то был файл с адресами всех наших. Хочешь узнать, кто его так?

— Хочу.

* * *

Через полтора часа я стою у его двери и раздумываю нажимать на звонок или нет. Страшно немного...

Зря, что ли соседей тревожила, чтобы мне дверь открыли? Не хотела на прямую его в домофон набирать.

Была, не была. Нажимаю на кнопку.

Тихо. Даже собаку не слышно. Но потом слышатся шаги и звук открывающегося замка. Дверь распахивается. Но это не Морозов.

На меня глядит женщина лет пятидесяти, по холодным серо-голубым глазам и заметной схожести я понимаю, что это мать Глеба.

— Здравствуйте! — заикаясь.

— Добрый день! — окидывает меня взглядом с головы до пят. — Вы что-то хотели? Если косметику продаётся, но сразу — нет!

— А Глеб дома? — сразу, чтоб не прогнала.

— Глеба нет, он в ветклинике. У вас что-то важное?

— Мы учимся вместе, он сегодня пришёл пораненный, я хотела узнать, как он себя чувствует, — выпаливаю на одном дыхании.

— Заходите. Он скоро приедет, — её глаза становятся теплее, она отходит в сторону, пропуская меня в квартиру. — Раздевайтесь и проходите на кухню...

Я вешаю куртку в шкаф и поправляю волосы у зеркала.

— Похоже, это ваше, — протягивает мне мою резинку для волос, которую я потеряла. — Я нашла её под ванной, и, судя по цвету волос, принадлежит она вам.

— Спасибо! — забираю свою вещь.

— Вы девушка, Глеба? — прищуривает глаза как он.

Как же они похожи с Морозовым. Одно отличие — губы. У него они пухлые и чувственные, у неё — две тонкие полоски.

— Мы скорее друзья...

Она вскидывает бровь вверх и закладывает руки в карманы халата.

— С каких пор он с девушками дружит?

— С недавних...

— Чай будете?

— С удовольствием, — соглашаюсь.

— Как вас зовут? — спрашивает у меня, доставая чашки из шкафа.

— Ол... Алина, — чуть не выдаю настоящее имя.

— А меня Людмила Николаевна. Вам с лимоном или без?

— С лимоном.

Она отрезает две дольки и кладёт в чашки с чаем. Одну подаёт мне, а сама садится напротив. Изучает внимательно.

— Глеб чай не пьёт, кофе хлещет как бык помой. Столько раз ругала его за это, но как

об стенку горох.

— Так что с ним случилось? — напрасно, что ли приехала на другой конец города.

— Ой, Алиночка, даже не спрашивайте! Жуть и ужас... Я даже решила остаться у него ещё на несколько дней. Представляете, пошёл вчера утром выгулять собаку, а намордник дома оставил. Так эта шавка блохастая сцепилась с такой же себе подобной, а Глеб полез их разнимать. Вот они его и подрали.

— Дикий укусил Глеба? — не верю.

— И он тоже. Столько раз говорила ему избавиться от этой скотины. Но нет же! Он у него дрессированный! Вот тебе и дрессура! Хозяина порвал. Так этот дурачок, вместо того, чтобы ехать в больницу, сначала в ветклинику псину повёз, а только потом поехал сам. Пятьдесят швов наложили. Пятьдесят! На руках живого места нет. И от госпитализации отказался, — чуть ли не навзрыд. — Шрамы теперь останутся.

Сказать, что я в шоке — ничего не сказать. Я в обмороке!

— И узнала я обо всём не от него, — продолжает Людмила Николаевна. — А от полицейских, которые пришли. Собака, с которой сцепился этот монстр, оказывается, сдохла от потери крови. И, слава Богу! Только теперь Глеб должен хозяевам компенсировать потерю «друга» и штраф за выгул собаки без намордника в общественном месте. Вот такие дела...

— Жесть...

— Не то слово, Алина.

— Можно же в суд подать, Глеб тоже пострадал, — кручу чашку.

— Глеб — дурак! — резко. — Сам полез к ним голыми руками. Теперь на уколы от бешенства ездить и на перевязку. А укусы очень долго заживают.

— Да, я знаю. Меня в детстве тоже собака кусала...

— Вот объясни мне, зачем ему эта шавка? — смотрит на меня.

— Я не знаю... Он её любит...

— Говорит, от одиночества завёл. Девушку лучше бы завёл, дурень! Извините, Алина, — решает, что меня её слова задела.

— Ничего страшного.

Из прихожей слышится звук открывающейся двери.

— А вот и Глебушка пришёл, — говорит громко и по-доброму его мать, чтобы он услышал, и направляется к нему на встречу.

— Мам, ты чего? — передаёт ей пакет с продуктами и снимает куртку.

— А у нас гости, вернее гостья, — ласково.

Глеб глядит с подозрением на маму и проходит на кухню.

— Алина?

— Привет! — смущённо зажимаю кисти рук между бёдер.

— Не ожидал, что ты зайдёшь.

— Как Дикий? — не знаю, что спросить, ещё и его мама так странно на меня смотрит и улыбается.

— Плохо, но врачи стараются...

— Вот и хорошо. Я, пожалуй, пойду, у меня сегодня ещё смена ночью, — встаю с желанием сбежать.

Не думала, что он так быстро вернётся.

— Уже? — встрепенувшись, Людмила Николаевна.

— Я узнала, что хотела, так что пора и честь знать, — дергаю плечами.

— Я провожу, — глядит на меня Глеб так, что всё вибрирует внутри.

Конечно, дура! Сперва выгнала, а сейчас сама к нему припёрлась.

А может быть, я раскаялась?

Ну а что?! Я девушка, мне всё можно!

Глава 17

— Зачем пришла? — перехватываю Белку у лифта.

— Хотела узнать, как ты. Твоя мама любезно всё рассказала. Вижу, что ты себя неплохо чувствуешь, — вот язва.

— Ага, пока на обезболивающих...

— Больно, да? — появляется искреннее сочувствие в её глазах.

Она слегка касается моей руки.

— Фсс... — делаю вид.

— Прости... — закрывает руками лицо.

— Я пошутил.

— Дурак! — ударяет ладонью по плечу.

— А вот теперь больно, — корчусь.

Попала как раз в зашитое место.

— Прости, прости, прости... — обнимает меня.

— Давай в лифт войдём. Не нужно маме видеть наш разговор, она наверняка в глазок подглядывает.

— Она у тебя хорошая. Заботливая...

— Ты её плохо знаешь, — пропускаю Белку вперёд.

Мама у меня — тиран.

— Значит, я прощён? — нависаю над ней, пока мы едем вниз.

— Я сама виновата, слишком поверила в себя.

— То есть? — не понимаю о чём она.

— Я тебя даже завести не смогла. Грош — мне цена.

— Что? — у меня чуть челюсть не падает. — Кто тебе такое сказал? — обхватываю её лицо руками.

Ничего себе! Вот это ты себя накрутила, Белка!

А по моей реакции и стонам было не понятно, что мне всё до охренения нравится? Или у тебя от принятого слух отключился?

— Ты сам сказал, что не хочешь меня, — бубнит сжатыми в трубочку губами.

— Дурочка ты. Услышала только то, что хотела. Я такого не говорил. Я сказал, что не хочу с тобой в поле, как с девкой какой-то. Правду говорят, сама придумала — сама обиделась.

— Значит, я тебе нравлюсь? — читаю в её глазах надежду.

Я не могу обмануть.

— Очень. У меня от тебя мурашки по всему телу, а поцелуй твой словно удар молнией.

— Давай ещё раз ударимся? — смотрит влюблёнными глазами, закусывая нижнюю губу.

Меня уговаривать не надо.

Воспоминания о её поцелуях были для меня, как укол анестезии этой ночью. Вспомнил, и стало легче, не так болело.

Мы целуемся как ненормальные, у меня опять крышу сносит. Сначала короткие частые поцелуи, а потом глубокие, до дезориентации.

— Ты на работу? Я отвезу, — отпускаю её наконец-то, приходя в сознание.

Мы выходим на улицу.

— Не надо, я такси вызову.

— Никакого такси! И с работы встречу.

— Глеб, тебе спать надо, — пытается включить мамочку.

Мне и своей хватает.

— Сомневаюсь, что я в ближайшую неделю смогу нормально спать, — показываю забинтованные руки.

— Зачем ты полез их разнимать? А если бы насмерть загрызли?

— Ну не загрызли же. Надеюсь, Дикий выкарабкается... У него там тоже всё телс заштопано.

— Людмила Николаевна сказала, что у тебя теперь шрамы останутся, — жалостливо берёт меня за ладони.

— Шрамы украшают мужчин. Радуйся, что лицо не тронули, а то кого бы ты греческим богом называла, — обнимаю и трусь носом об её курносый.

— Ты мне любой нравишься, — улыбается так, что внутри бабочки запорхали.

— Позапрошлой ночью ты мне другое говорила, — намекаю на её признание.

— Я поспешила с выводами, — отводит загадочно глаза.

Вот только не надо забирать слова обратно.

— Ну и напрасно. Потому что я тоже в тебя немного влюблён, — чмокаю в губы.

— Немного? — шутливое огорчение в глазах, но вижу, что довольна.

— Да, я пока на первой стадии, — ещё один лёгкий поцелуй.

— Так не бывает, Морозов! — немного отводит голову в бок, и мой следующий поцелуй приходится ей в шею.

— Бывает... Влюблён, но чуть-чуть, потому что ты та ещё заноза, Белка. И пойдём уже а то скоро весь дом на нас поглазеть сбежится.

Она оглядывается по сторонам.

Заметила?

Все на нас, как на музейный экспонат, таращатся. Я здесь не раз целующиеся парочки заставал, и на них так не смотрели.

Мы что, особенные?

Ой, ещё скажите, что здесь дети и им нельзя такое видеть. По телевизору и не такое показывают.

* * *

Очередная сигарета отрезвляет мозг, который хочет спать. Поеживаюсь от прохладного ветерка, который пробежался по улице.

Осень уже хозяйничает, не смотря на то, что днём ещё тепло.

Смена Алины должна закончиться через двадцать минут. Эх, если бы не мои швы, сегодня ночью я бы точно от неё не уехал. Но теперь придётся ждать, пока раны позволят мне делать ЭТО.

— Что-то ты к нам зачастил, Глеб? — подходит ко мне Альбина, администратор караоке. — Уже третий раз тебя вижу у нашего бара, а не заходишь.

— Нравится мне у вас тут, — язвлю.

— Или Белкина наша нравится? Ты ведь тогда специально её столик для вас попросил, — догадывается.

В уме стервозе не откажешь.

— А если так, то что? — выкидываю сигарету на дорогу.

— Когда мы с тобой встречались, ты меня по ночам не встречал, — ревностно.

— Когда мы с тобой «встречались», — делаю кавычки пальцами. — Ты здесь не работала. И ночи со мной проводила. И не понимаю, к чему эти претензии? Ревнуешь?

— А если ревную? — вздёргивает подбородок.

Красивая гадина, шикарная блондинка, вкладывающая в себя кучу времени и средств, но характер — говно.

— Раньше надо было думать, когда я за тобой бегал. Уже поздно... Помнишь, что ты мне три месяца назад сказала? У тебя получше, чем я, есть. Что ж он такой хороший с работы не встречает? — плюю той же кислотой, что и она.

Время от времени, когда мы пересекаемся, она мне напоминает наше прошлое, а когда я включаю броню, то со злости пытается меня чем-нибудь задеть.

Напрасно...

— До сих пор злишься, что я тебя бросила? — подходит поближе.

— Нет. Благодарю. За то, что дала хороший урок пять лет назад.

Я тогда только переехал в Благовещенск, поступил учиться, а по вечерам работал на СТО. Альбина как-то приехала масло в двигателе поменять, так и познакомились. Только назвать то, что между нами было и отношениями-то нельзя — всего пара недель.

Что было с меня взять обычного студента, ещё и «сопли зелёной», она старше на пять лет?

Правильно, только секс.

— Глеб, нам же было хорошо вместе, — проводит наманикюренным пальчиком по моему плечу.

— И что? Это было давно и неправда. Бывало и лучше... — твоим же оружием.

— Эта рыжая замухрышка лучше? — иронично. — Не смей меня.

— Представь себе! И не дай бог тебе сделать так, чтобы её с работы уволили, — гляжу угрожающе.

Я не в восторге, что Белка здесь работает, но она хочет самостоятельности, и я должен уважать её выбор.

— Нужна она мне была, — брезгливо ведёт носом.

Нихрена не поменялась, как была сука высокомерная, так и осталась.

— Только с такой ты со скуки сдохнешь, Морозов.

— Зато спокоен, что меня не променяют на кошелёк потолка.

— С руками что? — кивает на бинты, меняя тему разговора.

Не любит она говорить про свою меркантильность.

— Багажником придавил.

— А багажник с зубами был?

— Если знаешь, то зачем спрашиваешь?

Мишка по-любому растрепал кому-то из родни, а она его сестра двоюродная.

Слышу звук открывающейся двери из бара, разворачиваюсь посмотреть, но Белки среди выходящих не замечаю. В этот момент Альбина поворачивает рукой мою голову к себе и

впивается поцелуем в губы. Всего на пару секунд я непроизвольно прикасаюсь рукой к её талии.

Совсем головой двинулась?

Отрываюсь с омерзением от неё и отступаю на шаг.

Но поздно...

Белка стоит в нескольких метрах от нас и смотрит во все глаза.

— Ладно, я пошла, — ехидно произносит Альбина, вытирая губы.

Вот сука! Убил бы!

Глава 18

— Алина, — двигаюсь медленно к ней, чтобы не спугнуть.

В её глазах уже стоят слёзы. Дышит тяжело и глубоко, сдерживаясь, чтобы не заплакать.

— Это не то, что ты подумала, — пытаюсь оправдаться, но это звучит по-дурацки.

— Убери от меня руки, — шипит сквозь зубы, когда хочу обнять её, а потом пускается наутёк.

Твою ж мать!

Пока достаю брелок из кармана и ставлю машину на сигнализацию, она уже убегает на приличное расстояние. Я замечаю, что скрылась во дворах многоэтажек за поворотом.

Бегу за ней.

— Алина! — ору на весь двор, но в ответ тишина. — Телефон, — догадываюсь позвонить ей.

Вызов пошёл и тут же сброшен, я даже не успеваю услышать звонок. Ещё одна попытка, но абонент уже недоступен.

— Чёрт! — кручусь вокруг себя, вглядываясь в темноту, но ни движения, ни звука. — Алина! — ещё одна попытка докричаться.

Ненормальная, ты же город не знаешь.

Ладно... Домой-то ты рано или поздно вернёшься. Значит, я буду ждать там.

Но и это оказалось бесполезной затеей.

Она не приехала. Телефон на время появился в сети, потом снова отключила. Я звонил каждые пять минут, оставил кучу сообщений, но всё в пустоту, не просмотрела, не ответила.

Вот где она?

Утром стуком в стекло меня будит Мишка.

— Ты какого тут с раннего утра у моего подъезда караулишь? — оглядывает моё помятое лицо. — Не меня — правильно понимаю?

Я только обречённо киваю головой.

Ради тебя я бы здесь не сидел, а просто поднялся.

— Алину? — ещё один кивок. — Э, брат, ты так в дурика превратишься. Кончай с этим...

— Поздно...

— Сочувствую... Ну, тогда добро пожаловать в клуб разбитых сердец. Пошли кофе напою, а то на тебя смотреть жалко. Тебе же ещё в больницу?

— Да... И ветклинику... И перед матерью оправдываться, почему не ночевал дома. Пиздец какой-то... — провожу руками по лицу.

— А что к ней не пошёл сразу? — кивает на её этаж, когда на лифте поднимались.

— Я её после работы ждал. Тут Альбина твоя, сука, подошла и целоваться полезла. А Белкина увидела и рванула от меня, хрен знает куда.

— Не успокоилась змеище, — про Алю.

Они хоть и брат с сестрой, но недолюбливают друг друга.

— Проходи, — пропускает меня в квартиру.

Он живёт здесь уже пару лет со своей девушкой. Жил... Неделю назад они разругались в хлам, и Ксюха уехала к родителям.

— На телефон тоже не отвечает? — ставит передо мной кружку кофе.

— Нет. Отключила сразу...

— Вот и моя, зараза, тоже сообщения читает и молчит. Знакомые у неё тут есть?

— Знакомые? — точно.

Алексей страненький, который с ней в магазине был. Да нет! Вряд ли... У него кольцо на руке, значит, женат. Есть ещё Красникова. А вот эта вполне себе вариант.

Достаю телефон и набираю её. Она долго не отвечает, но потом слышится раздражённое «алло».

— Алина с тобой? — без приветствий, сразу к делу.

— Она не хочет с тобой разговаривать, Морозов!

— Передай ей трубку!

Пауза.

— Она в ванной...

— Не ври, Красникова!

— Не ори на меня! Сам виноват! И не звони больше! — отключается.

Швыряю телефон на стол.

— Прости, брат, но поцелуй с другой на глазах у девушки — это увесистый косяк. Хорошо, что только сбежала. Моя бы Ксюха ещё и звездюлей обоим отвесила.

— Да лучше бы отвесила... Так паршиво от всего этого. Будто внутренности все перемешали и они болят.

— Ого, да ты романтик! У людей — это любовью называется, — хлопает меня по плечу. — Наконец-то ты тоже с этим столкнулся. На учёбу сегодня пойдёшь?

— А толку?

— Там она...

— Говорить она со мной точно не будет. А сидеть и смотреть, как ненавидит, я не готов. До обеда по больничкам, потом к вам приеду.

— О'кей. Сильно только не загоняйся... Попустит её немного и поговоришь. Моя меня на первые три дня в чёрный список бросила. Сейчас разблокировала, но не отвечает. Глядишь, через пару дней прогресс будет и поговорим.

— Из-за чего поссорились-то?

— Телефон ей новый не купил. Вот бабу и понесло.

— Жмот! — смеюсь над ним и направляюсь на выход.

Домой пора.

— Я на день рождения хотел подарить, ей через две недели. А она сейчас разнылась, — следом за мной.

— Цветы пошли, может, потеплеет.

— Посылал. Кстати, ты тоже своим советом воспользуйся, — подмигивает мне.

— Ещё пошли. Цветам свойственно вянуть, — открываю дверь и замираю. — Обязательно воспользуюсь. Пока...

Заезжаю по дороге в цветочный магазин, выбираю букет и плюшевого медведя, заказываю доставку на вечер, днём её всё равно не будет дома. Заодно и маме букет покупаю, а то мне сейчас предстоит выслушать тираду по поводу моего отсутствия ночью.

Я не ошибся, мать накидывается почти с порога.

— Ты где был? Тебе отдыхать нужно, а ты по ночам шляешься.

— Я тоже рад тебя видеть... — целую маму в щеку и вручаю цветы.

— Думаешь этим веником задобрить меня и сбежать от ответа?

— По крайней мере, надеялся. Мам, я не маленький мальчик, чтобы отчитываться за свои поступки. Может у меня дела личные были...

— Если с Алиной, то я не против. Очень милая девушка, но можно же было предупредить.

— Я рад, что она тебе понравилась. Только с сегодняшнего дня можешь не волноваться, я буду ночевать дома, — захожу в ванную.

Мать встаёт в дверях.

— Почему?

— Она меня бросила...

— И из-за чего интересно? — ставит руки в боки.

Как же, её сыночка обидели.

— Потому что я сам идиот. Всё, мам! Дай мне душ принять, — разматываю бинты и закрываю перед ней дверь.

Долго медитирую под душем, который бьёт по коже, вызывая боль.

Мало тебе, Морозов! Не смог за одной дурой уследить, теперь насилуй своё тело и мозг.

Оказывается, душевные страдания гораздо болезненнее, чем телесные. Эти хотя бы можно таблетками и уколами заглушить, а душу заткнуть нельзя. А она там внутри орёт и плачет.

Бля, я реально влюбился!

Ну почему, как только это осознаёшь, начинаются проблемы.

С Альбиной было так, только там прошло всё быстро, наверное, я не успел втюриться окончательно. Но теперь точно по уши.

Того, что я испытываю сейчас, тогда я не чувствовал. Была скорее обида, что меня променяли на толстопузого мужика на Лексусе. Это подстегнуло к движению вперёд. Если бы не армия, то всё было бы гораздо лучше.

— Выходи, швы разойдутся! — кричит за дверью мать.

Я выхожу. Обтираюсь и смотрю на себя в зеркало.

Да, видок тот ещё...

В натуре, кому я такой нужен?

Все руки покрыты розовыми полосами от укусов и швов. На щеке содрана кожа об тротуар. Жалкое зрелище. Лицо заживёт, а вот руки...

Чищу зубы и бреюсь. Где рана получилось это сделать с трудом, но всё же.

Может бороду отпустить? — провожу рукой по подбородку.

А что? Девчонки после расставания себе каре херачат, а у нас борода... У меня была, вроде неплохо смотрелось.

Ухмыляюсь своим мыслям.

Дебил ты, Морозов! Лучше ищи способ, как прощение вымолить.

Накосячил, так накосячил.

Тут цветочками и мягкими игрушками не откупишься. Тут слова искать надо, чтобы убедить. А я не умею красиво петь про чувства. Она же нашу историю с Альбиной не знает. Да и не надо. Про бывших — это табу.

Думай, Морозов. Думай...

Глава 19

Звонок в дверь заставляет проснуться и подняться с постели.

Опять почти бессонная ночь и рыдания на плече подруги, к которой приехала, превратили меня в развалину. Всё болит и тяжесть невыносимая в теле, давящая сверху как плита.

Я даже сегодня на занятия не пошла. Занималась тем, что жалела себя и спала с перерывами.

Не могу про экономику в такой момент думать. Я человек творческий, а не математик с холодным умом и цифрами в голове.

— Кто там? — подхожу к двери.

— Доставка цветов, — отвечает мужчина.

Я подтягиваюсь на носочки и смотрю в глазок. Действительно, курьер с букетом цветов и мягкой игрушкой.

Морозов, а я не сомневаюсь, что это от него, ты, что меня за маленькую девочку принимаешь? Мишками решил задобрить?

— Алина Белкина? — спрашивает парень, когда я открываю дверь.

— Да...

— Это вам, — вручает мне цветы и медведя. — Распишитесь, — протягивает квитанцию и ручку.

Я черкаю корявую роспись.

— Приятного вам вечера, — улыбается и сбегает вниз по лестнице.

— Спасибо! — с опозданием вдогонку.

Закрываю дверь и прижимаюсь к ней спиной. Резко ноги становятся ватными, а сердце бешено бьётся. Медленно вытягиваю из букета конвертик с запиской.

" Прости меня! Я и виноват, и не виноват одновременно. Просто прослушай мои сообщения, и ты всё поймешь. Глеб".

Написано аккуратным мужским почерком.

Не собираюсь я ничего слушать!

Я со злости всю переписку удалила.

Зачем мне его оправдания?

Я не слепая, видела, как он с Альбиной, нашей администраторшей целовался, обнимал за талию. А я то думаю, что она на меня крысой смотрит. Пилит постоянно своими глазками и придирается.

Вот как можно, сначала мне в любви признаваться, а через несколько часов с другой целоваться? Где у человека границы?

По-моему, у него их вообще нет, как и совести.

Не выпуская букета из рук, набираю Красниковой, а сама ищу, во что его поставить. Оказывается, в этой квартире нет ни одной вазы. Ну что ж, будете стоять в кастрюле.

— Рит, он мне цветы и мишку плюшевого прислал, — выкладываю ей сразу, как только она отвечает.

— Надеюсь, ты их выкинула?

— Нет... Жалко... Такие красивые... Мои любимые гортензии. Они же не виноваты,

что тот, кто их прислал — козёл, — ставлю посуду под холодную воду.

— Тогда не вздумай его благодарить за них. Пусть мучается. А то ты, девочка сердобольная, и простить можешь, как вчера.

— Этого я не сделаю, — качаю головой, перебирая цветы в букете, которые опустила в кастрюлю.

Красивые...

С детства их обожаю, когда они расцветали в саду огромными шарами и радовали своим цветением до поздней осени, меняя расцветку.

— Вот и правильно.

В дверь опять звонят.

— Рит, извини, ко мне пришли. Я потом позвоню.

— Если это он, не открывай дверь. Пусть катится колбаской. Не будь мягкотелой! А то он на шею сядет и будет думать, что ты всё ему с рук спустишь.

Я смотрю в глазок.

Аксёнов.

— Это не он, — сбрасываю.

Зажмуриваюсь в предвкушении нотаций о том, что нельзя отключать телефон, и открываю дверь.

— Здравствуйте! — стараюсь улыбнуться как можно шире, чтобы его немного задобрить. — Знаю-знаю, телефон отключать нельзя и предупреждать о перемене планов.

— Вот именно, — входит в квартиру и закрывает за собой дверь. — За ваше непослушание получаю в первую очередь я.

— Я на эмоциях действовала, не было времени думать, — признаюсь честно.

— То, что ваш молодой человек — идиот, не значит, что вы должны нарушать установки. Я за вас головой отвечаю. Поймите, что от этого зависит ваша безопасность.

— И как же? — подозрительно, что он знает о нашей ссоре с Морозовым.

— У вас в телефоне стоит программа, которая передаёт сигнал, и мы видим, где вы.

— Только маячок? Звонки вы не слушаете?

— Нет, — но глаза опускает.

Врёт!

Откуда бы тогда узнал?

Значит, нужно быть осторожнее в разговорах по телефону, а лучше вообще перейти на сообщения в мессенджере. Надеюсь, их они не читают.

— Может быть, чаю? — не гостеприимно как-то держать его в дверях.

— Да, спасибо!

— Раздевайтесь, я пока налью, — ухожу на кухню.

Через минуту он заходит за мной. Увидев мой букет в кастрюле, сдавленно улыбается.

— Здесь нет вазы, — пытаюсь оправдать то, что цветы стоят в такой странной посуде.

— Я учту... Исправим.

— Не думаю, что мне кто-нибудь ещё подарит цветы, — протягиваю ему чашку чая.

— Почему? Вы красивая девушка, — как-то странно глядит на меня, кажется, что с интересом.

— Хватит с меня! Я сюда отсидеться приехала, а не личную жизнь устраивать.

— Это правильно, но вас никто не неволит. Просто парня вы, Алина, выбрали своеобразного что ли...

— Никого я не выбирала!

— Он дурак. Я бы не позволил себе вас обидеть, — ставит чашку на стол и подходит ко мне почти вплотную.

Его глаза скользят по моему лицу и останавливаются на губах. Алексей проводит костяшкой указательного пальца мне по щеке и задерживается на подбородке, при этом смотрит прямо в глаза. Они у него светло-голубые, почти прозрачные.

Меня словно парализовало, даже пошевелиться боюсь. Внутри поднимается паника.

Блин, мне страшно!

Собрав всю волю в кулак, я делаю назад шаг от него, разорвав зрительный контакт. В голове странно звенит, по позвоночнику ползут холодные капельки пота, а руки трясутся.

Что это сейчас было?

У меня ощущение, что я на несколько минут выпала из сознания, хотя уверена, что этого не было. Только на губах непонятное чувство от поцелуя.

Почему тогда не помню этого?

— Мне пора, — произносит тихо Аксёнов и идёт в прихожую.

Из оцепенения выхожу, когда он, хлопнув дверью, уходит. Провожу рукой по губам, они припухшие и ноют.

Но как?

Как можно с кем-то поцеловаться и не помнить этого?

Он мне память стёр?

Что за шпионские игры, как в «люди в чёрном»?!

Хочется снова убежать и спрятаться, как ночью. Как от Морозова, но только от всех. Потому что страшно.

Что было в голове этого парня?

Что у них у всех в голове?

У Глеба и так понятно, но Аксёнов... Он же женат, сам сказал, и сын есть. И вдруг поцеловал, да так, что я этого не помню. Может просто внушил? Говорят, они умеют такое с людьми проделывать. Тогда губы бы не болели. Поцелуй точно был.

Сейчас даже Морозов по сравнению с ним кажется самой невинностью. У того всё на лбу написано, что он озабоченный козёл. Только своей похотью живёт.

Хотелось ему ту самую руку сломать, которой он Альбину обнимал.

Как он мог? Так бесстыже на моих глазах?

Перестань думать о нём! Тут похлеще творятся дела. У тебя из памяти несколько минут выпало!

Под кожу начинает пробираться страх. Ледяной и ужасный. До костей. Не хватает воздуха.

Чёрт! Что это?

Паническая атака?

И что мне делать?

Господи, столько вопросов и ни одного ответа.

Забиваюсь в угол и плачу навзрыд. Опять жалею себя.

Почему это всё со мной случилось?

Зачем я попёрлась с этим чёртовым видео в полицию?

Дура конченная!

Я домой хочу... К маме...

Впервые за четыре года, я хочу к ней. Прижаться или опустить голову на колени. Как в детстве.

Мам, забери меня отсюда.

Слёзы ручьём...

Глава 20

Две недели лбом об стенку. Белка непробиваемая. Звонил, встречал у дома, пытался поговорить в универе, ответ один — иди ты, Морозов, к своим бабам.

Каким своим?

Я уже забыл, когда у меня было что-то с кем-то. В глубокой завязке. Скоро крыша течь начнёт от недотраха. Но я терплю, стиснув зубы. Да и не хочу я ни с кем, кроме неё.

Всю душу измотала.

Нервы на пределе, я на грани забрать документы и послать к херам учёбу, лишь бы её не видеть.

Тогда и к Мишке придётся перестать ходить в гости. Соседи всё-таки.

Вот он — молодец, добавил свою Ксюху, простила и вернулась.

Сравнил тоже — некупленный телефон и поцелуй с бывшей.

— Куда ты прёшь, ушлёпок! — раздраженно на какого-то придурка, который подрезает на повороте.

Беглый взгляд на пассажирское место, там лежит букет и пакет с подарком.

Три часа бродил по магазинам в поисках того, что можно подарить девушке, кое-как выбрал. У Ксюхи сегодня день рождения, она решила, что будет праздновать дома, с друзьями.

А мне присутствие там, как серпом по одному месту. С каждым метром сердце, словно пулемёт тарыхтит, разгоняя по венам кровь сильнее и сильнее. Становится душно. Открываю окно...

Холодный ветер бьёт в лицо. Облегчение, но слабое. Мотор всё равно стучит бешено. На секунду выпадаю из реальности, но быстро прихожу в себя на перекрёстке от звука клаксона стоящей сзади машины.

Морозов, ты безнадёжно влюбился. Вкрашился... И это уже ничем и никем не вытравить изнутри. Жжёт, выворачивает наизнанку, царапает и рвёт всего.

У подъезда поднимаю глаза на окна Белки. Замечаю, она сидит на подоконнике и читает учебник. Останавливаюсь и просто смотрю на любимый профиль, хотя почти не вижу лица, на улице уже темно. Только мягкий свет из комнаты освещает её силуэт.

Она словно чувствует мой взгляд и глядит вниз. С минуту мы в таком контакте, а потом Алина спрыгивает с окна и быстро закрывает шторы. Блядь, как хочется вломиться к ней и целовать, пока силы не кончатся или не задохнусь от нехватки кислорода.

* * *

— Долго ещё будешь с кислой рожей сидеть? — упрекает Мишка, когда выходим на балкон покурить. — Ксюшка специально для тебя подружек свободных пригласила, а ты ноль внимания. Но вон та, с буферами, — заглядывает в гостиную через щель в шторе. — Даже с мужиком, не прочь с тобой близко познакомиться.

— Отвали! — облакачиваюсь на перегородку, подкуривая очередную сигарету.

— Хочешь, я спущусь вниз и приглашу её? — о Белке.

— Она не придёт...

— А вдруг? Ты говорил, что она любит праздники.

— Пока я здесь, она не придёт, — делаю акцент на последнем слове, поворачиваясь к нему лицом.

— Есть другой вариант — я постучусь, она откроет, ты зайдешь, и вы поговорите, — предлагает друг.

— Этот вариант лучше, но вряд ли сработает.

— Ну, должна же она, в конце концов, понять, что всё это глупое недоразумение! Альбина — та ещё сука, своими руками бы придушил и не посмотрел, что сестра. Всегда гадюкой была, с самого детства. Покоя ей не даёт, что и без неё прекрасно живёшь, кидается как голодная собака, а сама же тебя и бросила.

— И заебись! — откидываю голову назад и выпускаю с силой струйку дыма. — Там любовью сразу не пахло. Так, пару недель покувыркались и хватит. Как говорится — мне было с вами хорошо, спасибо за опыт! Ладно, забыли... Это сто лет назад было, — выкидываю вниз окурок. — Пошли веселиться.

Алина

Сижу, забившись в угол, и обтекаю от услышанного с соседнего балкона. Значит, не врал, она сама поцеловала его.

А зачем тогда обнимал?

Нет! Это ничего не меняет.

Только непослушное сердце каждый раз чаще бьётся, когда его вижу. А сейчас от голоса сначала замерло, а потом забилось так, что я его в горле чувствую. Я скучаю по нему, как бы ни старалась забыть и выбросить из головы. Сердцу не прикажешь...

Поежившись от холода, заворачиваюсь поплотней в плед и захожу в квартиру. Тут не сильно-то теплее. Отопление ещё не включили, а по ночам уже достаточно прохладно.

Ставлю чайник на плиту, достаю заварку и насыпаю в заварник. Пока закипает, перебираю пальцами засохшие цветы гортензии. Вазу на следующий день привез Алексей. Теперь каждая наша встреча вызывает у меня сильную панику и страх внутри. И пусть он даже больше ко мне не прикасается, но неприятно становится.

Наверху громко заиграла музыка.

Прихватив чашку с чаем, устраиваюсь на диване, с надеждой посмотреть какой-нибудь фильм перед сном. Но планы накрываются. Из-за шума сверху я толком ничего не слышу, а прибавлять громкость — не выход, только давит на слух.

То сосед справа постоянно достаёт своими загулами с такими же пьяницами, как и он, теперь ещё и эти.

Вы время видели?

Первый час ночи уже. Не в полицию же звонить.

Выхожу на балкон с надеждой, что там кто-то есть и можно попросить убавить музыку, но никого. Снизу доносится смех и женский голос, который что-то пьяно щебечет мужчине.

Выглядываю.

Горбатого могила исправит!

Морозов, поддерживая какую-то девушку за талию, ведёт её к своей машине. А она всё время норовит повиснуть у него на шее или поцеловать. Он уворачивается, как может. Не всё, наверное, потеряно...

Они уехали, а я, потерпев некоторое время, решаюсь подняться наверх и поговорить с

нарушителями покоя. Но прежде проверю, не вернулся ли Глеб. Его машины нет во дворе.

А зачем возвращаться?

С ним поехал стопроцентный вариант отдыха на ночь.

Ты опять упал в моих глазах...

Звоню в дверь. Никакой реакции. Стучу. Тоже самое. Дверь открывается только тогда, когда я начинаю долбить в неё ногой.

— Алина? — пьяненько широко улыбаясь, смотрит на меня Миша. — Если ты к Морозову, то он уехал.

— Нет! Сколько можно? Вы на часы смотрели? — разгневанно.

— Алин, ну ты чего? У нас праздник. Кстати, заходи, отметишь с нами, — берёт меня за локоть. — Глебас скоро вернётся...

— Да пошёл твой Морозов! Музыка вырубите! Люди спать хотят. Иначе... Я полицию вызову! — кричу на него.

— А ты, рыжая, не приборзела на моего мужика орать? Своего заведи и ори, сколько влезет, — появляется на пороге высокая и довольно фигуристая девушка, явно с недобрыми намерениями.

Это та, с отвратительным голосом. Девушка Миши.

— Ксюш, это наша соседка, Алина, — попытается остановить он её, загораживая меня.

Но его девушка — броневик. Прёт, не видя препятствий.

— И что? Это даёт ей право на тебя орать? Есть претензии, пусть мне в лицо скажет! — с вызовом и нескрываемой наглостью смотрит на меня, поставив руки в боки.

— И скажу! Потихе можете? Вы здесь не одни, — задираю голову, чтобы эта дылда не думала, что она тут самая крутая.

— Что ты тут пропищала? — склоняется надо мной и прикладывает руку к уху.

— Девчонки, заканчивайте! — придерживает нас руками Миша, встав между нами.

— А ну отойди! — отводит его рукой в сторону. — Девочки поговорят, — щёлкает позвонками, крутанув головой.

Глава 21

Поднимаясь на этаж по лестнице, лифт не работает, улавливаю какой-то шум. Слышатся женские голоса. Если из них кто-то ещё перепил, то я не повезу никого домой, пусть такси вызывают. Мне одной ненормальной Кати хватило, которая всю дорогу мне в штаны залезть пыталась.

Отпиваю кофе из стаканчика, купленный в автомате по дороге.

Надо было домой поехать, завалиться спать. Там Дикий, наверное, нервничает, он всё ещё не оправился толком после драки.

Поднявшись на этаж, замечаю в толпе ругающихся знакомую рыжую голову. И эта мелкая устроила разборки с Ксюхой.

Совсем больная?

Она тебя в асфальт закатает и не заметит.

Они сцепились...

Бой неравный. Надо уводить отсюда Белку, пока не отхватила.

Шустро оставляю стакан на полу, подхватываю Алину за талию и тащу к лестнице. Она брыкается и царапает руки. Вдогонку доносятся маты и ругань.

— Отпусти! — вырывается.

Ага, сейчас!

Спускаемся на её этаж, локтём открываю ручку двери, в спальню и кидаю Белкину на кровать. Она ошарашено смотрит на меня широко открытыми глазами. Я возвращаюсь в прихожую, запираю дверь на замок и снова к ней.

— Совсем крыша поехала? Смотри на кого прыгаешь! Она крупнее тебя в два раза, — со злостью.

— Чем больше шкаф, тем громче падает! — выпаливает с боевой решимостью.

— Ты хоть раз дралась?

— Нет!

— А она борьбой занималась в школе, — снимаю куртку и кидаю на стул в углу. — С ней даже Мишка не связывается...

— Ты зачем раздеваешься? — глядит на брошенную вещь, а потом со страхом на меня.

— Охранять тебя буду...

— Зачем? — садится, поджав ноги под себя, превращаясь в комок.

— Чтобы ты опять на людей не стала бросаться. У тебя, похоже, инстинкт самосохранения напрочь отсутствует, — задираю рукава джемпера.

Глаза Белки скользят по красным рубцам. Пытаюсь спрятать, убрав руки за спину.

— Ванная где?

— Там, — кивает головой. — Что ты собираешься делать? — очередной вопрос.

Ты что меня боишься?

На Ксюху нарываться не испугалась, а со мной рядом дрожишь?

Пропала бравада?

— Руки помою.

Усмехаюсь, выйдя из ванной и обнаружив, что она закрылась в спальне. Я и не собирался тебя помогать. Надеялся, что просто поговорим, но не хочешь, как хочешь.

Растягиваюсь на диване, но перед этим отправляю сообщение Мишке, чтобы музон потише сделал. Реально... Совесть надо иметь... Люди спят.

Присутствие Белки я не услышал, кожей почувствовал.

Немного разлепляю веки — она стоит возле дивана с подушкой.

— Не советую, — заговариваю с ней.

— Что? — подпрыгивает от неожиданности.

— Ты же меня придушить пришла? — приподнимаюсь на локтях и улыбаюсь, увидев её растерянность.

— Головой ударился? Я просто подушку под голову принесла. Диван жёсткий, — обиженно надувает губы и швыряет её в меня.

Кидаю подушку в изголовье, а сам ловко ловлю Белку за руку, пока не сбежала, и тяну на себя. Она плюхается возле меня. Одной рукой перехватываю её за колени и, потянув на себя, заставляю лечь рядом.

— Что ты делаешь, Морозов?

— Не дрыгайся! У тебя холодно. Мне нужна грелка во весь рост, — прижимаю сильнее к себе.

Её близость не греет, сжигает.

Запах дурманит и сводит с ума. Что-то лёгкое, свежее, еле ощутимое, то, что хочется вдыхать полной грудью и наслаждаться.

Поговорить хотел?

Ври больше!

Какие тут разговоры, когда мозг гормонами захлестнуло?!

Рука скользит по её тонкой талии под тёплую пижаму. Гладкая кожа и плоский животик, который она ещё больше тягивает от моих прикосновений.

Выше к груди.

Алина не обладательница выдающихся форм, но твёрдая двочка имеется. Провожу пальцем по линии под холмиком, отчего она шумно тягивает воздух ноздрями. Слегка кончиками пальцев по соску, и с её губ срывается стон.

Вниз до резинки, погружая руку под неё и скользя вниз к заветному месту. Но она перехватывает руку.

— Глеб, пожалуйста...

— Пожалуйста — да или, пожалуйста — нет?

— Нет... — плавно, на выдохе, словно распеваясь, потому что я вывожу пальцем круги внизу её живота.

— Почему? — хрипло возле уха.

Она молчит, собирается с мыслями или придумывает отмазку.

— У меня месячные, — произносит тихо и прячет лицо в подушку.

Со стыдом боролась.

Почему для многих девушек — это что-то страшное? Это природа, с ней не поспоришь.

— Значит, будем просто спать, — кладу руку на талию и утыкаюсь носом в её шею.

Уснуть будет тяжело, надо визуализировать что-то отвратительное, чтобы кровь отхлынула от паха. Но вместо этого я припадаю губами к её шее и покрываю поцелуями.

— Белка, я безумно скучал, — признаюсь.

Она переворачивается ко мне лицом и заглядывает в глаза, а я тону в топи её зелёных.

— Тебе идёт борода, — проводит легонько пальчиками по моей небритой щеке,

вызывая лавину мурашек.

Притягиваю за затылок к себе и целую в губы. Мягкие и влажные, сладкие и такие любимые, те, о которых я вспоминал и мечтал каждую ночь.

Что ты делаешь со мной, Белка?

Как от человека может так сносить крышу?

Что у тебя за особый катализатор, который даёт такую бурную реакцию в моём организме?

Ненавижу Альбину, которая на всё это время лишила меня этого удовольствия.

Свернуть бы шею гадине.

Как же тяжело сдерживать себя, делать вид, что сильный и способен побороть в себе эту боль.

Нихрена подобного!

Когда её давишь, она ещё сильнее бьёт по душе. Даже внешние увечья не наносят столько страданий, как неразделённая любовь.

Мне стало жалко всех девчонок, которые когда-либо признавались мне в чувствах, а я только надменно смеялся над ними.

Испытал на себе все эти круги душевного ада.

Мы целовались больше часа, пока она не призналась, что у неё уже губы болят.

Не буду мучить дальше, просто обнимаю.

Белка кладёт голову мне на грудь и спустя время начинает тихо сопеть.

Я ещё долго лежу, наслаждаясь её близостью, и смотрю, как она спит.

— Люблю тебя, — чмокаю в макушку и закрываю глаза.

Всё же сон берёт своё, и я проваливаюсь в него глубоко. Просыпаюсь от дребезжания телефона на столе.

Будильник сработал.

Осторожно высвобождаю Алину из объятий, чтобы она не проснулась, и поднимаюсь.

Твою мать!

Это уже третий будильник, который оповещает, что пора собираться в универ. Тихонько прохожу в комнату и беру свою куртку. Домой надо, там Дикий уже давно ждёт.

— Сбегаешь? — сидит на диване Белка и сонно потирает глаза.

— Просто не хотел тебя будить, — мимо, к двери.

Она идёт следом за мной.

— И на завтрак не останешься?

— Я утреннюю прогулку с Диким проспал, у меня в прихожей теперь озеро Байкал разлилось. Извини... — обуваюсь и выхожу.

Ну не долбоеб ли?!

Звоню. Открывает. В глазах слёзы...

Обиделась...

— Доброе утро! — обхватываю лицо руками и зацеловываю.

Она поднимается на носочки и обнимает за шею.

Моя рыжая Белка, которую безумно люблю, прижимается всем телом ко мне и не хочет отпускать.

Я и сам уходить не хочу, но надо.

— Встретимся в университете, — прощальный поцелуй и быстро из подъезда.

Глава 22

Аудитория. Последний ряд.

Внизу распинаятся препод по экономике, но слушаю я его краем уха. Сейчас меня больше волнует Белкина коленка в капроновых колготках, на которой лежит моя рука.

Она старается делать вид, что её это совсем не волнует и внимательно слушает лекцию, только по лёгкой улыбке на лице понятно — она тоже держится, как может.

— Белочка... — зову шепотом и провожу рукой вверх по бедру.

Алина вцепляется ногтями мне в кисть и сбрасывает, прикрываясь юбкой.

Уу, заноза!

— Морозов, слушай лекцию, скоро зачёт! — цыкает на меня.

— Не хочу, — возвращаю руку на коленку.

Блин, я от неё глаз не могу оторвать.

Желание — утащить подальше от всех и целоваться до помутнения сознания. Вообще-то хочу я больше, но пока нельзя. И от этого всего сводит ниже пояса.

— Морозов, Белкина, мы вам не мешаем? — доходит громкий голос Игоревича в онемевшей аудитории.

— Нет. Но если хотите, то можете оставить нас наедине, я не против... — борзею в край.

Таких огромных глаз, которыми посмотрела на меня Белка, я в жизни не видел.

Она вспыхивает и закрывает лицо рукой.

— Вышли вон! Оба! — орёт на нас экономик.

Ну, слава Богу! А то я уже задолбался слушать эту нудятину. Только Алина мой энтузиазм не разделяет. Огревает учебником, как только мы выходим за дверь.

— Морозов! Тебя в детстве головой о пол не роняли случайно? Как можно было такое сказать?!- ещё один замах, но я уворачиваюсь. — На следующем занятии зачёт. Я и так эту экономику с трудом понимаю. И ты ещё... — закипает.

— Зачем тогда было на неё поступать? Как ты экзамены сдала?

— Не твоё дело! — мешкает с ответом.

— Да не парься ты так. Пара бумажек с тремя ноликами и зачёт у нас в кармане, — пытаюсь её обнять, но она рубит книгой по моим рукам.

— Ты всё деньгами решаешь? А в голове тогда что останется? — со злостью.

— Белка, корка — это только для галочки, что у тебя вышка есть. По сути, она нахрен никому не нужна. Деньги и без неё можно заработать.

— Всё с тобой понятно! — разворачивается и идет прочь. Возвращается. — Не подходи ко мне. Понял? — смотрит гневно, краснея от злости.

— Алина! — бегу за ней. — Это же шутка была...

— Дурак ты, Морозов! И шутки у тебя дурацкие. Отвали! — отпихивает, когда я перекрываю ей дорогу.

Ну, нет! Только помирились же... Нельзя так...

Удар кулаком в стену.

Ай, блядь! Больно! — трясу рукой.

Костяшки в кровь.

Три дня уже дуется. На звонки не отвечает, сообщения игнорит. Что мне опять у Миши праздник закатить среди ночи, чтобы её на разговор вывести?

Зачёт, кстати, на отлично сдала, и стоило так переживать.

Решение проблемы подкидывает, как ни странно, её лучшая подруга Красникова.

— Ребят, послушайте! — встаёт у доски и кричит на весь кабинет. — На выходные собираемся на турбазу Мухинка, желающие должны сдать мне по пять тысяч рублей до пяти часов завтра. Потом я буду бронировать места. Принимаю налом и на карту. Кто не сдаст, значит, не едет.

Придётся переступить через себя и поехать. Не фонтан, конечно, идея, но я другого выхода не вижу.

Только вот всё едва не срывается. Я случайно слышу, проходя мимо, как Белка говорит, что не поедет, потому что ещё зарплату не получила.

Э, нет! Я изменяю своим принципам, а ты решила не ехать? Не прокатит!

— Красникова, — торможу её в пустом коридоре после занятий.

— Что тебе, Морозов? — останавливается и смотрит с явным пренебрежением.

— Сделай лицо попроще — народ потянется.

— В остротах тренироваться не на ком? — скрещивает руки на груди.

Кривит высокомерно губы.

С каких пор ты такая? Раньше совсем другая девочка была. Покладистая.

Сам виноват.

Достаю из кармана две пятерки и протягиваю ей:

— За себя и Белкину...

Её брови ползут вверх, а на лице рисуется недоумевающая ухмылка.

— Ты? С нами? Не портить погоду, Морозов!

— Представь себе...

— У тебя со здоровьем всё нормально? Или после того, как собаки покусали, ты решил от общей массы не отрываться, так сказать — влиться в стаю? Я тебя не узнаю, — нагло.

— Я тебя тоже. Раньше ты такой язвой не была, особенно когда любовные записки мне писала, — загоняю её в угол.

Глазки растерянно бегают, а на щеках вырисовывается румянец.

Об этом никто не знает, кроме нас двоих.

— Берёшь? — опять протягиваю деньги.

Она пару секунд поколеблется, а потом вырывает их у меня из рук.

— И как я объясню Алине, кто за неё заплатил?

— Скажи, что одалживаешь ей до зарплаты, — накидываю вариант.

— Я предлагала, но она сказала, что не занимает денег. Принципиально.

— Красникова, ты девочка умная, придумаешь что-нибудь, — лъщу ей.

— Ладно... Скажу, что нам сделали скидку, а я обменяла её на ещё одно место.

— Вот, умница. Можешь, когда хочешь, — хвалю.

— Морозов, не понимаю, что у тебя в голове? Порой ведёшь себя, как ненормальный.

— Мозги, Красникова, мозги. Как у всех. Белкина где?

— На репетиции.

— Какой ещё репетиции? — не понимаю.

Она показательно усмехается.

— Ухажёр называется! Она в нашу студенческую группу пошла. У неё талант, между прочим, — дергает бровями.

— Это я и без тебя знаю. В актовом репетируют?

— В актовом.

— Значит, покедова. И не вздумай Алине сказать, что я поеду. Иначе она сольётся. Собираюсь уже двинуться к лестнице, когда Красникова останавливает меня.

— Глеб, подожди!

— Что ещё? — поворот к ней, закидываю рюкзак на плечо.

— Тут к Алине какой-то тип неприятный пару раз приезжал, — нервно дёргается.

— Кто такой? — теперь напрягаюсь я.

— Имени она не назвала, сказала, что знакомый. Но мне он не понравился.

— Красникова, ты мне тоже не нравишься, но это не причина считать тебя подозрительной.

— Просто Алина вся сжалась, когда он приехал. Мне даже показалось, что она его испугалась, — говорит на тон тише, так как мимо нас проходит парочка девчат.

— Как он выглядит?

— Да никак. Обычный, — пожимает плечами. — Глаза только какие-то...

— Высокий, светлый с рыбьими глазами?

— Да. Вот! Ты прям в точку попал. Глаза, как у дохлой рыбы, почти бесцветные.

Значит, снова этот Алешенька на горизонте появился.

— Ясно. Молодец, Красникова! Если ещё раз появится — мне маякни.

— Хорошо, — согласно качает головой.

* * *

Приоткрываю дверь в актовый зал, где играет музыка.

Красникова не обманула, Белка действительно подалась в нашу тухлую группу. Надеюсь, теперь её захочется слушать, а не как раньше — заткнуть уши и тихо плакать.

Прохожу в зал и сажусь в последнем ряду, сюда свет от сцены почти не доходит, может, и не заметит.

Напрасно надеялся.

Ещё как замечает. Смотрит с вызовом, дёргает курносим носиком и просит ребят сыграть. Что-то очень знакомое в проигрыше. А потом я слышу слова.

«Небезопасно было в тебя влюбляться... Как у обрыва танцы — шаг, и я упаду... Знаешь, мое сердце — это не игрушки... Засыпаю тихо... Слёзы на подушке... Знаешь, мое сердце мучается сильно... Я в тебя влюбиться его не просила...»

(исп.: ASAMMUELL, escape — Сердце не игрушка)

Глава 23

Ранний утренний сбор в субботу и выезд на турбазу.

В интернете написано, что это уголок девственной природы, бережно сохраняемый для отдыха в первозданном виде.

В принципе, не обманули.

Сосновый бор, озеро и лиственных деревьев достаточно много. Сейчас, в конце сентября, особенно красиво. Листва пылает яркими красками, создавая хорошее настроение.

Обожаю золотую осень. В краях, откуда я родом, она обычно приходит гораздо позже, чем здесь, и значительно теплее. Но я рада, что можно окунуться в яркость сезона в другом месте.

Но если природа рада стараться улучшить настроение, то люди нет.

От стоянки к нам идёт Морозов, с рюкзаком через плечо.

— Могла бы и сказать, что он тоже поедет, — упрекаю Красникову.

— Кто, Морозов? — мельком глядит на него. — Он в последний момент передумал и перевёл деньги...

— Три дня назад?

— Ну, извини! Он попросил тебе не говорить, — делает невинное лицо.

— Это он за меня заплатил, да? — догадываюсь.

— Нет... — отводит глаза подруга.

Врёт и не краснеет.

Сговорились.

— Рита! С каких пор вы с ним спелись?

— Ни с каких! Жалко его просто... Я всегда думала, что он чурбан бесчувственный, а сейчас вижу, что реально в тебя влюбился. Он переживает.

— Рит, он меня перед всеми опозорил! Я чуть со стыда не сгорела. Весь университет пальцем показывает.

— От зависти. Им-то не светит больше. Всё, успокойся, Алин! Подумай лучше с прощени. На парня уже смотреть жалко, — кивает на Морозова, который разговаривает с нашими ребятами. — Похудел, осунулся, потрёпанный какой-то...

Быстро же ты переобулась.

— Не спит, потому что и кофе хлещет ведрами, — отворачиваюсь от него, когда он бросает на меня грустный взгляд.

— Пойдём размещаться. Ребят, давайте по комнатам, — кричит всем Рита.

Она как нарочно старается догнать всех и поравняться с Глебом.

— Морозов, надеюсь, тебя не будет напрягать тот факт, что тебе придётся жить в одной комнате ещё с четырьмя парнями? — решает его подколоть.

— Всего четыре? — равнодушно, затягиваясь сигаретой.

— Ну да. Здоровых и потных...

— Я год жил с целой ротой. И не дай боже тебе попасть в казарму после марш броска или на полигоне. Задохнёшься! Так что четверых как-нибудь ночь переживу, — показательно выдыхает сигаретный дым ей в лицо.

Перекидывает рюкзак на другое плечо и ускоряет шаг.

Рита кашляет. Машет руками.

— Получила, — смеюсь над ней.

После размещения и обеда в уютном кафе прогулялись, покатались на велосипедах. Девчонки устроили фотосессии во всех красивых местах и под самыми яркими деревьями. Особенно красиво смотрятся стены, опутанные диким виноградом и лимонником.

Вечером собираемся на берегу озера у костра.

Однорूपники вспоминают смешные истории из прошлых лет учёбы. Жаль я не могу ничего рассказать. У нас в институте тоже было весело.

Кто-то приносит гитару.

— Алин, спой, — протягивает мне Ритка. — Ты у нас теперь отвечаешь за музыкальное сопровождение.

— А что спеть? — теряюсь, принимая и проверяя натяжение струн.

— Что хочешь, — проговаривает Фомина, которая сидит рядом со мной.

Что хочу?

Ну, есть у меня одна любимая...

«А ты врываешься ко мне в квартиру... Ты применяешь грубую силу... А я тебя так и не спросила... Какого чёрта ты такой красивый?»- напеваю.

(исп.: Liza Evans — Квартира)

Все понимают, кому посвящены строчки, дружно оборачиваются на Морозова, когда звучит строчка " врываешься в мою квартиру". Он стоит, прислонившись к дереву, в тот момент, а потом исчезает, просто растворяется в темноте.

Потом исчезаю я.

Приспичило меня, не в корпус же бежать... А кустики рядом.

— Ты куда? — слышу знакомый хриплый голос откуда-то справа, когда пытаюсь пробраться сквозь орешник.

Поворот на голос.

Морозов сидит на поваленном дереве и курит, наблюдая за мной.

— Тебе не обязательно знать.

— Опасно одной по кустам шараться. Мало ли кто там, — попытка меня в очередной раз запугать.

Любит он это делать.

— И кто там может быть? Медведи? — храбрюсь.

— Эти вряд ли... Но ты же в курсе про амурских тигров? — выпускает струйку дыма в сторону.

— Прикалываешься? Откуда они здесь?

— Нет. Они на то и Амурские... Знаешь, какой у них ареал обитания? — смотрит на меня.

Я отрицательно кручу головой.

— Сотни километров.

— Иди ты! Сказочник! — машу на него рукой.

Впереди в кустах что-то громко хрустнуло.

Я от испуга бегом к Морозову и едва не залезаю ему на руки.

— Всё? Пописала со страху? — усмехается и заглядывает мне в глаза, посмеивается. — Можешь в кусты не ходить?

— Идиот! Наплёл тут про тигров, — ударяю его кулаком в плечо, но он только сильнее

сжимает кольцо рук на моей талии.

А потом подхватывает ноги и усаживает себе на колени.

— Ладно, про тигров соврал. Но кабаны могут быть точно, они тоже зверюги свирепые. Ещё лисы, барсуки, еноты, — покачивает меня, как маленькую, придерживая за коленки. — Дальневосточница, а ничего о своём крае не знаешь, — глядит с подозрением.

— В Хабаровске точно тигры есть...

— Ага, по улицам гуляют, — смеётся надо мной.

Мы играем в гляделки. Я даже в темноте вижу, как горят его глаза. А от тепла тела становится жарко внутри.

Я так скучала по этим ощущениям. Его близость — это самое лучшее, что есть в моей жизни.

— Прости меня, — проговаривает, поправляя мне выбившийся из-под шапки локон. — Обещаю — впредь буду думать, что говорю.

— Клянёшься?

— Клянусь! — поднимает пальцы вверх. — Я не могу без тебя, Белка, — прижимается к моему лбу. — Мне плохо...

Обхватываю руками его лицо.

Чёрт! Какой же ты красивый. Даже небритость тебе идёт. Провожу пальцами по лицу, как слепая, изучая кожей любимые черты. Большим очерчиваю губы. Я помню их вкус, от него сносит голову.

Глеб ловит ртом мой палец. Проводит языком, запуская разряд тока во всём теле.

В кармане вибрирует телефон.

— Морозов, ты меня любишь? — давить, так на полную.

— Люблю, — не задумываясь ни на секунду. — А ты?

— И я люблю. С первого взгляда...

Он приподнимает немного бровь. Но не спрашивает. Просто снимает с меня очки и целует. Чувственно, глубоко, так, что голова кружится, а внутри всё начинает ныть и просить больше — больше объятий, больше поцелуев.

Не знаю, сколько мы так целуемся, но в сознание нас возвращает голос Ритки.

— Эй, голубки! Вы на телефоны хотя бы отвечали. Мы думали уже в лес вас идти искать, — сердито.

— Красникова, вали отсюда! Не мешай людям личной жизнью заниматься, — осаживает её Глеб.

— Морозов, ты обещал! — толкаю в плечо.

— Она не препод, с занятий не выгонит.

— Ты не исправим! — слезаю с его колен и иду за Ритой.

Но и пяти метров не прохожу, как он подхватывает меня и перекидывает через плечо.

— Глеб, не надо! Уронишь! — стучу в спину.

— Не волнуйся, своё не уроню, — хлопает по моей заднице.

— Рит, ну скажи ему! — приподнимаюсь и смотрю на подругу.

— У вас личная жизнь, я не мешаю, — смеётся, разводя руки в стороны.

Глава 24

Когда захожу в комнату, то в нос сразу ударяет характерный неприятный травяной запах. Передёргивает.

Могли бы проветрить, идиоты.

Но помимо этого однокурсники явно собираются хорошо отдохнуть, стол уже накрыт.

— Глеб, давай с нами! — предлагает Сидоров, почёсывая свою бритую голову.

— Не хочу.

— А ему впадлу с нами выпить. Мы же ему не друзья, — начинает нарываться Гусев.

Ляпни ещё раз что-нибудь, и я зубы тебе пересчитаю. Давно руки чешутся вломить по наглой роже. Раздражаешь ты меня люто с первого дня в вашей группе.

— Если ты думаешь, что дружба — это повод нажираться, то глубоко ошибаешься, — достаю из рюкзака полную пачку сигарет.

— А может тебе Белкина запрещает? — кривляется. — Смешно смотреть, как ты под бабу прогибаешься. Раньше весь из себя такой крутой был, а сейчас сопли из-за девки распустил. Влюбился что ли? — петушится.

Думаешь, если тут ещё шесть человек, я тебе не отвечу пиздюлей?

Ошибаешься... Ещё как отвечу. С преобладающим удовольствием.

Оглядываю присутствующих. Сидят, смотрят и ждут моей реакции.

— Не твоё собачье дело, — с презрением глядя Гусеву в глаза.

— Влюбился... — протягивает медленно. — Что ты только в ней нашёл? Даже посмотреть не на что, — ржёт, оборачиваясь к друзьям и показывая дули у груди.

Это было последней каплей моего терпения.

Просто подхожу, хватаю его за горло, сжимая кулак. Он хрипит и пытается оторвать мои пальцы.

— Слышь, долговязый, ты ничего не попутал? Помелом своим не там метёшь, — рычу ему в лицо, наклоняя его вниз. — Ещё раз хоть слово от тебя похабное в адрес Алины услышу — я тебе кадык вырву. Думаешь, если хапанул, то тебе море по колено и силушка богатырская проснулась? Не на того нарвался. Понял, сука? — складываю его вдвое, нагибая. — Не слышу ответа!

— Понял... — еле слышно.

— Вот и отлично, — отдёргиваю от него руку и вытираю брезгливо о штаны. — Это, кстати, всех касается, — окидываю взглядом.

Никто даже не попытался встрять за Гуся.

Задумайся. Друзья ли они тебе.

Выхожу из комнаты и собираюсь пойти вниз покурить, но вспоминаю, что сигареты бросил на кровать. Приходится вернуться.

Все вскакивают с мест.

— Расслабьтесь! — беру пачку и снова выхожу.

— А ты что здесь один делаешь? — подходит ко мне Белка с электрическим чайником в руках.

Мимо, в сторону их комнаты, пробегает Фомина с кружками.

— Курю, — показываю сигарету и выпускаю дым в открытое окно.

— Морозов, продует! И почему не в комнате?

— Не хочу мешать людям «культурно» общаться, — тушу окурок и выкидываю в окно, закрывая его.

— Знаю я, что они пьют...

— Зачем тогда спрашиваешь? — притягиваю её к себе.

— Осторожно! Чайник горячий. Пошли к нам. Мы с девчонками чай пить собрались.

— В малинник меня зовёшь? — трусь о кончик её носа своим.

— Я тебе сейчас кипяток на одно место вылью, чтобы ты поменьше так шутил, — смотрит строго. В очках это выглядит, как взгляд суровой учительницы. — Пойдём, — тянет за собой.

— Подожди, я посмотрю — все ли одеты, — открывает дверь и скрывается, оставив её приоткрытой.

Я вламываюсь внаглую, не дожидаясь приглашения. Фомина взвизгивает, прикрываясь кофтой, и опускает русые волосы вперёд.

— Глеб! — кричат хором.

— Ой, да что я там не видел? Минус первый? — ухмыльнувшись, закрываю дверь.

Дашка всё так же стоит, обнимая свитер, красная, как рак, и лупает глазами.

— Ладно-ладно, — отворачиваюсь к противоположной стене. — Всё?

— Да, — цедит Фомина.

Тоже мне — скромница! Бить лобовуху мне на машине ты не стеснялась.

— Тебя выгнали? — наливает Рита в кружку чай и протягивает мне. — Извини, кофе нет.

— Норм, — забираю чашку. — Я сам ушёл, — сажусь на подоконник.

— Ну, если ты к нам в гости пришёл, давай, развлекай нас, — требовательно смотрит Красникова.

— Вас слишком много, — шучу.

И зря, Белка прожигает гневным взглядом, а девчонки глядят как на извращенца.

— Что? Пошутить уже нельзя?

— У вас парней вечно мысли об одном, — бухтит Зорина, ещё одна наша одноклассница.

Маленькая розовая пухлая булочка.

— А что подделаешь? Такова природа, — отвечаю ей.

— Ой, не надо на природу стрелки переводить, Морозов, — кривит лицо Рита. — Ты лучше всех знаешь, что это не так.

— Красникова, не верь ты слухам о моих великих любовных похождениях. Они слишком преувеличены. Да, Фомина? — улыбаясь, смотрю на неё и ставлю горячую кружку рядом.

Давай, расскажи всем!

Как ты насочиняла про наш секс, любовь неземную и сама в это поверила. А потом ещё обиделась, когда я на тебя при всех наорал за разбитое стекло, не выдав, кстати, что у нас ничего не было, наоборот приукрасив.

Ревность в девке взбрыкнула и она мне кирпичом в лобовое. Хорошо успел пригнуться, так бы в голову прилетело, дурачком мог остаться. Девушку, которая со мной была в машине, перепугала до чертиков своей выходкой, она меня послала куда подальше.

Фомина краснеет под взглядами подруг, ожидающих от неё хоть слова. Я спрыгиваю с подоконника и растягиваюсь на кровати рядом с Белкой, притянув её за шею к себе и уложив головой на плечо.

— Да, не было у нас ничего! — взрывается признанием Дашка. Bravo! — Я соврала. Можно подумать я одна тут такая! Ты, Рита, ему любовные записки и сообщения писала.

Сюрприз! — перевожу на них взгляд по очереди.

Я думал, что мы оставили этот случай между собой. А оказывается, ещё кто-то в курсе.

Теперь краснеет Красникова.

Вечер откровений какой-то.

Белка смотрит на меня с недовольной миной.

— Не было у меня с ними ничего, — поднимаю вверх руки. — Правда, — чмокаю губы в оправдание.

С Зорькой уж сто процентов. Она не в моём вкусе.

— Морозов, ты кобель! — пихает меня локтём в бок.

— Теперь я старый домашний пёс, — утыкаюсь носом ей в шею, а потом целую в это место.

— Морозовы, прекращайте на людях лобызаться! Совесть имейте! — ругает нас Красникова.

— Морозовы? — что за новости!

— Конечно. Вас уже все так зовут, после того, как Ломов вас с экономики выгнал. Так что теперь, как честный человек, ты обязан на Алине жениться.

— Рита! — прикрикивает Белкина.

— Не волнуйся, ты сей факт не пропустишь, — обнимаю сильнее свою девушку, прижимаясь губами к виску.

Плевать, что мы не одни, что на нас смотрят с завистью и мечтают быть на месте Алины. Я эту девчонку люблю, а на остальных мне глубоко пофиг.

Морозовы? А что? Неплохо звучит!

Рита уходит, решив проверить всех наших. Возвращается минут через двадцать.

— Глеб, можешь в комнату не возвращаться, там, похоже, до утра праздник. Чувствую, я завтра получу от администрации.

— Надеюсь, вы не против приютить бедного студента? — удобнее располагаюсь на кровати Белки.

— А я надеюсь, что ты не храпишь, — язвит.

— Никто не жаловался...

— Глеб! — опять тычок в бок от Белки.

— Шучу. Со мной обычно никто не засыпал, — очередная шутка.

— Морозов! — дружно в один голос.

— Всё-всё, — со смехом приподнимаю руки и закрываюсь от летящей в меня подушки.

Глава 25

Дребезжащий звук заставляет разлепить веки и прислушаться. У кого-то вибрирует телефон.

Рано же ещё, солнце только пробивается к восходу начало.

Поворачиваюсь на другой бок и упираюсь носом в обнажённую грудь Глеба. Девчонки разрешили ему остаться на ночь у нас в комнате. Он даже вёл себя прилично, позволил только пару поцелуев перед сном. И кроме кофты больше ничего не снял.

Пока он спит, провожу пальцем по его руке, испещрённой шрамами. Красные рубцы, словно сеточка, покрывают руку. Вторая такая же, но он на ней спит.

Сказал, что, скорее всего, забьёт их татуировками, чтобы не было видно.

Настырный телефон продолжает звонить. Теперь я понимаю, что это мобильник Морозова, он его на пол у кровати положил. Толкаю в бок, заставляя проснуться.

— У тебя телефон звонит, — показываю головой.

Глеб, не глядя, протягивает руку, поднимает смартфон и отвечает:

— Да... Когда?.. Я понял. Через час буду, — и отключается.

Садится в постели, проводит руками по лицу, прогоняя сон, и тянется к джемперу, который висит на спинке кровати.

Он сильно взволнован.

— Что случилось?

— Дикий сбежал... — встаёт и начинает обуваться.

— Откуда?

— Я его на ночь на передержку отвёз хозяйке, у которой щенком покупал. Всегда так делаю, когда уезжаю куда-нибудь. Она говорит, что он полночи выл, потом притих. Думали, что уснул, а он сломал клетку и сбежал.

— И часто он так делает?

— Первый раз... Я поехал искать, — чмокает меня.

— Подожди, я с тобой! — собираю вещи.

— Алина, оставайся. У вас время ещё до вечера, — протестует.

— Я с тобой! — решительно.

— Морозовы! Дайте поспать! — просыпается Красникова.

— Ладно! Давай быстро собирайся, я пока вещи поднимусь, заберу, — произносит шепотом Глеб.

Я пулей собираю рюкзак и через пару минут жду его у входной двери. Он спускается вниз, забирает у меня из рук сумку, и мы отправляемся на стоянку.

— Где его искать теперь? — спрашиваю по дороге.

— Он знает дорогу домой, возможно, туда рванул, — набирает скорость.

Через полчаса мы уже в посёлке недалеко от города.

Хозяйка, которая недоглядела за собакой, долго сокрушается, что надо было бы проверить пса, когда он притих, но не сделала этого.

А Дикий знатно раскучрил зубами клетку, в которой его заперли.

— Я бы тоже начала её ломать, — признаюсь, как только мы уезжаем из дома собачницы. — Сидеть в клетке...

— Клетка — не цепь. До этого он два года нормально в ней проводил время. Вообще странно ведёт себя последнее время. Врач сказал, что у него панические атаки.

— Они бывают у собак? — удивляюсь.

— Сам впервые услышал. Но, оказывается, бывают.

Тогда я его понимаю. Я сама за последние пару недель их несколько раз словила. Раньше никогда не было, а тут появились.

Тоже хочется сбежать подальше от всех, забиться в угол и выть.

Возле дома Глеб интересуется у бабушек, которые сидят на скамейке, не прибежал ли его пёс и они хором подтверждают, что был, но они побоялись к нему подойти, а потом Дикий сбежал.

Это было полчаса назад.

— Он не мог далеко уйти, — предполагаю.

— В парк надо идти, — направляется Глеб в сторону набережной.

Мы разбредаемся по аллеям в поисках собаки, но стараемся двигаться так, чтобы видеть друг у друга.

Проходя по дорожке, замечаю торчащие из-под куста собачьи лапы. При приближении оттуда слышится тихое рычание.

— Дикий? — медленно приседаю и зову пса.

Услышав своё имя, он потихоньку, перебирая лапами, выползает на пузе. Еле слышно поскуливает. Он меня узнал.

Встаю, оглядываюсь по сторонам и замечаю, что Морозов идёт в мою сторону.

Потерял...

— Глеб, он здесь! — машу ему рукой.

Парень переходит с шага на бег.

— Э, друг! — приседает рядом с Диким. — Устал? А зачем сбежал?

Он осматривает собаке лапы и качает головой.

Передние стёрты в кровь.

Поднимает пса на руки и несёт домой.

— Сколько он весит? — спрашиваю у Глеба, подстраиваясь под его широкий шаг.

— Почти сорок кило.

— Ого! — прикидываю в голове.

Во мне всего сорок пять. А пёс меньше меня вроде как.

— Он немного растолстел за последний месяц, так как из-за ран двигается мало, — объясняет Морозов.

Мы отвозим его к ветеринару, который обрабатывает Дикому раны и прописывает лекарства для успокоения нервной системы. Так же просит не оставлять его первую неделю ночью без присмотра.

Дома собака занимает своё место, а через пять минут мы слышим его громкое сопение.

Уснул «без задних ног».

— Можно я душ приму? — смотрю умоляюще на Глеба.

Вся эта беготня и волнение заставили меня серьёзно попотеть.

— Конечно, могла бы и не спрашивать, — улыбается. — Может, составить тебе компанию? — притягивает за руку к себе и приобнимает, нагло при этом ухмыляясь.

— Я пока не готова к такому повороту, — отрываю его руки от себя и иду в сторону ванной.

По пути разворачиваюсь и гляжу на него. А он смотрит мне в след с разочарованием на лице.

Ну не надо!

Не так я с тобой себе всё представляю в первый раз.

Быстро принимаю душ, заматываю волосы полотенцем.

А вот запасные вещи остались в рюкзаке в машине.

И что делать? Попросить Глеба принести? Не хочется его напрягать.

Выглянув из ванной комнаты и услышав, что Морозов гремит посудой на кухне, быстро прошмыгиваю к нему в спальню. Не думаю, что он будет сильно против, если я одолжу у него футболку или рубашку.

Шмоточник!

Два шкафа под завязку забиты одеждой. Не удивительно, что я ни разу не видела его в одном и том же, за исключением курток. Одних пиджаков штук десять, а не носит... По моему даже у моего бывшего мужа гардероб был скромнее.

Снимаю с вешалки бледно-голубую рубашку и надеваю на себя, закатав рукава. Разглядываю себя в зеркало.

— Неплохо, — довольно улыбаюсь своему собственному отражению.

Мелкая, но стройная. Сильно выдающихся частей тела нет, но и плоской назвать себя язык не поворачивается.

— Согласен... Тебе очень идёт, — подтверждает мои слова Глеб, стоя у двери и наблюдая за мной.

На лице видно явное желание.

Разворот к нему и стараюсь натянуть рубашку ещё ниже, чтобы скрыть немного ноги. Он только смеётся над моими неловкими попытками прикрыть стыд.

— Она длиннее не станет, не старайся, — подходит ко мне с горящими глазами. — Целомудренно всё, не волнуйся.

— Я вещи забыла в машине. Извини, что взяла твою рубашку.

— Я понял. И не нужно извиняться, ты можешь брать в моём доме всё, что захочешь.

— Я так не привыкла... — поднимаю на него глаза.

— А я да, — поддевает пальцем мой подбородок и приподнимает кверху.

Слегка касается поцелуем моих губ и проводит пальцем по контуру лица.

— Там завтрак почти готов. Я тоже быстро в душ и будем есть.

Киваю головой в согласии и отпускаю его.

Сама делаю выдох. Грудь будто сдавило, и дышать невозможно. А сердце бьётся как сумасшедшее.

Какое же странное это чувство — любовь...

Глава 26

Пока Глеб был в ванной, стараюсь красиво накрыть стол к завтраку.

Привычка выработалась в доме Родиона. Домработница всегда накрывала изысканно стол, и неважно было — ели мы вдвоём или принимали гостей.

Чашки, красиво сложенные салфетки, которые Глеб прячет в шкафчике.

Но всё же в мужской квартире не хватает нужных мелочей.

Исправим.

— У тебя есть вкус, — обнимает сзади Морозов и целует за ухом.

— Есть садись. Надеюсь, ты не обманул и действительно умеешь готовить.

— Приготовить яичницу и бутерброды — большого ума не надо. Отвезу тебя как-нибудь на природу, где попробуешь настоящий костровой плов, вот где вкуснятина. Ещё и со свежей дичью. Ммм... — протягивает.

— Ты охотник? — сажусь напротив.

— Я добытчик, — смотрит на меня с улыбкой.

— И не жалко тебе зверей убивать?

— Это всего лишь звено пищевой цепи...

— Странно это слышать от человека, который свою собаку больше матери любит.

— С чего ты это взяла? — сводит брови.

— Вы ссоритесь постоянно...

— Это не значит, что я её не люблю. Она просто женщина... своеобразная, — сжимает губы. — Обожает командовать. Всё должно быть так, как она хочет, а я с этим не согласен. Вот и конфликтует. Но за мать я любому шею сломаю.

— Звучит угрожающе.

— Зато верно. Она из-за меня столько операций перенесла и лечилась долго, чтобы я родился. И после моего рождения больше не смогла детей иметь, — произносит печально.

— Почему?

— Сначала бесплодие ставили, но в Питере ей помогли и восстановили. А когда я родился, то у неё сильное кровотечение было из-за разрывов, врачам пришлось удалить матку.

— Кошмар...

— Поэтому я единственный ребёнок в семье и надо мной мать тряслась, как над золотом. А у тебя есть братья или сестры?

— Нет... — чуть не проговариваюсь про брата, но вовремя вспоминаю легенду.

— Почему?

— Не знаю... — пожимаю плечами. — Мама воспитывала меня одна. Я не помню рядом с ней мужчин.

— Понятно, почему ты такая скромница...

— Ничего я не скромница! — возражаю.

— То есть, в спальне, когда ты рубашку до пят натянуть пыталась — это не скромность была? — поднимает бровь.

— Это стеснение. Мы с тобой ещё не настолько близко знакомы.

— Ой, извини, что перепутал, — ставит локти на стол. Вот бескультурье! — А

в близости ты мне сама отказала, если помнишь.

— Я же объяснила причину, — чувствую, что кровь приливает к лицу.

И вообще, к чему этот разговор?

— Не парься ты так, — видит моё смятение. — Я не паникую из-за месячных у девушек.

Это нормальное явление.

— Это неприятно обсуждать... — краснею ещё больше и опускаю глаза.

— Ничего постыдного в этом нет, — приподнимает моё лицо за подбородок. —

Природа создала женщин такими. У нас тоже не всё в порядке — живём как-то.

Удивил.

— Морозов, ты с какой вообще планеты такой нестандартный?

— С нашей, — растягивает улыбку. — Доедай! — показывает на мою тарелку.

К еде я почти не притронулась.

После завтрака он моет посуду, чем в очередной раз приводит в восторг.

— Похоже, что кроме курения у тебя больше изъянов нет, — залезаю на подоконник погреться на солнышке, пока он курит в открытое окно.

— Я матерюсь, — возражает, затягиваясь.

— Я не заметила. Но это не страшно.

— Как сапожник, особенно на работе, — добавляет. — С тобой просто шифруюсь.

— Что ещё?

— Бываю вспыльчивым. Могу наорать или дать по морде, — очередная затяжка.

— Это я слышала. А ещё у тебя язык быстрее мыслей работает.

— Просто говорю, что думаю. Да, иногда это шокирует людей, — тушит окурок о карниз и бросает в пепельницу.

Достаёт из кармана жвачку и закидывает одну в рот, вторую предлагает мне.

Ментоловая, дыхание спирает.

У него звонит телефон.

— Твою мать! — ругается. — Я совсем про тебя забыл... — обращается к номеру на экране и отвечает.

Не знаю, кто ему звонит, но по разговору понимаю, что кто-то важный, с кем нужно обязательно встретиться.

— Алин, побудешь здесь часик одна? — делает бровки домиком. — Мне покупашке надо тачку показать.

— Одна? С Диким? — испуганно.

Пёс, конечно, спит, но вдруг проснётся? И что мне делать? На шкаф лезть?

— Ты ему понравилась. Он не тронет... Пожалуйста, я эту машину уже четыре месяца спихнуть не могу. А тут вариант хороший подвернулся. Подождешь? — умоляющее лицо.

— Ладно, — соглашаюсь.

Как ему откажешь?!

— Спасибо! — чмокает в губы и летит в прихожую.

После того, как обулся, притягивает меня к себе и страстно целует.

— На удачу! Говорят, рыжие деньги в дом приносят.

— Это про кошек! — смеюсь.

— Нормально. Не скучай без меня.

— Угу, — киваю и закрываю за ним дверь.

Прохожу на носочках к входу в гостиную и заглядываю туда. Собака спит, растянувшись

на коврике пузом вверх и раскинув лапы. Такой смешной.

Я прокрадываюсь к столу и беру ноутбук Глеба. Не киснуть же мне здесь со скуки, так фильм хотя бы какой-нибудь посмотрю.

Устраиваюсь удобно в спальне на кровати, завернувшись в мягкое покрывало и открываю компьютер. Не запаролен. Да и зачем, если он один им пользуется.

Недолго борюсь с искушением зайти в папки с фотографиями, но там почти пусто, несколько десятков фото машин и всё. Похоже, в его лэптопе только рабочие документы. Даже соцсетей нет.

Никакого компромата.

Морозов, ты скучный человек!

Где подписки на горячее видео на порносайте? Или переписки с девушками во ВКонтакте? Неужели тебе никто фотографии своих прелестей не присылает? С трудом в это верю.

А с другой стороны, почему это должно быть в компьютере? Сейчас всё в телефонах. Там вся жизнь. Но я и там ничего такого за ним не замечала.

"Радуйся! «- кричит внутренний голос. — "Значит ему нечего скрывать».

Открываю историю просмотров на видеохостинге. Боевики и триллеры предпочитает, на автомобильные блоги подписан.

Ещё бы!

У него других видимо интересов нет.

— А ну, стоп! — останавливаю курсор.

Меня будто холодной водой откатывают.

Это видео со мной. Старое, четырёхлетней давности, сейчас я мало похожа на ту девушку, что в ролике. Но там я. Я точно знаю. Это мои первые робкие шаги пробиться на большую сцену — участие в отборе на телешоу. Меня не взяли, не дотянула тогда до нужной высоты.

Как он его нашёл? Господи, а если всё же узнал?

Эти мысли так забивают мне голову, что я не замечаю, как Дикий забирается на кровать и неожиданно кладёт голову мне на колени. По коже теперь ещё проходятся мурашки от страха перед этим зверем.

Но он и не собирается меня пугать, наоборот, несколько раз втыкается носом в руку.

— Ты хочешь, чтобы я тебя погладила?

Пёс приподнимает голову и виляет хвостом.

Наверное, я угадала.

Робко провожу рукой по его голове, а он от удовольствия прикрывает глаза.

— Балдеешь?

Балдеет...

А я волнуюсь. И удаляю к чёртовой матери видео из истории просмотров. Надо Алексею сказать о нём, чтобы удалили.

Глава 27

Меня кто-то целует в губы. Нежно, но настойчиво. Даже толком не проснувшись, обнимаю этого кого-то за шею и отвечаю на поцелуи. Кроме Глеба никто так не может. Только от его прикосновений крыша едет и становится душно.

— Соня, просыпайся, — шепчет в губы. — Меня всего пару часов не было, а храп стоит такой, словно здесь рота солдат спит.

— Не преувеличивай, — открываю один глаз и улыбаюсь.

— Ни разу! — обнимает меня, придерживая за талию.

Как же ему идёт улыбка. Кажется, что его пухлые губы становятся ещё больше чувственными. Хочется к ним притрагиваться.

И чего я стесняюсь? Это же мой парень!

Провожу кончиком пальца по его губам, по руке устремляется электрический ток, щекочущий нервы.

Морозов, ну какого хрена ты такой красивый, а?

И глаза твои из ледышек уже давно превратились в искрящиеся огни, одаривающие теплом.

— Ты мороженое любишь? — неожиданно задаёт вопрос.

— Угу, ванильное, — не отрываю от него глаз.

— А я шоколадное. Но купил и то, и другое. Так что вставай, растает.

Я озираюсь по сторонам в поисках ноутбука, который был на кровати, но его нет.

— Я его убрал, — читает мои мысли Глеб и тянет за собой.

Вприпрыжку иду за ним, он держит меня за руку, на кухню. Там ждёт большой букет и целый пакет мороженого в стаканчиках.

— Это взамен тем засохшим, что стоят на твоей кухне, — протягивает мне цветы.

— Откуда ты знаешь, что я гортензии люблю? — смотрю на него, прижимая и нюхая их.

— Просто они мне понравились, вот и всё, — вытряхивает мороженое на стол. — Надеюсь, ты любишь такое простое, в стаканчиках. Я с детства обожаю. Родители коробками покупали, один раз объелся и в больницу загремел — живот болел сильно.

— А мне редко покупали, только по большим праздникам. Денег не было лишних в семье. Мать на двух работах работала, отец пил.

— Ты же говорила — не знаешь своего отца? — поднимает на меня глаза.

Твою ж мать!

Я проговорила.

Поболтали, блин, по душам.

Инсульт, инфаркт и что там ещё может случиться? Вот у меня сейчас всё одновременно.

— Мама рассказывала, — прячу лицо в букет. — Они поэтому и разошлись.

— Понятно, — хитрый прищур, а следом, словно отгоняет дурацкие догадки, снова становится обычным.

Разрывает упаковку и подаёт мне мороженое.

Ммм, вкусное!

Я уже и забыла, когда его себе покупала, как-то не до этого. Морозов открывает себе шоколадное, но тут же рядом появляется Дикий и умоляюще глядит на него.

— Нам ещё ангины не хватало, — ругает его.

Но пёс делает такие невинные глазки, что хозяин сдаётся.

— Попрошайка! — кладёт стаканчик с лакомством в миску.

Пёс с удовольствием поглощает вкусняшку.

— Он тоже любит шоколадное? — смеюсь. — Недаром говорят, что питомцы похожи на своих хозяев.

— А ещё конфеты шоколадные ворует, пока меня дома нет. Приходится повыше ставить.

— Сладкоежка...

— Толстожопка он! Поправишься — с площадки у меня не вылезешь, — обращается к Дикому. — Буду гонять до похудения.

— Злой ты! — тыкаю в шутку ему в нос мороженым

— Э, что тут началось? Спелись? Быстро вы! — старается тоже испачкать меня мороженым, но я шустро уворачиваюсь.

Веселье, беготня и смех...

В итоге у него всё же получилось. Моё лицо, шея и руки все сладкие и липкие.

— Глеб! Мне теперь мыться придётся.

— Не придётся, — ловит меня за талию.

Его губы скользят по моей шее, слизывая следы растаявшего мороженого с кожи. Потом проходится губами по лицу. От этой ласки становится жарко... Очень жарко. Голова кружится, кажется, я сейчас от переизбытка эмоций в обморок грохнусь.

Между тем Глеб уже принимается облизывать мои пальцы, засовывая их по одному в рот.

— Ты такая сладкая, — хрипит.

Его голос стал ещё ниже.

Я наблюдаю, как он проводит языком по каждому пальчику, а потом целует его.

Сердце давно стучит на пределе возможности. Слегка тяну руку, но он не отпускает, пока не слизывает всю сладость. А я стою и гляжу, словно под гипнозом, как он делает это.

Подхватив меня за талию, усаживает на столешницу кухонного гарнитура. Снимает резинку с моих волос и погружает в пышную шевелюру пальцы, слегка оттягивая назад. Я откидываю голову и он прижимается губами к моей шее, чувствую, что втягивает кожу в рот.

Там точно будет засос.

Ну и пофиг!

Зато ощущения потрясающие.

Руки скользят по бёдрам вверх и вниз до коленей, раздвигают их, и он устраивается между ними. Его глаза бегают по моему лицу, большими пальцами проводит по коже под глазами, щекам, губам.

— Я люблю тебя, — шепчет у моих губ и целует.

Микс признания и поцелуя делает так, что кровь в венах закипает, обжигая тело.

Руками под его кофту, слегка царапая ногтями кожу спины. Глеб отстраняется, и я стягиваю с него джемпер. Он попытается расстегнуть пуговицы на рубашке, которая на мне, но или сильно волнуется, или петли тугие — у него не получается. Тогда он дёргает застёжку так, что я слышу звук покотившихся по полу пуговиц.

Рубашка отправляется туда же, а я остаюсь только в одних трусиках.

Глеб покрывает поцелуями мои плечи, шею, спускается к груди. Лёгкие поглаживания

пальцами вокруг сосков и я чувствую, что становлюсь вся мокрая внизу.

Но это детский лепет по сравнению с тем, что со мной происходит, когда Морозов начинает посасывать соски.

Такого удовольствия я никогда в жизни не ощущала.

Тело просто ломит и трясёт. Внутри всё трепещет, и я издаю громкий стон.

— Да, Белочка, продолжай стонать, мне нравится, — приподнимает на меня мутные глаза, продолжая терзать лаской грудь.

Я цепляюсь пальцами в край стола и сильнее раздвигаю ноги. Стоны один за другим срываются с губ. А когда его пальцы проникают под трусики и проводят по нежной плоти, я не сдерживаюсь и вскрикиваю.

Там горячо и влажно, как в тропиках.

Подхватив меня за попу и придерживая, Глеб уносит меня в спальню, на кровать. Не стесняясь, снимает с себя остатки одежды, пока я стыдливо прикрывают грудь, наблюдая за ним.

Он на мне, но я не чувствую тяжести, только жар его тела и поцелуи, сжигающие моё смущение. Я больше не закрываюсь, наоборот хочу, чтобы он изучил меня, показал, что от близости может быть не просто приятно, а сносить голову.

Не замечаю, как остаюсь без трусиков. Пальцы Глеба проникают в меня, дразня и заставляя извиваться.

— Ммм, — закатываю глаза от наслаждения, закусывая губу.

По телу пробегают горячие волны одна за другой.

Морозов перестаёт ласкать меня руками и тянется к ящику в тумбочке.

Ах, да!

Шелест упаковки и снова повторяются прерванные ласки. Но теперь это не пальцы. Больше и толще.

А потом больно, не сильно, но я чувствую, как меня обожгло. Даже шиплю от этого.

Я же не девственница?!

Глеб отстраняется и смотрит мне в глаза.

Медленно двигается, наблюдая за мной.

Но боль проходит, её больше нет, остаётся только удовольствие. Подаюсь вперёд, касаясь грудью, чтобы почувствовать кожей его.

Я понимаю, почему было больно, просто у Глеба размер больше, чем был у моего мужа. И сейчас ему приходится растягивать тугие стенки.

Он обхватывает руками мои бёдра и приподнимает. Каждый вход максимально глубокий, от них волны бегут по всему телу и накрывают.

Он тоже стонет, закатывает глаза и закидывает голову. Ему так же хорошо, как и мне. Движения убыстряются, и мозг начинает накрывать больше и сильнее. Сводит ноги, словно судорогой, а потом сильная огненная волна поднимается снизу и словно цунами топит остатки разума. Меня бьёт дрожь, с которой я не могу справиться. Ничего подобного со мной раньше не происходило. Ощущения для меня новые, абсолютно неизвестные, но до невозможности приятные.

Я вскрикиваю и начинаю безудержно стонать. Глеб накрывает мои губы поцелуем, пытаюсь заглушить мой голос, продолжая быстро двигаться. А потом сам часто стонет, и я чувствую пульсацию его члена во мне.

— Люблю тебя, — целую его в шею.

Он улыбается. Мокрый, уставший, но довольный обнимает за талию и прижимает к себе.

— Белка, я тебя тоже...

Глава 28

Клубок дыма в сторону и Глеб подаёт подкуренную сигарету мне.

— Будешь? — смеётся.

— С ума сошёл?! Я не курю, — возмущаюсь.

— Расслабляет... — констатирует. — Особенно после секса...

— Ненормальный! — кладу голову ему на плечо, а он сильнее прижимает к себе, выкинув сигарету вниз.

Закутывает нас в плед и поджимает мои ноги ближе к своим, чтобы мне удобнее и теплее было сидеть у него на коленях.

Уплываю от тепла и его близости. Утыкаюсь носом в шею, вдыхаю дурманящий мужской запах, смешанный с горьким сигаретным. И мне нравится...

— Морозов, ты счастливчик.

— Почему это? — трётся носом о мою щеку.

— У тебя шикарный вид с балкона, — показываю на светящийся через Амур китайский город.

— Знаю. Поэтому и купил её. Люблю, когда красиво... Двушка, но при этом цена из-за этой иллюминации конская.

— Тебе бы вид на заправку, как у меня. А тут смотришь и радуешься.

— Переезжай ко мне, — шепчет в шею, слегка целуя.

— Ты серьёзно? — смотрю на него во все глаза.

— Вполне, — улыбается. — Временно я к тебе на ночь ездить не могу, у меня болезный в квартире. Причём на головушку. А без тебя я спать больше не хочу.

— Я не могу, — опускаю глаза.

Мне не позволят переехать.

— Зачему? — задаёт дурацкий вопрос из юмористического шоу.

— Потомукто, — да, я тоже смотрела.

Он смеётся, а я прижимаюсь снова к любимому. Глеб начинает покачивать меня, как маленькую девочку.

Меня так только в детстве качали, мне годика два или три было. Мама успокаивала, когда я ночью пугалась ссор родителей.

— У тебя есть загран паспорт? — неожиданный вопрос.

— Нет. А зачем?

— Жаль. Можно было бы на выходных съездить в Китай, пройтись по магазинам, поужинать и домой.

— В смысле в Китай? Вот так просто? Без визы? — смотрю на него, как на умалишённого.

— Белка, признавайся — откуда ты? — серьёзно.

Он догадался?

— Из Хабаровска... Я же говорила...

— А ощущение, что ты в Чили жила. Никакой визы не надо, покупаешь во-о-н там, — показывает пальцем на здание, — билетик туда и обратно, и едешь. Насколько знаю, в Хабаре всё точно так же, только ехать до таможни надо.

— Я никогда не ездила в Китай.

— Ну, значит, надо это исправить, оформить загран и поедем.

Кто ж мне с моей фальшивой биографией разрешит его получить.

Только сейчас я вспоминаю, что за день ни разу не взяла в руки телефон.

А если Аксёнов звонил или писал?

Где я нахожусь, он наверняка знает, сам сказал, что следилка в телефоне. Но я не предупредила, что собираюсь здесь остаться.

Под предлогом, что хочу в туалет, сбегая от Глеба и проверяю смартфон. Ничего. Только одно сообщение от Риты.

Может у него сегодня выходной?

Семья есть, с которой тоже нужно время проводить.

Но предательский мороз по коже всё равно ползёт. Набираю сообщение, что у меня всё хорошо, и думаю отправлять или нет. У меня от этого человека кровь в жилах стынет, после того, как он меня поцеловал. Я до сих пор не помню, как это было, что я чувствовала, только неприятное послевкусие на губах. Но и не общаться с ним я не могу.

Нажимаю на значок "отправить" и ловлю себя на том, что жутко боюсь его ответа.

— Кому ты пишешь? — голос Глеба за спиной.

Я поворачиваюсь и почему-то бледнею.

— Рите... Она написала, что они хорошо отдохнули. Ответила, что у нас тоже весело, — лгу.

— А чё тогда так испугалась? Я такой страшный? — хмурит брови.

— Нет, — улыбаюсь.

Неожиданно раздаётся звонок в дверь, и я подпрыгиваю от неожиданности.

— Белка, с тобой всё в порядке? Расслабься, это суши привезли, — направляется в прихожую.

У меня в руках дребезжит телефон. Сообщение от Аксёнова.

Ок?

Всего две буквы?

Но они словно камень с души снимают.

Выдыхаю и успокаиваю свои натянутые нервы.

* * *

— Не проси! — Глеб ругает Дикого, который опять попрошайничает еду со стола. — У тебя диета. Камушки свои коричневые ешь.

Пёс скулит и жалобно смотрит на меня.

— Даже не вздумай! — грозит мне палочками Морозов.

По моим глазам видно, что мне жалко пёсика и хочется отдать ему свою порцию. Пару недель назад я его боялась, как огня, а сейчас готова накормить последним куском хлеба. Нет, последним куском ролла.

— Ну, один кусочек... — умоляю его.

— Сначала кусочек суши, потом сосисочку. А дальше он котлеты со стола таскать начнёт.

— Не преувеличивай!

— Алина, это не преувеличение! Мы уже всё проходили. Я кое-как отучил его еду не воровать со стола. А ты мне своей жалостью всё воспитание пустишь коту под хвост. Он, — тыкнул пальцем в Дикого, — не подмышечная болонка. Он зверь. Охотник.

— Ружьё ему ещё дай! — обижаюсь.

— Его задача дичь загонять, а не сожрать её.

— Он же не охотничья собака!

— Ему нравится.

— Морозов, ты живодёр!

— У меня вся семья охотники. Так что это преемственность поколений. Прадед пушниной занимался. Белке в глаз бил. Извини, — давит смешок после паузы.

— У тебя, что денег нет, мясо в магазине купить? — смотрю на него с недоумением.

— Есть. Но это другое. Не знаю, как объяснить...

— Где твоё оружие? — оглядываюсь.

— Не ищи. Его здесь нет. Всё в доме у родителей. Небезопасно хранить карабин в городской квартире. А там, у отца, надёжный сейф.

— Чего ещё ожидать от человека, который в военной части вырос.

— А что в этом плохого? — удивляется.

— Ничего. Только мне кажется, что военные они какие-то чёрствые, излишне дисциплинированные, — задумчиво вожу палочками в воздухе.

— Что в этом плохого? — повторяет вопрос и приподнимает на меня глаза Морозов. — Или тебе нравятся утончённые, изнеженные белоручки?

— Не до такого же маразма. Мне кажется, в мужчине должны сочетаться мужественность и нежность.

— Качок в розовых колготках? — усмехается.

— Смешно. Просто женщинам хочется рядом такого мужчину, который будет её на руках носить и в случае чего заступиться сможет.

— Тогда я тебя разочарую, таких не очень много. И с каждым годом становится меньше. Мужской пол слишком любит себя.

— Но ты же такой, — смотрю на него ласково.

— Считаю, тебе повезло, — щелкает пальцами мне по носу. — Но это ещё раз доказывает, что армия делает мужиков, а не соплежувев. Я служил там, где поблажек не давали никому. Либо ты, либо тебя нагнут. Физподготовка по восемь часов в сутки. Всё отточено до мелочей. Ещё и мозгами надо уметь работать, так как ты разведчик, а не в тылу бумажки при штабе перебираешь. Такие, как мы, на передовой работают. И наши имена никогда нигде не появятся, бойцы невидимого фронта. Про таких не пишут статей и не показывают по телевизору. Пришли, прощупали почву, зачистили и ушли.

— Ты был на заданиях? — поднимается волнение.

— Не переживай. Не был... Туда отправляют только контрактников, а меня мать отговорила. Но браконьеров в море и нарушителей границ приходилось брать.

— Это же работа пограничников.

— На учениях был случай. Только не проси рассказать, — остановил меня. — Там ничего интересного. Просто борзые японцы нарушили нейтральные воды. В наших, оказывается, рыба жирнее, — фыркает.

— Я рада, что ты не пошёл служить дальше. Иначе мы бы не встретились...

— Мы не знаем, что нам предначертано, но я уверен — если судьба, то она тебя и

на необитаемом острове найдёт.

Глава 29

По коже гуляет холод. Прижимаю к себе заледеневшую обнаженную Белку, которая свернулась рядом клубочком.

— Почему так холодно? — сонно бубнит, обхватывая меня руками.

— Дикий, сволочь, верни одеяло! — рычу на пса.

Знаю, что этот сучонок сидит рядом с кроватью и ждёт, когда я замёрзну и проснусь.

Такой трюк он регулярно проделывает.

Начинает скулить.

Блядь! Его надо тащить на улицу, дома на пелёнки ходить отказывается. При его размерах они вообще не помогают.

— Отдай! — вырываю у него из зубов одеяло и накрываю Алину, она сразу кутается в него.

— Ты куда? — приподнимается, когда я надеваю спортивный костюм.

— Ему надо, — киваю на Дикого. — Спи, ещё рано, — чмокаю в губы и жестом показываю псу на выход.

Холодно, ветер и дождь моросит. Брр! Накидываю капюшон от куртки и прячу руки подмышки, в ожидании, когда собакин вернётся из кустов.

Стеснительный засранец!

Дома скинув кроссовки в прихожей сразу мыть лапы и перевязывать ему раны. Даже не заметил, что Белка уже проснулась и всю хозяйничает на моей кухне.

Только отмыв грязную и отогрев себя под горячим душем, чувствую сладкий запах чего-то вкусного, разносящийся по квартире.

— Это оладьи?

— Блинчики, — поправляет, поворачиваясь ко мне от плиты и улыбаясь.

— Ммм, — подхожу к ней, обнимаю одной рукой за талию.

Второй пытаюсь стянуть блинчик с тарелки, отвлекая поцелуем в шею. Но пойман и получаю от Белки лопаткой по руке.

— Потерпи пять минут, и будем завтракать. У тебя сгущёнка есть? — приподнимает на меня глаза.

— Была где-то, — открываю шкафчик сверху и достаю банку из НЗ, который из отцовского пайка пополнила мать.

— Зачем тебе столько? — Алина открывает рот от удивления, осматривая ряды из банок сгущёнки и тушёнки.

— Родители думают, что я тут не доедаю, — посмеиваюсь. — Могу поделиться, — открываю крышку.

— Не надо.

— Напрасно, — демонстративно медленно облизываю ложку с тягучим лакомством.

Белка сглатывает.

Это от голода или от возбуждения? Набираю ложку сгущёнки и подношу к её рту.

— Давай, — киваю головой, показывая, чтобы тоже попробовала.

Она неторопливо запускает ложку в рот, съедает сгущу, а потом оближивает языком испачканные губы.

Теперь сглатываю я.

Как же она сексуально это проделала. Кровь отливает от головы и устремляется вниз. Провожу пальцем по липким губам Белкиной, а потом их целую. Сладкая и вкусная. Посасывая их, слепо переставляю сковородку с огня и, подхватив под задницу, несу в спальню.

— Мы на учёбу опоздаем, — смеётся, откидывая голову назад и обхватывая меня ногами.

— Насрать! — прохожусь поцелуями по шее и кидаю её на кровать.

— Глеб! — заливается смехом, шуточно отбиваясь от моих прикосновений.

— Соппротивление бесполезно, Белка, — прижимаю её руки к матрасу. — Когда у меня сносит крышу, я пружина как бронепоезд.

Не сильно-то она и сопротивляется. Сама раздвигает ножки и подаётся вперёд, чтобы я вошёл.

Ээ, нет!

Не так быстро, маленькая.

Я хочу насладиться стонами от моих ласк и распалить тебя до красна. Чтобы полыхала и задыхалась. А ещё умоляла, потому что вот-вот кончишь.

Осматриваю жадным взглядом лицо, вскользь до груди.

Маленькие розовые сосочки призывно торчат, призывая себя попробовать.

И я втягиваю их по очереди, посасывая, от чего Алина громко стонет и извивается подо мной.

Хм... Кажется, я нашёл твою эрогенную зону, Бельчонок.

Ласкаю грудь до тех пор, пока она не начинает выгибаться и звать мамочку. Вниз губами до горячих и влажных от желания складочек. Языком по клитору, и Алина сжимает коленками мою голову, подрагивая в руках. С силой развожу ноги, которые она всё пытается свести.

— Расслабься...

— Не могу... Меня судорогой сводит, — хрипит.

— А ты попробуй, — запускаю в неё пальцы, а большим поглаживаю заветную точку.

Белка вроде пытается, но дрожащие ноги то и дело смыкаются.

— Прекрати! — прикрикивает на меня.

— Слушаюсь и повинуюсь, — рывком насаживаю её на свой член.

Взвизгивает от неожиданности и сжимается, доставляя кайф.

Ммм... Она такая узкая, не верится, что раньше у неё кто-то был. В первый раз я ненадолго даже подумал — она девственница. Но её шокированный взгляд убедил меня в обратном. Алина сама удивилась.

Двигаюсь, ловя каждую эмоцию на её лице. Сжимает пальчиками простыню, царапает. Почти плачет, хныкает точно.

Моя страстная девочка.

Целую её, останавливаясь и давая шанс передохнуть. А потом с удвоенным темпом вколачиваюсь в неё, пока мы оба не кончаем.

Вот сейчас она плачет. И я зацеловываю каждый глазик, убирая слёзы.

— Это от счастья или тебе не понравилось? — укладываю на бок и обнимаю.

— У меня никогда так не было... — шепчет признание.

— Обещаю, теперь будет, — чмокаю в носик.

— А можно, чтобы он не подглядывал? — кивает на дверь.

У входа лежит Дикий и наблюдает за нашими «танцами».

Забыл про него.

— Надо ему тоже подружку найти, — посмеивается Белка.

* * *

— Передай Красниковой, что я ко второй паре приеду. Мне в банк нужно сгонять, — целую свою рыжую красотку.

— Когда ты начнёшь учиться, как следует? — хмурится.

— Никогда... Не забудь записать всю лекцию, я потом скопирую.

— У меня ощущение, что ты со мной встречаешься только для того, чтобы я за тебя конспекты писала.

— Ты меня вычислила, — угораю. — Конечно ради этого.

— Глеб, я серьёзно... Возьмись за ум...

— Я попробую, но позже.

Тяну её за воротник к себе и крепко целую.

— Встретимся позже, любимая...

Выходит из машины и, перепрыгивая через лужу, бежит к университету.

— Раз... два... три...

Поворачивается и с улыбкой машет рукой.

Как догадался, что она так сделает?

Понятия не имею... Просто у нас с ней, кажется, появляется какая-то ментальная связь.

В банке закрываю кредит за джип, а остатки денег кладу на свой счёт. Продажей машины я занимался по своей инициативе, парни к ней не имеют никакого отношения, так что и делиться ни с кем не нужно.

Надо Белку по магазинам прокатить, а то она в своей тонюсенькой куртке скоро воспаление лёгких заработает.

После учёбы пройдемся за покупками.

Успеваю как раз ко второй паре, опережая препода всего на несколько шагов. И то, я его просто обегаю, чтобы не опоздать.

— Морозов! — гневно в спину.

— Извините, Пётр Вадимыч! — складываю руки в мольбе и пячусь задом к партам. — В последний раз.

— Ты ври-то да не завирайся. Ты мне это каждый год обещаешь.

А ну тебя!

Ты каждый год нудишь одно и то же, не меняя пластинку.

Я уже наклоняюсь и слегка кусаю Белку за ушко, проходя за её спиной.

Вскрикивает. Хватается за ухо.

Вся аудитория весело косится на нас и хихикает.

— Глеб! — шипит осуждающе.

Чмокаю воздух.

Красникова, сидящая рядом, качает головой и прячет весёлый взгляд.

— Рассказала уже, да? — киваю в её сторону.

Алина тупит виновато глаза и покрывается румянцем.

Рассказала.

Вот вы, девчонки... Не умеете язык за зубами держать. Всё растриндеть надо.

А как же — счастье любит тишину?

И ведь все по нашим взглядам друг на друга понимают, что между нами. Смотрят, улыбаются. Немного неловко...

Забей!

Похуй, что они думают. Главное, что мы счастливы.

«Я тебя люблю», — отсылаю ей сообщение на телефон.

Закричать-то я об этом не могу.

Читает.

— Я тоже, — беззвучно губами в ответ.

Блин... Я потёк...

Глава 30

Вроде неплохо, — беру в руки теплый костюм из трикотажных брюк и кофты бежевого цвета.

Но цена... Треть моей зарплаты.

Нет.

Не умею я тратить чужие деньги, пусть Глеб и сказал, что я могу брать что угодно.

Неудобно мне. Он не обязан оплачивать мои покупки.

Поищу подешевле.

Морозов сидит на мягкой скамеечке между рядами и внимательно за мной наблюдает, поглядывая на часы.

Хотели уложиться в час, чтобы успеть погулять перед моей работой, а я уже полчаса здесь брожу, и ничего не выбрала.

— Так, всё! — нетерпеливо встаёт и снимает с вешалок вещи, которые я смотрела. — Ещё куртку тёплую, — щёлкает пальцами и тянет в отдел с верхней одеждой.

— Глеб, дорого же, — уговариваю не брать ту, что он смотрит.

Классный, стильный белый пуховичок.

— Нравится? — прикладывает ко мне.

— Нравится...

— Размер твой? — смотрит на бирку и показывает мне.

— Угу...

— Тогда пошли мерить.

И вся одежда подходит. И красивая... Но...

— Никаких «но», — отрубает Морозов мой единственный довод о дороговизне. — Смотри, комплект подходящий, — берёт с прилавка вязаную шапку, шарф и рукавички нежно-розового цвета. — Зачёт! — надевает на меня.

Мягкие, пушистые. И тёплые...

Он всё покупает.

— Я верну деньги... — обещаю, когда выходим из магазина.

— Это подарки, Белка. Никаких возвратов. Пошли ещё в обувной зайдём.

Покупаем короткие дутые сапожки, идеально подходящие под пуховик.

Едем на Набережную.

Здесь сегодня фестиваль китайской кухни, и вечером много людей. Тепло к тому же, гуляющие ловят последние хорошие деньки перед похолоданием.

Вода в Амуре сошла, но Глеб говорит, что всё равно выше обычного.

Ужасно. Тут-то ничего, а ниже по реке дома под воду ушли, и люди всё потеряли.

Морозов тянет меня на площадку, где китайские повара прямо на улице готовят национальные блюда.

— Вот это скорость! — внимательно наблюдаю, как мелькает нож в руках одного из шефов.

Глеб посмеивается. И исчезает...

Кручусь на месте, пытаюсь выхватить знакомое лицо в толпе.

Появляется с двумя контейнерами чего-то съестного, отдаёт мне вместе с палочками.

— Ммм... — вкусно. — Это что?

— Жареный тофу с овощами.

— Никогда не пробовала.

— Жаль сейчас не лето. В июне у нас проходит фестиваль русско-китайской культуры.

И всё это, — обводит рукой площадь, — растягивается на несколько дней. Плюс выставки, ярмарки, концерты. С обоих берегов, кстати. Наши к ним, они к нам, — показывает палочками на Хэйхэ.

— Круто... С виду большой город. Сколько там жителей?

— Около двух миллионов.

— Сколько?!- давлюсь. — Ты шутишь?

— Нет. Загугли, — Глеб постукивает мне по спине. — А у нас примерно двести пятьдесят тысяч.

— Офигеть...

— А тридцать лет назад на месте Хэйхэ была обычная деревня. Представляешь, как они всё быстро раскрутили до таких масштабов?

Я не представляю, я вижу!

Жаль не могу попасть туда. Было бы очень интересно посмотреть.

— Как ты к китайской выпечке относишься? — забирает у меня пустой контейнер и выбрасывает.

— Не пробовала никогда, — жму плечами.

Глеб удивлённо приподнимает брови, а я развожу руками.

— Серьёзно? Ну, тогда тебе точно понравится. Она у них с небольшим количеством сахара и очень воздушная. А пирожные и торты — вообще бомба. С детства обожаю.

Мы выбираем из большого количества всего жутко аппетитного для себя булочки.

— Можно я для Дикого одну возьму, — держу над пакетом.

— Алина, не порть мне собаку, — шутливо строго смотрит на меня.

— Ну, пожалуйста... Он там один, ему страшно. А вкусняшка порадует, — делаю наивные детские глазки, чтобы Морозов растаял.

— Ладно... С вами невозможно проявлять суровость.

— И не надо, — чмокаю его в щеку. — Ты же добрый.

— Да ты не белка, ты лиса, — смеётся, обнимая меня.

Дома у Глеба скармливаю булочку Дикому и тайком половину своей, пока его хозяин сканирует мои конспекты себе в компьютер. Потому что пёс так жалостливо смотрит, я не могу отказать. У меня ощущение, что он голодный, хотя миска в кухне полна собачьего корма.

Дикий с довольной мордой усаживается в угол, чтобы облизать себя.

Я покатываюсь со смеху от его позы.

На веселье приходит Глеб.

— Смотри на него, — показываю на собаку. — Он так смешно сидит на попе, как коты из роликов в интернете.

Но Морозов ни капли не удивлён.

— Он всегда так сидит. Это обычно для молоссов.

— Для кого? Ой, не объясняй! — отмахиваюсь. — Я в этой собачьей терминологии как в лесу заблужусь. И вообще мне на работу пора.

Глеб отвозит меня в бар, обещает вернуться к концу смены.

Я, конечно, попыталась его уговорить остаться дома и выспаться, но он только рыкнул в ответ. И я согласилась.

Начало недели, посетителей не густо. Можно немного выдохнуть.

— Белкина, тебя там клиент со сдачей дожидается, — подходит Альбина и высказывает, не смотря на меня.

— С какой сдачей?

— Обычной. Сто пятьдесят два рубля.

— Я думала это чаевые.

— А ты не думай, ты спрашивай. Иди, возьми в кассе и отдай, — с высокомерием смотрит на меня.

— В смысле? Сама? Рома вышел покурить.

Он у нас за финансы.

— Сама. Сложно? Или считать не умеешь?

Не положено официантам брать деньги из кассы. Но если Альбина сказала... Она всё-таки администратор.

— Умею.

— Шевелись! А то клиент дёрганный.

Беру сдачу, отношу ему. Терпеливо и молча выслушиваю гундеж про обдиралово и нашу криворукость. Ухожу на кухню выпить чай, пока нет посетителей, и успокоить натянутые нервы.

Столько выноса мозга из-за ста пятидесяти рублей.

Кринж!

К концу смены замечаем с девчонками, что Рома и Альбина засуетились.

— Что случилось? — шепотом кто-то из коллег.

Без понятия.

Выясняется всё, когда закрываемся. Раньше обычного, кстати.

Нас всех собирают в зале.

— Из кассы пропало двадцать тысяч рублей, — громко заявляет Альбина.

При этом смотрит прямо на меня, намеренно пытаюсь обвинить взглядом.

Шушуканье за спиной.

— Несём свои вещи. Будем искать вора, — добавляет.

И тут моя интуиция начинает паниковать.

Для Альбины подставить — раз плюнуть. Глеб же говорил, что характер сучий. И послала она меня за деньгами не напрасно. Чую подставу.

— Ты не имеешь права осматривать наши вещи, — заявляю ей. — Вызывай полицию.

Глупый с одной стороны поступок, но так у меня большие шансы не погрязнуть в дерьме, которое она меня пытается вылить.

Фэйсы сразу подключатся и выведут гадину на чистую воду. Там и посмотрим — кто кого.

— Как хочешь, — надменно ухмыляется и вызывает полицию.

Приехавший наряд, естественно, обнаруживает пропавшие деньги в кармане моей куртки.

Под осуждающими взглядами коллег меня увозят в отделение.

А сколько ликования во взгляде Альбины. Прямо светится вся от радости, что её махинация удалась.

Но мы ещё посмотрим, кто будет радоваться.

В отделе оформляют, маринуют в ожидании допроса.

Телефон сразу забрали, но я успела ещё в баре скинуть Алексею сообщение, что у меня проблемы.

Ночь. Прочитает ли...

Утром точно увидит.

Через пару часов меня всё же ведут к следователю.

Сонный и задолбавшийся мужик смотрит на меня равнодушно и молчит.

— Ты украла? — спокойно.

— Нет.

— А кто? Деньги у тебя нашли.

— Смотрите камеры.

— Смотрел... Там ты.

— А ещё кто? — включаюсь в его спокойствие.

Буду нервничать — начнёт давить. Я уже проходила это с фсбэшниками.

Он смотрит ускоренное видео на компьютере.

— Бармен, администраторша...

Вот!

— А почему здесь только я? Согласитесь, несправедливо. Деньги могли просто скинуть в мой карман, когда начался кипиш.

Зыркает исподлобья.

Да. За годы жизни с Родей я усвоила правило, на котором построена криминалистика — ищи кому выгодно.

И он говорил, что у преступлений основные причины — это любовь и деньги. Ещё что-то было, но я запомнила только две. Всё таки жизнь с юристом даёт свои плоды.

Следователь собирается мне что-то сказать, но в кабинет бесцеремонно вваливается Аксёнов. Показывает ему корочку.

Полицейский поднимается и вытягивается в струнку, резко взбодрившись.

— Я забираю подозреваемую, — берёт меня под локоть Алексей и поднимает со стула.

— Как это? — не понимает.

— Она наш человек, работала в баре по спецзаданию.

— Какие спецзадания в обычном караоке? — усмехается следователь.

— А я не обязан докладывать вам подробности наших операций. До свидания! — подталкивает меня к двери.

— Спасибо! — когда выходим.

— Не за что, — непроницаемый взгляд. — Алина, умеете вы себе неприятности наживать. Чем вы не угодили Смирновой?

Это Альбина.

— Глеб несколько лет назад с ней встречался. Недолго...

— Ясно. Женская месть... Не волнуйтесь, привлекут. Срок возможно не получит, но нервы потреплют. В другой раз будет лучше думать.

Что-то мне её ни капли не жалко.

Глава 31

— Бермудский треугольник какой-то, — очередная попытка найти видео, которое смотрел пару месяцев назад на сайте.

Теперь оно заблокировано.

Сидел и случайно вспомнил, что там пела девушка чем-то похожая на Алину.

Даже полного выпуска передачи не нахожу. Везде удалено. Можно порыскать по соцсетям, но времени уже нет. Надо ехать.

Скулящий Дикий перегораживает выход из квартиры.

— Да что с тобой происходит?

Начинает практически подвывать.

— Я на полчаса. Заберу хозяйку и приеду.

При слове «хозяйка» замолкает и поворачивает голову на бок.

— Нравится, да, когда её так называют? — треплю за ухом.

А он опять начинает скулить и скрестись в дверь когтями.

— Фу! Нельзя!

Обиженно садится.

— Ладно! Черт с тобой! — беру поводок и намордник.

И надеваю ему специальные носки, чтобы в раны на лапах грязь не попала. Две ещё с приличными повреждениями на подушечках.

Мы едем к бару.

Дикий радостно прыгает на заднем сиденье от одного окна к другому, разглядывая улицы. Тыкает мордой в плечо, чтобы открыл ему стекло.

— Нет! Холодно. Ты и так чахлик.

Возле бара тихо. Похоже, что закрыто.

Алина писала, что посетителей мало, но что закроются раньше — нет.

Дергаю дверь. Заперто.

Набираю Белку. Вызов идёт, но не берёт. Ещё пара дозвонов — тоже самое.

— Что за хрень?!

В баре должен быть охранник, поэтому долблю в дверь.

Появляется минут через десять.

— По башке себе постучи! — грубо. — Закрыто!

— Ещё полчаса работы, — тыкаю в режим работы.

— А сегодня раньше закрыли, — громко за дверью.

— Персонал где?

— Домой все ушли.

— А Белкина?

Мужик теряется. Открывает дверь и выходит, достаёт из пачки сигарету, хлопает по карманам в поисках зажигалки, но тщетно.

— Забыл...

Щёлкаю своей.

— Белкина где? — не отрывая от него взгляда.

Медлит, делает несколько глубоких затяжек.

— В ментовку твою Белкину загребли, — наконец-то говорит.

— В смысле? За что?

— Деньги украла...

— Деньги? Алина? Что за бред?!

— Бред, не бред, а двадцать тысяч, что из кассы пропали, в кармане её куртки наши. И куртка, кстати, новая. И вся в обновках пришла. Может, и раньше подворовывала.

— Хуйню не неси! Вещи я купил, — срываюсь. — Она и копейки не возьмёт без спроса.

— Ну, я не знаю, возьмёт или не возьмёт. Деньги наши, значит, украла, — замечает, что я завожусь, быстро тушит сигарету, желая слинять.

— Куда повезли?

— А куда они могут? В ближайшее скорее всего.

Ближайшее отделение на Октябрьской. Это недалеко.

Удивлён, оно открыто, а не как обычно изнутри на замок.

— К вам девушку привезли. Где про неё можно узнать? — спрашиваю у дежурного.

— Имя? — устало.

— Алина Белкина.

— Допроса ждёт Белкина. Следователь освободится, тогда и будет известно, что с ней дальше делать.

— Да не брала она никаких денег!

— Вот он и выяснит.

Уйти не могу. Дождусь начало рабочего дня, попробую пробиться или к следаку, или к начальству. Может, удастся выкупить Белку из клетки.

Через час замечаю входящего Алексея, знакомого Алины. Интересуется у дежурного где кабинет следователя, занимающегося делом Белкиной. Дежурный мягко его посылает ждать, как и меня. Тот же тыкает ему в лицо какой-то корочкой. Я не разглядел. Но по реакции полицейского понимаю, что этот Алешенька кто-то крутой.

Управление? Возможно...

Иначе бы дежурный шустро не побежал лично показывать ему кабинет.

А у тебя, Белка, не простые знакомые, оказывается.

Интересно... И странно.

Через пять минут он и Алина выходят из коридора. О чём-то серьёзно разговаривают.

Белкина, увидев меня, широко и радостно улыбается.

А вот её спутник не очень рад, похоже, меня видеть.

— Привет! — подходят ко мне.

— Тебя отпустили? — беру её за руки.

— Да. Настоящего вора наши.

— И кто?

— Альбина.

Вот тварь! Чувствовал, она всё равно где-то нагадит.

Ну, что бабе неймётся?! Нет же давно между нами ничего.

— Вас подвезти? — спрашивает знакомый у Алины, косясь на меня.

— Я с Глебом поеду, вы не против? — она немного сжимается и теряется под его взглядом.

— Нет. Звоните, если что, — высокомерно выщепивая из себя слова.

Ты мне тоже, козёл, не нравишься, только я этого не показываю. Но кулаки держу

наготове, чтоб по твоей борзой физиономии съездить.

Дикий, перенервничав от ожидания, сразу набрасывается на Белку и всю облизывает.

А у них коннект. Он в ней явно видит хозяйку.

— Я так устала и спать хочу, — расслабляется в кресле по дороге домой. — Не получилось у Альбины меня подставить. Это ж надо быть такой дурой! По камере не видно какую сумму она берёт, но легко догадаться. Хотя... Хороший адвокат, пользуясь этим, развалил бы дело в самом начале.

— Ты разбираешься в юриспруденции?

— Бывший был юристом...

Резко замолкает и отворачивается.

— Алексей? — с раздражением и ревностью.

Испуганно смотрит.

— Нет!

— А он тогда кто? Я видел, что он ксивой какой-то светанул перед ментами.

— Он просто знакомый... Помог мне сюда переехать...

Врёт, не моргнув.

— Прячет? От кого? — давлю из неё правду.

— Тебе лучше не знать...

— Алина?!- требовательно.

— Давай, не будем. Тебе лучше не знать. У меня новая жизнь, и я не хочу вспоминать прошлое, — уходит от ответа.

И я перестаю. Возможно, мне действительно знать не нужно. Да и ссориться в очередной раз не хочется. Рано или поздно расскажет. Когда придёт доверие.

Беру её руку и мягко целую каждый пальчик, кайфуя от собственных ощущений. Что-то приятное и тягучее проникает под кожу, ускоряя стук сердца.

Белка расслабляется и закрывает глаза.

В квартиру я веду её полусонную. Помогаю раздеться и, подхватив на руки, несу в спальню. Укутываю в одеяло и оставляю выспаться.

Варю себе крепкий кофе. Перевариваю все, что произошло сегодня.

— Охранять, — приказываю Дикому, лежащему у двери спальни, заглядывая туда.

Он послушно складывает голову на лапы.

Белка крепко спит, подтянув колени к животу.

Подхватываю ключи с тумбочки и на улицу.

Всю дорогу пытаюсь себя успокоить, чтобы сразу не сломать шею Альбине. Но как только она открывает дверь, с порога хватаю её за горло.

— Я тебя предупреждал не трогать Алину? — рычу в лицо.

Смотрит с ужасом и царапается, пытаюсь расцепить мои пальцы.

— Предупреждал? — встряхиваю.

— Да... — хрипло от нехватки воздуха.

— Но ты нихуя слов не понимаешь! Удавлю гадину! — сильнее сжимаю руку.

А потом отпускаю, отшвыривая от себя. Противно. Ещё бы разок надавил, и её шея сломалась.

Альбина отлетает в угол и сползает на пол.

Рыдает.

— Не пытайся меня растрогать. Мне на тебя похуй. Но ты не угомонишься. Какого хера,

Аля? Столько лет прошло, и ты сама ушла!

— И жалею... — размазывает слёзы по красивому лицу.

— Раньше надо было жалеть. Чтоб я рядом с нами даже твоей тени не видел! — хлопаю дверью, уходя.

У машины вдыхаю глубоко прохладный воздух.

Надо успокоиться. Трясёт всего. Желание — вернуться и добить. Но встряхнуть — все, на что я способен с позиции силы с девушками.

Достаю сигарету и закуриваю. Нервно, глубокими затяжками угомоняю закипевшую агрессию.

К Белке нужно вернуться спокойным и милым. И купить что-нибудь заодно. Замылить глаза.

Еду в магазин. Теряюсь в бесконечных рядах товаров.

Я понятия не имею, что Белка любит.

Что вообще женщины любят помимо цветов, тряпок и косметики?

Замечаю у стенда двух девчонок, спорящих о том, каким цветом плед выбрать.

— Девушки, — нагло подхожу к ним.

Оборачиваются удивлённо. Расцветают улыбки.

— Может быть, подскажите, что можно девушке подарить, но чтобы точно понравилось? — натягиваю очаровательную улыбку.

— Смотря сколько у вас денег, — кокетничает одна из них.

— Деньги не проблема.

— Гаджет какой-нибудь... Телефон новый... — вторая.

Не думаю, что Белка оценит.

— Это понятно. А романтичное? Кроме цветов, конечно.

— Браслет подарите. Вон в том отделе, — показывает напротив. — Есть серебряные. А к ним шармики всякие можно подобрать. Со значением, чтобы о вас напоминал.

— Спасибо!

Покупаю браслет, к нему выбираю бусинки и подвески. Красиво упаковывают в подарочный футляр. На выходе из торгового центра попадается магазин, в котором беру для Алины беспроводные наушники.

Миха такие Ксюхе дарил, она была в восторге.

Дома всё так же тихо. Все спят.

Складываю подарки на тумбочку у кровати и ныряю под бок к Белочке. Не просыпаясь, обнимает за шею.

Тащусь от этого уюта.

А если жениться?

Глава 32

— Ты мухлюешь, Глеб!

— Где? — раскрываю руки, показывая, что у меня ничего нет.

— Ты под ногу карту спрятал! — бросает свои. — Я так больше не играю.

Скрещивает руки на груди и изображает обиду.

Она в бюстгальтере, трусиках и носках. Всё остальное проиграла мне в дурака на раздевание. И аппетитная ложбинка между грудей начинает очень сильно волновать мои гормоны.

— Ничего я не прятал!

— Идиотку из меня не делай. Я все карты запомнила.

— А вот это точно против правил. Карты считать нельзя.

— Прятать тоже нельзя, — пихает меня, и спрятанный мной под ногой червовый туз выскакивает.

— Ага! — хватает его. — Ты шулер! Все твои победы обнуляются.

Ну, нет!

Сметаю с дивана на пол колоду и броском укладываю Белку под себя.

— Наша прелюдия и так слишком затянулась. Тебе так не кажется? — тяну лямку бюстгальтера вниз по плечу, оголяя грудь и розовый сосочек.

Впиваюсь в него губами.

Алина изгибается подо мной, врезаясь ногтями мне в спину.

— Фсс... — в отместку слегка прикусываю сосок.

Вскрик.

— Тише, — целую. — Соседи услышат. Миха и так говори, что мы громкие.

Смеётся. Зацеловываю любимую шейку, оставляя чуть заметные красные отметины.

Переворачиваю лицом вниз.

— Глеб!

— Я, — снимаю трусики, оголяя сладкую попку.

Вырисовываю губами и языком узоры на нежной коже.

Приподнимается, приглашая в себя.

Но я вторгаюсь пальцами, массируя и чувствительную точку.

Стучит руками по дивану, сдерживая громкие стоны. Ноги дрожат. По пальцам стекает горячая влага.

Ммм... Обожаю, как кончает эта девочка.

Нацепив защиту, вхожу и безжалостно вколачиваюсь, поставив её на колени. Мычит, вцепившись зубами в подушку. Глаза бесконтрольно закатываются от удовольствия.

Прижимаю рукой за шею к дивану, ускоряюсь. Сводит обоих судорогой от оргазма. Тело ниже пояса немеет и горит огнём. Падаю сверху, накрывая собой маленькую Белку.

— Глеб... — чуть слышно.

— Хм...

— Ты тяжёлый...

Ложусь рядом. Вожу пальцем по плечам и шее Алины, наслаждаясь тем, что она вся покрывается мурашками от моих прикосновений.

Скольжу на грудь, задевая сосок, по рёбрам и до бедра.

Почти не дышит и молчит. Только загадочно и счастливо улыбается, прикрыв глаза.

Обожаю её такую: с детским блаженством на лице. И люблю до умопомрачения.

Отвожу в сторону копну спутавшихся рыжих волос и кусаю за мочку уха. Стон.

Вжимаюсь сзади в попку. Снова её хочу.

Мне мало. Мне всегда мало.

Ненасытен с ней. Ведь всего пять минут прошло после нашего секса, а я опять голодный.

Слепо шарю в поисках штанов, в кармане презервативы. Надеваю.

Приподнимаю ножку Алины, закидывая себе на бедро, и вхожу в неё.

Удивлённо распахивает глаза и поворачивает ко мне голову.

— Моро... — тонет в поцелуе возмущение.

Расслабляется и гладит по щеке.

Ловлю её руку и кладу на набухшие губки.

— Сама, — хочу, чтобы поласкала себя.

Двигает пальчиками, возбуждая, а я двигаюсь в ней. По прерывающемуся дыханию и громкости стонов — она вот-вот.

И я замедляю её, убирая руку с чувственного местечка. Я-то ещё нет.

Хочу вместе.

Я всё хочу вместе...

Мы взрываемся фейерверком, вжимаясь друг в друга.

В голове полное опустение, только звон в ушах. А блаженство горячей волной растекается по телу и сливается в презерватив вместе со спермой.

Я выжат. Откидываюсь назад и закрываю глаза.

В сон клонить начинает.

Алина нежно пальчиками снимает с меня резину и сбегает в душ.

Я почти засыпаю, как с площадки вдруг доносится ругань и сильный удар о входную дверь, словно в неё чем-то увесистым кинули.

Дремавший в прихожей Дикий спросонья начинает лаять.

— Да, блядь... Когда ж это закончится, а?

Каждый раз одно и то же. Пьянчуги живущие на этаже с Алиной напиваются и устраивают разборки. Раньше меня удерживала навалить им Белка, но сейчас она занята.

Натягиваю штаны и параллельно набираю Миху.

— Дома?

— Да.

— Спустись на наш этаж, — прошу его.

Дикий караулит под дверью, прислушиваясь к звукам за ней. А там уже возня, кто-то кого-то мутузит.

— Ко мне, — выхожу на площадку.

Мишка сонный в домашних штанах и растянутой майке спускается сверху. Тапки на босу ногу. Я даже их не стал надевать.

Хватаю того алкаша, что сверху и швыряю в дверь квартиры напротив. Удар такой силы, а дверь такая хлипкая, что она просто вываливается из проёма и падает в прихожую. Пьянь сверху.

Мишка приподнимает за шкуру второго и навешивает ему пинков.

— Заебали! Сколько можно? — отбираю полуживого от синьки мужика у Миши и пихаю вслед за первым.

Уползают в квартиру.

Мы следом. Дикий за нами.

Эти двое уже на кухне, у одного в руке ножик, пытается угрожать.

Напугал ежа голой жопой.

Перехватываю запястье, выворачиваю, нож сам вываливается на пол. Мишка носком отшвыривает его под батарею.

— Ты оборзел скот?!- попытка наехать на меня.

Дикий угрожающе рычит, оскаливаясь и зашугивая пьяных неадекватов.

— Сидеть!

Но садятся мужики, а не моя собака.

Смирненько приподнимают руки, выставляя вперёд, инстинктивно защищая себя.

Шею надо защищать. Такие псы глотки рвут, если нападают.

— Бухло где?

Кивают под стол. Бутылка непонятного разведённого пойла и две полторашки пива. Всё в раковину.

— Ээ, а ты не охуел? — приподнимается хозяин квартиры.

Дикий рыком заставляет сесть на место.

— Ещё раз вечером услышим ваш фестиваль, он вам яйца откусит, — показываю на собаку.

Собутыльник прикрывает руками пах.

— И я не шучу! Пошли, Миша.

— Эй, а кто дверь на место ставить будет? — возмущение в спину.

— Ну, уж точно не я. Проспишься и заколотишь, — оборачиваюсь.

— А если чё украдут?!

— Что у тебя взять, кроме анализов, — прикалывается Мишка.

Ржём.

На площадке бок о бок стоят Ксюха и Алина.

Моя рыжая проказница в махровом банном халате, теплых тапочках и с полотенцем на голове.

Ксюша тоже в домашнем и с бигудями.

— Купи ты уже ей нормальную приблуду для волос, — шепотом другу.

— Да есть у неё эта хрень за пятьдесят тысяч. Попользовалась, раз пять, теперь в шкафу пылится. Зигугули сидит по вечерам крутит. Что не спим? — обращается к девчонкам.

— Зачем вы с ними так? — заглядывает Белка через моё плечо.

— Ой, Алин, да правильно сделали! — заступает за нас Ксюха. — Ни днём, ни ночью покоя нет от их загулов. Может, попритихнут немного.

— Сомневаюсь... Я знаю этот контингент.

— Значит, ещё «поговорим», — успокаивающе обнимаю её.

— А пошлите к нам чай пить. Всё равно не уснём, — предлагает Ксенька.

Белкина мнётся, соглашаться или нет. Они ж с соседкой так и не помирились.

— Хорошая идея, — подталкиваю её к лестнице. — Я квартиру закрою.

Застаю свою девочку на кухне друзей, разливающей чай по чашкам. Ксюша достаёт из холодильника аппетитный торт.

— Ммм... Мой любимый, — цепляю чуть-чуть кремовый цветочек пальцем.

— Глеб! — девчонки хором.

— Да ладно вам!

Ксюха раскладывает торт всем на тарелки.

Алина прижимается ко мне боком за столом. Кормлю её с ложечки.

— Вкусно?

— Угу...

— Ксюха сама печёт. Она кондитером в ресторане работает. Молочная девочка — её шедевр. Обожаю.

— Девочку или Ксению? — в шутку ревнует Белка.

— Да не слушай ты его, — садится за стол хозяйка. — Он про все мои торты так говорит. Сладкоежка. Ты запас шоколадных конфет в его доме видела?

Миха лопает и лыбится, поглядывая на нас.

— Обычный, — жмёт плечами Алина.

— Обычный. Ты по ящикам у него пошурши, не один килограмм найдёшь. Думаешь, почему этот шоколад любит? — показывает на Дикого, который с довольной мордой уплетает свой кусок торта.

Белка машет отрицательно головой.

— Потому что хозяин конфеты ест, как не в себя.

— Ну, хватит меня палить! — осаживаю со смехом.

— Лучше пусть конфеты, чем водку пьёт, — выдаёт моя умница.

— И то верно...

— Кстати, — начинает Миха. — Новый год не за горами, пора место искать и заказывать, где отмечать будем.

— Ребят, без обид. Но я в этом году к родителям. Хочу Алину с семьёй познакомить.

Белкина застывает с ложкой во рту. Смотрит на меня молча, лупая глазками.

Смешная.

— Ты против?

— Неа, — крутит головой. — А как они к этому отнесутся?

— Вот и узнаем.

— Он тебя по всем родственникам прокатит, — посмеивается Миха. — У него дед мировой. Главное — ему понравиться. А остальные примут как само собой разумеющееся.

— Кажется, у вас важным событием попахивает, — показывает Ксюха на безымянный палец.

— Всё может быть... — прижимаю смущённую Алину к себе за плечи и целую в висок.

Глава 33

Стою с ключами на пороге, собираясь ехать за Алиной на работу.

Ксюша устроила её в ресторан, в котором сама работает, официанткой в вечернюю смену. Из караоке её, естественно, уволили, как и Альбину.

Я был против, но разве убедишь.

— Глеб, оставайся дома. Я уже в такси сажусь, — по телефону.

— Белка, какое нахрен такси?

— Обычное. У нас тут постоянные ребята работают. Все друг друга знают. Довезут в целости и сохранности. Не волнуйся, — успокаивает меня.

Не помогает. Я по вечерам постоянно испытываю за неё страх, особенно когда она не рядом. Райончик у неё беспокойный. И соседи буйные.

— Ложись спать. Утром в универе увидимся.

— Ладно...

Раздеваюсь, падаю на кровать и сразу засыпаю.

Будит скулящий Дикий, стягивая с меня одеяло.

— Зверюга, совесть имей! Пять утра! — смотрю на часы.

Гавкает требовательно и, цокая когтями по ламинату, бежит в прихожую.

— Сволочь ты... Сам не спишь и другим не даёшь, — одеваюсь.

Утро. Холод собачий. Местами лежат остатки прошедшего позавчера снега. И опять небо без звезд. По прогнозу ожидается снегопад.

Мы почти час гуляем с Диким в парке. Он всё время что-то ищет, нюхает воздух и тянет куда-то.

— Ну, нет! Я замерз! Пошли домой!

Скулит.

Нервный с вечера.

Волоком за поводок веду его домой.

У подъезда он упирается, и я сдаюсь. Смотрит в сторону стоянки, где припаркован мой джип, и скулит сильнее.

Закуриваю.

Скуление перерастает в рычание.

Смотрю в ту сторону. К нам приближаются два мужика.

Не наши. У нас такие не живут.

Подходят. Собираются уже зайти в дом, но один другому кивает на меня.

— Морозов Глеб Александрович?

— Ну, — затягиваясь.

Достают ксивы. Фэйсы.

— Поедемте с нами.

— Зачем?

— Есть пара вопросов.

— Оглашайте на месте. Вы обязаны озвучивать причину ареста.

— Это не арест. Просто поговорим.

— Говорите, — нагло выпускаю с силой дым в сторону.

— Глеб Александрович, вам лучше согласится.

— Лучше, так лучше, — щелчком отбрасываю сигарету, понимая, что они не отстанут, а скорее завернут руки и отвезут куда надо. — Надолго? А то у меня вот, — показываю на Дикого. — За ним присматривать некому.

— Мы присмотрим, — пытается забрать у меня поводок, но пёс начинает агрессивно рычать.

— Я сам.

Везут в управление.

Дикому приказываю сидеть у пропускного. Взволнованно поскуливает, когда меня уводят.

Дежурный тоже явно не в восторге от такого соседства. Косится боязливо.

Заводят в комнату и оставляют одного.

Ничего лишнего. Стол, два стула и зеркало на стене. Улыбаюсь, как идиот, в него, растягивая широкую улыбку.

Там же стопудово кто-то наблюдает за мной. Только непонятно зачем.

Что я такого натворил, что меня фэйсы повязали?

Тачку не ту перепродал?

Так я все по базе проверяю. Чистые.

— Доброе утро! — входит с серьёзным лицом Алексей и садится за стол, показывает на стул напротив.

Теперь всё понятно.

— Кому как, — сажусь.

Открывает папку, что-то читает. Смотрит на меня пристально и молчит. Пытается поймать мой взгляд, но я отвожу глаза.

Долго будешь кота за причиндалы тянуть?

— Что вы делали сегодня ночью в начале второго? — задаёт наконец-то вопрос.

— Спал.

— Свидетели есть?

— Да. На пропускном у вас сидит.

— Смешно.

— А в чём дело?

И вдруг догадываюсь.

— С Алиной что-то? — падает сердце в тревоге.

Как знал, что не надо соглашаться на её уговоры.

— На Алину напали в подъезде, ударили по голове, украли вещи.

— А ФСБ теперь и гоп стопы расследует? — пытаюсь пошутить, но нихуя не смешно. — Как она? — взволнованно провожу по волосам рукой.

Какой-то ублюдок посмел напасть на мою девочку. Голову открутить ему готов!

— С ней всё хорошо. Она в больнице.

— Это, по-вашему, хорошо?

— Серьёзных травм нет. Врачи перестраховываются, решив подержать несколько дней у себя. Вы разговаривали с ней по телефону в сорок одну минуту первого, — смотрит в бумаги. — О чём?

По глазам вижу, что его содержание нашего разговора мало волнует, он и так знает. Подслушивают, суки.

Не удивлён. Обычная их процедура.

Но вида не подаю.

— Я хотел приехать за ней на работу, чтобы отвезти домой. Она сказала, что уже садится в такси.

— Что потом делали?

— Лег спать.

— И никуда не ездили?

— Нет! Над входом в подъезд моего дома есть камера, можете посмотреть, что я до утра никуда не выходил.

— Посмотрим... — утыкается снова в бумаги.

— В подъезде Алины тоже камера имеется, — вспоминаю.

Заходит молодой парень и отвлекает нас. Кладёт на стол женскую сумочку и два прозрачных пакета. В одном телефон, в другом серебряный браслет.

— Откуда? — смотрит на него Алексей.

— У алкашей в квартире напротив нашли. Под кроватью тряпками завалены были.

— Знакомые вещи? — обращается ко мне.

— Да. Это сумка Алины и браслет, который я ей подарил.

— Допросили подозреваемых? — снова коллеге.

— Какой там! Они синие. Лыка не вяжут. Ждать нужно, когда проснутся. Но вспомнят ли они — вот это вопрос. У одного, кстати, на одежде следы крови. Мы отдали на экспертизу.

— Хорошо. Свободен.

Младший уходит.

Молчание режет слух.

Есть у меня пара вопрос к этому Алёшеньке, но сомневаюсь, что он будет со мной откровенничать.

Сидит бумажки читает.

— Почему вы отказались пойти учиться в академию ФСБ? — вдруг заговаривает.

— По личным причинам.

— Конкретнее.

— Мать просила не идти по контракту служить. А учёба была только на словах, никто мне ничего точно не обещал.

— В личном деле указано, что предлагалось, но от вас был получен отказ, — показывает глазами на листок.

О, как! Мою биографию читаешь. И что там интересного?

— Значит, написали для галочки. Сказали, что пошлют рекомендацию, но ответа я не видел.

— А хотели бы? — кривенько слегка улыбается.

— У меня сейчас другие планы.

— И какие, если не секрет?

— А если секрет?

— От нас не может быть секретов.

— Семья. Устроит такой ответ? — раздражаюсь.

— Вполне. Только это призрачные мечты. Особенно, если планируете её с Белкиной.

— Это ещё почему?

Вздыхает и захлопывает папку.

На обложке написаны мои данные.

— За вами придут, — оставляет мой вопрос без ответа.

— В смысле придут? — в след.

Снова остаюсь один.

Меня тишина, стоящая в этой комнате раздражает. Начинаю дёргать ногами и постоянно смотреть на часы.

Через полчаса за мной действительно приходит человек в обычной черной форме без опознавательных шевронов.

— Я свободен?

— Нет. Начальство приказало отвести в камеру до завтра.

— То есть как до завтра?! У меня там собака на проходной сидит!

— Все вопросы к капитану Аксёнову. Я только выполняю приказ. О собаке вашей позаботятся.

Ага, позаботятся.

Он же не подпустит к себе никого чужого и есть не будет.

Когда ведут по коридору, замечаю Аксёнова и мужчину постарше. Они что-то обсуждают. Улавливаю часть разговора, проходя мимо.

— Завтра утром из центра прилетит за ней человек. Они забирают её от нас.

— Как забирают? — как-то растерянно недоволен знакомый.

— Вот так. Наверху решили спрятать её в другом месте. К ней будет приставлен человек для охраны. Он и приедет.

Я понимаю, что речь идёт об Алине.

Белка, в какие шпионские игры ты ввязалась? Почему за тебя контора впрягается?

Не раз приходила в голову мысль, что она к нам в город не просто так приехала. Но тут, похоже, что-то посерьёзнее, чем побег от мужа тирана.

Глава 34

Тупо смотрю в потолок, изучая рисунок на потрескавшейся штукатурке.

Мысли, которые всю ночь разрывали голову, улетучились. Сейчас там пусто.

Вяло моргаю, пытаюсь не заснуть.

У меня забирают Белку...

И как я без неё буду?

Звук открывающего металлического замка оглушает, прорезая тишину.

Входит высокий мужчина лет тридцати в черном и недёшевом костюме. Не похож на наших. Наши поскромнее выглядят.

— Морозов, на выход, — кивает мне.

Подхватываю сброшенную кофту и куртку, натягиваю на ходу, следуя за ним.

Ведёт на второй этаж в кабинет. От яркого утреннего света, бьющего в окно, щурюсь. В тех местах, которых я здесь побывал, так светло не было.

Ко мне бросается Дикий, скулит и облизывает, радуется встрече. И что самое странное — он без намордника.

— Привет, дружище! — треплю его, присаживаясь перед ним на корточки.

— Я пытался его покормить, но он отказывается, — наблюдает за нашей встречей брюнет.

— Он не ест с чужих рук.

— Хороший пёс! — слегка натягивает уголок рта в попытке улыбнуться.

На щеке появляется выразительная ямочка.

— Не побоялись намордник снять? — смотрю на него снизу.

— Я знаком с такими собаками. В моей семье десять лет стафф жил. Знаю, как с ними обращаться. Да и не понравился ему здесь, похоже, только капитан Аксёнов. Вот на него рычит и лает. Но я его понимаю, мне он тоже не понравился.

— Это вы из Москвы прилетели? — догадываюсь.

— Да, — ставит на стол небольшую коробку. — Ваши вещи. Проверьте, всё ли на месте.

Перед тем как меня посадить в камеру, дежурный отобрал, оставив только сигареты, и вместо зажигалки дал спички.

— Да, всё, — проверяю.

— Вы можете быть свободны, — отворачивается от меня и берёт какую-то папку.

— А Алина?

— Алина? — приподнимает на меня глаза, словно слышит имя впервые. — Ах, да... Алину я завтра увезу в более надёжное место.

— На неё же простые алкаши напали, — понимаю, что моя девочка скоро будет для меня недоступна.

— Я не уверен. Есть детали, которые заставляют думать, что это было преднамеренное нападение.

— Например?

— Отсутствие света в подъезде. Может быть, конечно, и совпадение, но из-за этого мы не можем посмотреть записи камер. И ещё кое-что по мелочи. Лучше перестраховаться.

— Я хочу поехать с вами, — решительный настрой.

— Это исключено, — спокойно кладёт папку на стол. — У меня приказ забрать только девушку.

— Я могу пригодиться. Я умею стрелять, у меня есть разрешение. Несколько лет занятий самообороной.

— Я, как мужчина, понимаю ваши чувства, Глеб Александрович. Мне рассказали. Но, как спец, я против. Любовь мешает думать здраво и действовать с холодной головой. Вы можете всё испортить. А ещё у вас он, — показывает на Дикого. — Для его вывоза нужна куча справок и разрешение. Это займёт время, у нас его нет.

Обречённо вздыхаю, передёргивая руками.

— Увидеться с ней хотя бы можно до отъезда? — последняя надежда.

— Нет.

— Ну, так же нельзя! — рвёт меня.

— Можно, — равнодушно.

А сначала ты мне показался нормальным мужиком. Оказался такой же козёл, как и все здесь.

— Пошли, Дикий! — вывожу собаку в коридор.

Надеваю ему намордник и на выход.

На улице валит хлопьями снег. Всё уже замечено. Хорошо ветра нет и не холодно.

До дома около получаса пешком и я решаю прогуляться.

Дикий радостно прыгает рядом, ловя на лету снежинки.

Мне бы твою безмятежность.

На точке стритфуда покупаю два пян-се* и воду. Для себя прошу посыпать маласянь**.

Устраиваемся на небольшом заборчике спиной к дороге.

Отдаю пирожок без приправы Дикому. Больше суток голодный. Пою водой прямо из бутылки. Потом сам медленно жую, задумавшись и не чувствуя вкуса. Аппетита особо нет. И глядя в жадные глаза пса, отдаю свой пян-се ему, убрав тесто с приправой.

Сзади раздаётся сигнал машины.

Серенькая Королла прямо напротив нас.

Я таких не знаю.

Открывается окно.

— Садитесь, — кивает назад москвич.

— Мы и ножками дотопаем, — не хочу больше с ним общаться.

— Садись! Поговорить надо.

С небольшим желанием сажусь на спереди, а Дикого назад.

Несколько минут едем молча. Фэйс даже не смотрит на меня, но едет в нужном направлении.

— Вы поговорить хотели, — напоминаю ему.

Он прикладывает палец к губам и показывает глазами на аудио панель.

Намёк на то, что нас слушают.

Усмехаюсь.

Москвич сворачивает в переулок, в конце него выход на набережную.

Отходим подальше от машины к Амуру.

Спускаю Дикого с поводка, пусть побеждает.

Фэйс достаёт пачку сигарет и протягивает мне.

— У меня есть, — вынимаю из кармана.

Закуриваем. Молчим.

Москвич всматривается в противоположный китайский берег.

— Никогда не видел так близко границу, — выпускает дым. — Вроде вот она, всего в двух шагах, а нельзя. Сколько здесь метров?

— Семьсот пятьдесят вроде...

— О! Даже километра нет. Минут за пятнадцать можно дойти.

— Рискните.

— Бегают?

— Бывает...

— Ловят?

— А вы как думаете?

— Давай на «ты». Мы не в кабинетах.

— О'кей, — соглашаюсь. — Очень странно, что ты своим не доверяешь.

— А они мне не свои, — глубоко затягивается. — Своим я доверяю. А этим нет.

— Почему?

— Интуиция. Алина не рассказывала ничего? — смотрит вопросительно.

— Что-то рассказывала, но теперь я сомневаюсь, что это была правда.

— А про Аксёнова?

— Знакомый, который помог ей переехать к нам.

— Ясно. Странный тип...

— Согласен. Она его побаивается, но почему — не говорит.

— И не скажет. Сама не знает, — задумчиво.

— Как это?

— Так это, — не вдаваясь в подробности. — Он умеет.

— Ты её на совсем увозишь?

— Нет, — закуривает вторую сигарету. — Пока сюда летел девять часов, чуть уши не опухли от желания курить, — объясняет. — В начале марта будет суд. После него Алина вернётся к прежней жизни.

— Суд? Над кем?

— А это тебе знать не положено. Не волнуйся! Я с неё глаз не спущу всё это время. Если с ней что случится — с меня три шкуры снимут. Ну, и с работы попрут, естественно. Ещё и с волчьим билетом. Меня потом даже охранником в супермаркет не возьмут, — усмехается.

Во мне начинает подниматься ревность.

Алина и он вдвоём двадцать четыре на семь. А мужик он на вид нормальный, подобные девчонкам нравятся. Как говорит Ксюха — брутал.

И мне такое соседство рядом с Белкой не по кайфу.

— Поехали, — говорит, докурив сигарету.

— Куда?

— Собаку надо домой отвезти, а то туда с живностью не пускают. У них своя. С усами и шестипалая, — шутит.

Да ладно?!

Мы едем ко мне. Москвич поднимается со мной.

— Можно? — просит разрешение осмотреть квартиру.

— Да.

На кухне накладываю Дикому побольше корма и наливаю воды в миску.

Гость внимательно осматривает вещи в комнатах. Заглядывает под стол, подоконники, шторы и каждый угол.

Подходит и раскрывает ладонь. Три жучка. Я их в армии видел.

— Один здесь, другой в спальне, третий на кухне.

Я ничего не могу сказать. Я уже понял, что нас слушали, ещё при допросе.

— Не понимаю, как их могли поставить, когда он почти всегда дома? — смотрим на Дикого.

— Значит, воспользовались вашим отсутствием на прогулке.

— Может быть, поэтому он был такой беспокойный? Почувствовал присутствие чужого в доме, а я прохлопал.

— Беспокойный? Теперь понятно, чего он так Аксёнова невзлюбил. Не думал, что здесь нач отдела лично по квартирам работает. Для этого подчинённые есть. Нам пора, — взгляд на часы.

— Пока, зверюга. Не скучай, — прощаюсь с Диким.

***Пян-се** — пирожок из дрожжевого теста с начинкой из мяса, лука и капусты, приготовленный на пару.

**** Маласянь** — острая китайская приправа.

Глава 35

Подъезжаем к двухэтажному зданию на отшибе города. Больница, но не травматология.

— Здесь же кожных лечат? — идём по аллее к входу.

— Бывший санаторий МВД, палаты на один-два человека, душ и туалет при них.

Минимум контактов, удобное расположение. Это всего на день.

Не знаю... Я испытываю брезгливость в таких местах, словно можно что-то подцепить.

Это неконтролируемо.

Москвич ведёт меня по коридору второго этажа в самый конец.

Только сейчас я осознаю, что даже не знаю, как его зовут. Он не представился.

— Сколько у меня времени? — спрашиваю у двери.

— До нашего отъезда, — пропускает меня вперёд.

— Спасибо!

Это же почти сутки!

Мы входим в подобие прихожей. Из неё ведут две двери в палаты. Одна открыта. На кроватях сидит пара крепких ребят, смотрят что-то в ноутбуке. Ещё один у входа залипает в телефоне. Сразу его убирает, увидев нас.

— Как обстановка?

— Всё спокойно, товарищ капитан, — отчитывается, встав.

Ну, хоть звание теперь известно.

Москвич показывает глазами на соседнюю палату.

— Товарищ капитан, у нас приказ никого постороннего не пускать, — перегораживает путь.

— Под мою ответственность, — грубо осаживает его.

Двое из палаты даже не поднялись, только слегка улыбнулись, переглянувшись. Из чего можно сделать вывод — они из команды приезжих.

В девушке, стоящей у окна, я не сразу узнаю Белку. Ярко рыжей шевелюры больше нет. Теперь она брюнетка с каре и без очков.

— Не рано причёску сменила? Мы вроде не расстались, — тухлая попытка пошутить.

— Глеб! — бросается ко мне, но притормаживает, заметив в дверях капитана. —

Здравствуйте!

— Добрый день! — приподнимается на цыпочки и с корнем вырывает камеру над дверью.

За стеной раздаётся мат.

Кто-то недоволен его поступком.

— Я надеюсь, ты тут в труселях не разгуливала? — нежно обнимаю Алину.

— А ты ревнуешь? — дерзко улыбается.

— Очень, — целую. — Как ты? Что-нибудь болит?

— Нет. Мне сделали укол и всё прошло. Только шишка на затылке осталась. И таблетки прописали, — кивает на тумбочку.

— Что произошло? — убираю пряди с её лица, за ушки.

А ей идёт такая причёска. На совсем юную девочку похожа. Нежную и воздушную, как лепесток. И совершенно невинную.

— Я помню только, как зашла в подъезд, было темно, достала телефон, включила фонарик и потом удар по голове. Очнулась в машине скорой помощи.

— Если бы ты не настояла на том, чтобы я не приезжал, всё было бы хорошо. А теперь... — не могу произнести слова о расставании.

Мне больно от одной мысли, что Белка уедет. И я не знаю, вернётся ли. Капитан обещал, но ведь он не вправе ей распоряжаться. Вдруг она больше не захочет здесь жить.

— Ты уже всё знаешь, да? — виновато опускает глаза.

— Кое-что. Они ничего толком не говорят. Но я давно догадывался, что ты к нам в город приехала не просто так.

— Да... Я под программой защиты свидетелей...

— Она у нас работает? Я думал, только на словах числится.

— Как видишь... — садится на кровать и зажимает коленками ладони. — Ко мне случайно попало видео, на котором убили человека. Я отнесла его в полицию, думала, просто кто-то так развлекается. Оказалось, на нём убийство важного чиновника. Пошли допросы, стали раскручивать цепочку. Выяснилось, что мой муж посредник между заказчиками и киллерами. Он брал заказы на устранение людей и передавал исполнителям. Родион совсем не был похож на безжалостного человека. Умный и добрый, — плаксиво. — Мне показывали фото разных людей, подозреваемых в заказных преступлениях. В некоторых я узнала наших гостей, они бывали у нас дома, о чём-то общались с мужем, платили ему. Эти, — кивает на дверь. — Раскрутили всё, нашли кучу улик, скрытые счета. Пошли аресты. В общем, я влипла по полной. Такие люди подобного не прощают. Меня хотели взорвать в машине, но в ФСБ узнали и сделали так, что я якобы погибла в этом взрыве. А сами отправили меня сюда.

Охуеть...

Как в сериале по НТВ. Драки, погони, взрывы и перестрелки. У меня так и рисуется эта картинка в голове после её рассказа.

Но сейчас меня другое волнует. Жалостливые и заплаканные глаза Белки. В них безысходность и страх. Надеюсь, в моих она не видит того же, хотя я ощущаю тоже самое.

Я очень за неё боюсь.

И доверять кому-то её жизнь мне очень сложно. Я вообще своё мало кому доверяю, только проверенным людям. А тут любимая девушка... Самое ценное, что у меня есть.

— Иди ко мне, — сажусь рядом и тяну за руку, чтобы села на колени.

Всхлипывает, утыкаясь лицом мне в грудь. Покачиваю. Хочется пожалеть как маленькую. Она и так маленькая, просто тело взрослое, а внутри девочка, которой страшно от происходящего вокруг.

Мы сидим молча.

Алина обнимает за шею.

И я не хочу её никуда отпускать. Хочу застыть в этом моменте и так остаться.

За дверью шум. Смотрим в том направлении.

— Ты какого хрена тут творишь капитан?!- резкий окрик Аксёнова.

— В чём дело? — спокойно, но довольно властно отвечает ему москвич.

— Два капитана сцепились, — посмеиваемся с Белкой. — Я ставлю на московского.

Алина согласно кивает.

— Кто разрешил камеру снять? А если он её придушит, пока вы за стенкой ушами хлопаете?

— Шёл бы ты на хуй, товарищ капитан, — нагло в ответ. — Хотел бы убить, давно бы это сделал. Он каждый день с ней наедине был.

Молодец, москвич! Зачётный мужик! Первое впечатление не обмануло.

Я за Белкину сам кому хочешь голову откручу.

Прям представляю, как он в этот момент выпускает сигаретный дым в лицо Аксёнова. А тот униженно задыхается и кашляет. Лупает своими рыбьими глазёнками, краснеет от злости и бежит докладывать начальству, что его на три весёлых буквы послали.

Был у нас один стукач в армии. Всех сдавал. Пиздили и не помогало, он шёл и стучал, что его бьют. За это мимо него никто просто так пройти не мог, чтобы пинка не отвесить. Вся рота потом влетала в какой-нибудь марш-бросок по полной выкладке, внеплановый ПХД или несколько часов марша на плацу в любую погоду. В конце концов, ротный устал и попросил перевести в другую часть, побоявшись, что в один прекрасный день его прибьют. Сразу стало спокойнее.

Стук.

Входит Аксёнов.

Белка порывается встать, но удерживаю за талию, сжимая крепче.

— Как вы? — к Алине.

— Нормально... — стеснительно.

— Доктор сказал принимать лекарство по времени и без пропусков. Запомните, — показывает глазами на лекарства, стоящие на тумбочке.

Алина смотрит ему прямо в глаза и послушно кивает головой.

— Эй, ты чего? — встряхиваю, когда он выходит.

— Ничего, — переводит расфокусированный взгляд на меня.

У неё сердце долбит с бешеной скоростью.

— Чем он тебя так напугал?

— Ничем...

Ага... Капитан тоже говорил, что она не скажет.

Целует меня, отвлекая.

— Я тебя хочу... — шепотом.

Ничего себе! Впервые сама призналась.

— Я тоже. Но... — кивок на дверь.

Там четыре ушастых Цербера сидят.

— На скрип койки вся больница сбежится.

— В душ, — хихикает, находя решение.

Когда ты знаешь, что завтра вам придётся расстаться, то секс превращается в какую-то скоростную гонку. Ты пытаешься выжать из себя и времени всё на максимум. Все физические возможности.

У меня весь запас презервативов из кармана улетает. Дальше по-настоящему. И у меня крышу совсем сносит.

Я без них никогда не пробовал. И ощущения просто невероятные, пробивающие током всё тело.

Круто!

С любимой девушкой ведь можно. С ней я готов за все последствия отвечать.

Вымотанная Алина цепляется за мои плечи, вдавленная в стену душевой. Шум воды заглушает её стоны. А ещё мои поцелуи.

Подхватываю на руки, приподнимаю и вхожу в неё. Закидывает голову, упираясь затылком в стену. В этой позе она ничего сделать не может, кроме как обхватить меня ногами, всё сам. Я приподнимаю и опускаю её. А потом финиш, раздирающий от оргазма мозг на осколки.

Белка так крепко меня держит, что я не успеваю покинуть её, и сперма заполняет внутри.

На секунду появляется мысль о беременности. И я принимаю её. Хочу от неё детей.

— Обещай, что вернёшься, — прижимаюсь губами к скуле, вдыхая её запах, стараясь его запомнить и хранить в памяти.

— Обещаю...

Мы принимаем душ, я отношу замученную мной девочку в кровать. Не выпускает, просит быть рядом.

Мы засыпаем в объятиях друг друга.

А потом нас будит капитан.

— В аэропорт пора.

Глаза Белки в мгновение наполняются слезами, и она хватается за меня мёртвой хваткой.

— Можно он проводит? — умоляюще.

— Можно. У вас пятнадцать минут на сборы.

Алина не может остановить поток слёз.

— Белочка, ну перестань... Четыре месяца всего подождать.

— Целых четыре, Глеб... Я умру там без тебя.

— Даже не вздумай! Слышишь?!- обнимаю. — Я тебя люблю.

— И я люблю.

Всю дорогу она украдкой смахивает слезинки. А у меня самого сердце разрывается. Я не хочу её никуда отпускать... В груди сейчас такой разрыв, что я задыхаюсь. Но вида не показываю.

В аэропорту встречает Аксёнов с билетами. Тоже приехал проводить. Но мне ему почему-то по роже съездить хочется. Не знаю, так и подмывает.

Объявляют посадку.

И я наблюдаю, как капитан берёт рыдающую Алину под руку.

— Успокойтесь.

— Я не хочу никуда лететь! Оставьте меня здесь, пожалуйста!

— Это небезопасно, — пытается её убедить.

Не выйдет у тебя ничего. Самому надо.

— Алина, — разворачиваю её к себе. — Всё будет хорошо. Я буду тебя ждать. Веришь? — кивает. — Замуж за меня выйдешь? — шокирую её.

— Чего? — зависает и перестаёт плакать.

— Когда вернёшься, выйдешь за меня? — снимаю с пальца своё кольцо.

Другого сейчас нет.

— Выйду...

Я надеваю его на её большой палец.

— Ну, вот и отлично, — обнимаю на прощание. — Люблю тебя.

— Моё настоящее имя Ольга Коваль. Запомни, — шепчет на ухо.

Чуть заметно киваю.

— Идёмте, — тянет Алину капитан за локоть.

— Да... — не отводит от меня глаз.

— Вы рюкзак забыли! — спохватывается Аксёнов, отдаёт москвичу вещи Белки.

Мы стоим и наблюдаем, как мою девочку уводят. Меня рвёт на части от желания догнать и не отпускать.

— Она не вернётся, да? — задаю вопрос Алексею.

Сейчас я это отчётливо представил.

— Нет.

Глава 36

Я не могу остановиться поток слёз, что льётся из меня. Дважды порываюсь сбежать к Глебу, но капитан ловит меня и упорно ведёт к самолёту.

— Не будьте глупой! С ним опасно оставаться.

— А с вами нет?!- смотрю на него сквозь влажную пелену.

— После суда вы вернётесь. Выйдете замуж, — кивает на кольцо на моём пальце.

Поднимаемся на борт.

Бизнес-класс.

Кроме нас двоих сзади ещё пара крупных мужчин в чёрных костюмах. Это сотрудники капитана.

— А государство не жалеет денег на перевозку «своих» людей, — включаю язву и сажусь на место.

— Здесь проще контролировать обстановку, — занимает кресло рядом со мной.

Отворачиваюсь к иллюминатору, наблюдая за происходящим на посадочной полосе.

— Меня Тарас зовут, — говорит отчётливо.

Поворачиваюсь к нему, он тянет руку для рукопожатия и чуть заметно улыбается. Сразу этого не поймёшь, но с одной стороны рта складка стала заметно глубже.

Осторожно подаю ему руку, он слегка сжимает кончики пальцев.

— Как мне вас называть? — не отпускает.

— Белка.

— Белка? — складочка становится ещё глубже. — Лучше я буду по имени, — убирает руку.

— А какое оно теперь у меня?

Тарас достаёт паспорт и отдаёт мне.

— Марина Климова?!- возмущённо. — Вы серьёзно?! Мурку переслушали?

— Там Маруся, — пропадает его улыбка.

— В прошлый раз хоть имя выбрать разрешили.

— Не было времени. Взяли первое, что было.

— Кринж...

— Я понимаю, что вся эта история вам неприятна, но другого выхода нет. Обещаю, надоедать вам своим вниманием не буду.

— И за это спасибо, — бухчу.

Достаю из рюкзака наушники, подаренные Глебом.

— Можно мне мой телефон? — протягиваю к нему руку.

Мне его так и не вернули.

— У меня его нет, — смотрит в сторону идущей к нам стюардессы.

Мужики, — закатываю глаза.

Вечно на стройные ноги пялятся.

— Где он?

— В багаже.

— Весь ваш багаж в сумке, которая наверху, — показываю глазами. — Достаньте. Я хочу послушать музыку.

Бросает на меня взгляд, от которого сжаться в комок хочется. Но встаёт и достаёт мой телефон.

Сим-карту вынули. Теперь это просто кирпич с плеером и фотографиями.

— Благодарствую, — под нос.

Усмешка.

Врубаю музыку и открываю галерею.

«Твои грустные глаза, но я исправлю это... Зеркала души зеленого цвета, в них тону... Я даже не сопротивляюсь... Ты помни эти мгновенья, тебе их я дарю!»- звучит в наушниках.

Как-то Глеб напевал мне на ушко эту песню.

(саунд: Миша Марвин — История)

Листаю наши фото. Счастливые, смеющиеся. Залипаю на одном из его последних.

Красивый... Задумчиво смотрит в сторону... Я подловила этот кадр.

Ставлю на обои.

Слёзы снова начинают капать.

Одна слезинка падает на экран. И я наблюдаю, как она растекается пятном по любимым чертам.

Нет, нет, нет! — тщательно тру её рукавом.

Это отчаяние... Оно бесит.

Тарас наблюдает за мной.

— Что? — злюсь.

— Вы слишком себя накручиваете.

— А вы когда-нибудь расставались с любимой девушкой?

— Нет. Я не привязываюсь.

— Тогда желаю вам влюбиться по уши и чтоб вас тоже разлучили! — срываюсь.

Какой-то частью своей дурной головы я понимаю, что он не виноват ни в чём, просто выполняет приказ свыше. Но сейчас мне трудно адекватно воспринимать реальность. В реале они все враги, забравшие меня от любимого. И ненавидеть их не за что, но я ненавижу.

Закрываю глаза и под звуки музыки ухожу в себя, свои воспоминания. В счастливое время.

Меня отключает.

Будит Тарас.

Надо поесть?

— Сколько времени? — нервно пытаюсь посмотреть на телефоне время. — Чёрт!

Я пропустила время приёма лекарств. Во мне это вызывает нездоровую панику. Ощущение, что рухнет весь мир, если я не выпью таблетки.

Я трясую рюкзак в поисках флакончиков с таблетками.

— С вами всё хорошо? — непонимающе смотрит на меня капитан.

Как ненормальная пытаюсь запихнуть в себя таблетки. Запиваю. И сразу отпускает.

— Да, — расслабляюсь в кресле.

— Что это было?

— Лекарства надо принимать по времени. А я забыла.

Он вскидывает удивлённо брови.

— Зачем паниковать-то? Просто выпили и всё.

— Вам придратья не к чему?!- раздражаюсь.

Молча поднимает руки и больше не задаёт вопросов.

— Извините...

— Ничего. Чай будете? — протягивает стаканчик.

— Спасибо! — забираю и делаю большой глоток.

Невкусный. Отставляю в сторону.

— Мы сначала в Москву, а потом? — не отрывая головы от спинки кресла, поворачиваю к нему.

— В безопасное и уединённое место, — смотрит в планшет, который выдали каждому.

Мультик смотрит. Старый, советский.

Серьёзно?

Ты и мультфильмы — две несовместимые вещи на мой взгляд.

— Мы будем только вдвоём? — это меня немного пугает.

— Нет. Будут ещё несколько человек охраны периметра, но в доме, да, вдвоём, — смотрит на меня. — Это проблема?

Кажется, я его отвлекаю, и он недоволен.

Ты просто мультик смотришь! В миллионный раз, наверное. Чего раздражаться-то?!

А сама?

— Нет. Не проблема...

— Вот и отлично!

— Только я хочу сразу обозначить рамки наших отношений...

— Каких ещё отношений? — взвинчивается. — Я охрана, вы объект охраны. Никаких отношений!

— Ну, нам же придётся общаться.

— Не хотите, не общайтесь. Я не обижусь. Так даже проще. Просто чётко выполняйте мои инструкции и не создавайте сложности. Всё! Это понятно?

— Понятно!

— Вот и отлично!

Больше мы не разговаривали до прилёта в Москву.

В аэропорту нас встретили люди на большом чёрном тонированном микроавтобусе. Отвезли на небольшой аэродром, где посадили в вертолёт.

Летели мы несколько часов.

Я вымоталась и очень хочу спать.

Усталость тягуче распространяется по всему телу.

У меня снова случилась паника из-за таблеток. Капитан недобро и пытливо всматривался в меня, пока я их не выпила.

Прилетели на место уже поздно вечером. Темно. И куда меня везут, я не видела.

Микроавтобус въезжает в ворота дома за высоким каменным забором.

— Мы на месте. Можно выходить, — произносит Тарас.

Помогает мне, ноги подкашиваются от усталости.

Весь дом не разглядеть, подсветка не яркая. Но красивый, двухэтажный и большой.

— Чей это дом?

— Ничей. Это государственная дача, — достаёт из машины наши вещи.

— Здесь снега ещё нет, — осматриваюсь. — И теплее, чем в Благовещенске.

— Да. Но это ненадолго. Просто небольшое потепление. Идёмте в дом.

Внутри тоже тепло. И уютно. Дому явно не один десяток лет, но обстановка не старая. Органичная. Натуральное дерево, ткани, много вещей с историей, которые можно

бесконечно разглядывать.

Интересно, кто это всё собирал?

— Я приготовлю быстро что-нибудь на ужин, — нарушает молчание Тарас, стоя сзади.

— Не утруждайтесь. Я есть не хочу. Устала очень и хочу спать. Где моя спальня?

— Наверху. Советую брать одну из тех, что слева. Там больше света днём.

— Спасибо! Спокойной ночи...

— И вам.

Комнат четыре. Все большие.

Выбираю, как и советовал капитан, одну с южной стороны.

Медленно сажусь на кровать без сил. Их нет, даже чтобы раздеться. Поэтому снимаю только обувь и куртку. Ложусь, обнимаю подушку и закрываю глаза.

Память рисует прошедшую ночь. И как мне было хорошо.

Больше так не будет...

Глава 37

Собираю себя, чтобы встать. Вроде спала всю ночь, но отдохнувшей себя совершенно не чувствую. Голова разламывается.

Принимаю лекарства, выхожу из спальни.

Где-то должны быть ванная и туалет. Пускаюсь на поиски, нахожу на первом этаже. Параллельно узнаю, что в этом доме есть огромный кабинет с библиотекой.

Из кухни пахнет чем-то вкусным.

Тарас у плиты. Сегодня без костюма и галстука, рукава рубашки закатаны до локтей, открывая сильные руки. Он ловко манипулирует посудой.

— Доброе утро... — сажусь за стол.

— Доброе, — оборачивается. — Завтрак? — приподнимает сковороду.

Отрицательно качаю головой.

— Чай можно?

— Можно, — наливает. — Неважно выглядите.

— И чувствую себя также. Всё болит, — грею руки о горячую кружку.

Становится тепло внутри и немного легче. Но как-то пусто, словно там ничего нет. Все органы глухо звенят.

— Это пройдёт. Просто надо немного отвлечься.

— На что, если не секрет? Я же под замком.

— Не совсем. На улицу вы выходить можете, но в пределах территории дачи. Свежий воздух вам сейчас не помешает. Сегодня, кстати, с утра довольно тепло. После завтрака можете сходить погулять. За домом есть большой сад, беседка, качели.

— Качели...

— Да, вам придётся на время общаться только со мной, без социума. Но иногда уединение полезно. Очиститесь мысленно. Здесь хорошая библиотека.

— Я заметила. Интернета нет?

— Нет. Но телевизор в гостиной есть.

— Хоть что-то...

— Ольга, — называет настоящим именем. — Давайте жить дружно, — чуть заметно улыбается.

— Давайте... — сдаюсь. — Что вы там приготовили? — заглядываю в сковородку.

— Яичница с беконом.

— Можно мне немного? — чувствую голод.

— Нужно. Вкусная еда повышает гормон радости, — накладывает в тарелку, сверху листочки базилика и вручает мне вилку.

Выглядит аппетитно. И вкусно.

— Везёт мне на мужчин, умеющих готовить. Я не большой спец в кулинарии.

— У нас есть целых четыре месяца это исправить.

— Вы хотите научить меня готовить? — скептически.

— Ну-у... Кулинарных шедевров из мишленовских ресторанов не обещаю, но добротный борщ научить готовить могу. А ещё как приготовить хороший шашлык.

— Классно... Я согласна. Какая-то будет польза от моего заточения. Когда мы вчера

приехали, я слышала шум волн. Рядом море?

— Нет. Финский залив.

— То есть где-то рядом Питер?

— До него далеко, несколько часов езды. Если захотите сбежать, то не получится.

— Я и не собиралась...

— Замечательно.

— Я пойду на улицу. Вы правы, свежий воздух не помешает.

Провожает взглядом.

Не смотря на то, что он не улыбочивый и местами суровый, человек он добрый.

Неприязни, по крайней мере, не вызывает.

Одеваюсь и выхожу в сад, обогнув дом вокруг.

Листьев на деревьях почти нет, но вечнозелёные туи красивыми яркими свечками прорезают серость.

Ажурная металлическая беседка под фигурной крышей обвита диким виноградом. Срываю сухую ягоду и нюхаю. Кисловатый запах, смешанный с сыростью и преющими листьями.

Качели под навесом. Сажусь, раскачиваюсь, оттолкнувшись ногами. Голова начинает кружиться, и я торможу.

Замечаю охранника, прошедшего мимо метрах в пятидесяти. Не подходит, но что-то передаёт по рации.

Осматриваюсь по сторонам. За стеной из туй забор. И я, прошмыгнув туда, пускаюсь на поиски какого-нибудь прохода за территорию. Хочу на залив. Я слышу, как плещется вода где-то рядом и кричат чайки.

Брожу вдоль ограждения, состоящего из металлических прутьев, но ничего и близко похожего на лаз нет. В одном месте расстояния между железками больше, чем в других местах и вполне можно пролезть. Собираюсь уже попробовать, как окрик сзади.

— Стой! Не прикасайся!

Замираю с вытянутой рукой и смотрю на Тараса, вышедшего из-за деревьев.

Он на ходу срывает длинную травинку, подносит к забору. Та вспыхивает и стораёт в его руке.

— Забор под током. Прикоснёшься, тебя убьёт, — поясняет.

— А раньше предупредить нельзя было?!

— Я просил не покидать территорию! — резко и на повышенных.

— И не собиралась! — кричу в ответ.

— Да что ты?! Я же сказал, бежать отсюда бесполезно. Вокруг на много километров никого.

— Я хотела сходить на залив...

— Захотела — скажи мне. Я устрою.

— Одна хотела... Подумать. Ты же сказал тут ни живой души, кто меня здесь тронет?

— Я не это имел в виду, а что никаких поселений нет. Залётные появляются. Фотографы, отдыхающие, любители побыть в одиночестве, — язвительно.

— Понятно! — разворот и отправляюсь к дому.

Закрываюсь в комнате и снова реву в подушку. А потом засыпаю бессильно.

Просыпаюсь от звука будильника на телефоне. Я его поставила, чтобы не забывать принимать лекарства.

За окном уже стемнело.

Спускаюсь вниз.

Капитан сидит на диване напротив телевизора, смотрит новости.

Стараюсь незаметно прокрасться на кухню. Пить хочу, таблетка поперёк горла встала, а вода в спальне закончилась.

— Ужин на плите, — не поворачиваясь ко мне, произносит Тарас.

Блин!

У него глаза на затылке?

Я же бесшумно шла.

— Я не хочу есть, — останавливаюсь и делаю пару шагов в его сторону.

Он поворачивается и складывает руки на спинку дивана.

— А надо. Если вы беременны, то ваша голодовка плохо отразится на формировании и развитии плода.

Чего? — тарашу на него глаза.

Подхожу почти вплотную.

— Что вы себе тут напридумывали?

Он садится как прежде, уставившись в телевизор.

— В больнице вы занимались любовью с Глебом восемь раз. А презервативов в его упаковке было всего четыре. Шансы забеременеть... невелики, но есть.

Возмущение начинает kloкотать внутри, и я подхожу к нему, чтобы всё высказать.

Но он продолжает:

— У вас и так недовес. А учитывая вашу начинающуюся депрессию и будущий токсикоз, вы потеряете ещё несколько килограмм. Это плохо для ребёнка. В первый триместр питание должно быть полноценным и насыщенным всем необходимым.

— С чего вы вообще решили, что я беременна? — вскрикиваю.

— Я предполагаю, — поправляет меня.

— Может быть, у меня безопасные дни?!

— Дай Бог... — берёт из тарелки на столике горсть орехов. — Через пару недель сделаем тест. Угощайтесь, — протягивает мне ладонь с орешками.

— Вы гинеколог? — в чём я сомневаюсь.

— Нет. Но долго жил с одной из этой профессии.

— Тогда идите вы со своими советами, — хватаю с его руки орехи и швыряю в него.

Закрывается рукой.

Подскакивает, хватая меня за запястье и притягивает к себе.

— Я, конечно, терпеливый, но не до такой степени, — с рыком. — И по заднице отвесить могу, не посмотрю, что вы взрослая. Ведёте себя как глупая девочка, обиженная на всех и вся. Я забочусь в первую очередь о вашем здоровье. А если беременны, то и будущем ребёнке. Я вашему парню пообещал, что с вами будет всё хорошо.

— Глебу?

— Да. И он доверил мне вас. Так что давайте оправдаем его доверие.

А если он прав?

А если, правда внутри меня зарождающаяся жизнь и я сейчас могу её загубить?

Я не могу сделать этого.

Смотрю в глаза Тарасу и чувствую, как по щеке стекает слезинка.

— Отрицательные эмоции тоже недопустимы. Стрессуете вы, сказывается на нём, —

показывает глазами на мой живот.

— А если его нет? — тихо.

— Возможно, и нет. Но лучше побережь сразу, — отпускает мою руку. — И не плачьте, пожалуйста...

— Я постараюсь...

— Ужин.

Я киваю и плетусь на кухню, а Тарас садится обратно на диван.

Вот и поговорили...

Глава 38

Тарас

Уже одиннадцать часов, а она всё спит. И меня очень волнует состояние Ольги, точнее оно мне совсем не нравится. Если в первые дни она ещё как-то соглашалась поесть, то теперь просто не выходит из комнаты, игнорируя все мои слова. Я угрожать пробовал, но не работает.

Худеет, бледнеет, под глазами синяки. Но на токсикоз не похоже.

Стучусь в дверь её комнаты. Тихо. Приоткрываю.

Спит. Короткие волосы разметались по подушке, испарина на лице.

Захожу и трогаю лоб.

Горячая.

Блядь! Только этого не хватало.

Пытаюсь разбудить, ноль реакции.

— Что ж с тобой такое, девочка? — достаю из кармана телефон.

Звонить по этому номеру всегда неприятно, но лучше Клары Варламовой никого не знаю в общей медицине. А стрёмно, потому что бывшая, и разошлись мы со скандалом. Она после этого в Питер перебралась, а я в Москве остался.

Набираю.

— Да ладно! — отвечает без приветствий. — Тасс, ты ли это?

— Давай без язвительности. Привет! Мне помощь твоя нужна.

— Никто не даёт?

Сучка была, сучкой и осталась.

— Как врача.

— Хмм...

— У меня девочка под охраной две недели под Питером, с каждым днём чувствовала себя хуже и хуже, а сейчас я её разбудить не могу.

— Зрочки? — включает профессионала.

Поднимаю одно веко Ольги.

— Сокращаются. У неё температура, она вся мокрая от пота.

— Тогда не тяни, грузи в машину и вези ко мне в центр.

— Я не могу, она под программой.

— Полкан тебя и в хвост, и в гриву поимеет, если она отъедет в мир иной. Вези! Тем более на месте я ничего сделать не смогу. Ни аппаратуры, ни лаборатории. Не тяни!

— Понял, — отключаюсь. — Машину к выходу быстро! — передаю охране по рации.

Заворачиваю Ольгу в одеяло, она даже не шевелится. Выношу на порог. Ребята оперативно подгоняют микроавтобус. Ехать около двух часов.

— Топи, — командую водиле.

— А если менты? — тупит.

— Ты, блядь, прикалываешься?! Топи, я сказал.

Мы доезжаем чуть больше чем за час. У Клары уже всё наготове. Ольга быстро попадает под внимание специалистов, по дороге ни разу глаза не открыла. А я остаюсь ждать хоть каких-то известий. Звонить наверх пока не рискую, вдруг не всё так страшно, как я себе

представляю.

Кабинет Клары на четвёртом этаже и я вваливаюсь туда, чтобы не маячить в коридоре больницы, привлекая внимание. И так мои парни дежурят на входах при полном боекомплекте.

Здесь привычные к таким вещам, клиника ведомственная. Рядом наш НИИ, занимающийся различными секретными разработками.

Уже начинаю дремать, когда Варламова входит в кабинет.

Сжимаю и разжимаю глаза, чтобы прогнать сон.

— Как она?

— Плохо. Протянул бы ещё пару часов и всё. Мы подключили её к аппарату жизнеобеспечения.

— И что с ней? — волнуюсь.

— Пока не пришли анализы, я не знаю. Ждём с минуты на минуту. У неё все органы поражены.

— Как это? Две недели назад она была совершенно здорова. Я видел её медкарту. В космос можно было отправлять.

— Не знаю. Но догадываюсь. Как ты думаешь, из-за чего за две недели человек может из здорового превратиться в полную рухлядь?

С трудом втыкаю, но доходит.

— Яд.

— Бинго! — щелкает пальцами. — Причём медленный. Кто-то травил её на протяжении этих двух недель. Кто не подскажешь? — хитро приподнимает краешек губ.

— Ты на меня намекаешь? — повышаю голос. — Я похож на дебила? На меня первого подумают.

— Тогда кто-то из твоих ребят.

— Исключено. Они не контактировали с ней никаким образом.

— В дом кто-нибудь заходил?

— Нет.

— Тайком?

— Нет. Все они давно со мной работают, им я верю, как себе.

— И на старуху бывает проруха, Тасс. Еда?

— Готовил я, ели с одной кастрюли. Как видишь в норме.

— Что она могла принимать единолично?

— Лекарства! — одновременно с Klarой после паузы.

— Она таблетки принимает после нападения. От головокружения, — встаю с диванчика и вынимаю из кармана пачку сигарет.

Подкуриваю.

Kлара двигает на столе в мою сторону пепельницу.

Тоже дымит в перерывах между лечением. И мне это не нравилось. Одно дело сам, другое — девушка курящая. Будущая мать. Часто из-за этого цапались. Но ей было похуй на мои аргументы.

Стук. Входит молодой интерн, косится на меня с неприязнью.

Ох, Кларка! Горбатую могила исправит. Любит молодую кровь. Она старше меня на шесть лет.

Отдаёт бумаги.

— Стой! — приказывает ему Варламова, просматривая анализы.

Интерн встаёт в позу, сцепляя руки на паху.

— Ммм...

— Что там? — выдираю у неё то, что она уже прочтала.

Показатели все до нельзя херовые. Даже до нижней планки допустимости не дотягивают.

— Токсикология? — выдёргиваю очередной листок.

Ничего.

— Это как? — смотрю на парня.

— Явных токсинов в крови не присутствует. Отдали на более глубокий анализ по спецвеществам. Но на это время нужно.

— Боюсь и там мы не найдём ничего, — Клара задумчиво вытягивает из моих пальцев сигарету и делает затяжку. — Костный мозг брать надо.

— Это ещё нахера?

Им бы только что-нибудь брать.

— В мозгах дольше всего задерживаются отравляющие вещества. Костный взять проще всего.

— А не проще найти сам яд и идентифицировать? Сколько займёт вся процедура с анализом?

— Часов двенадцать, — пожимает плечами Варламова.

— А препарат?

— Часов шесть-семь.

— Плюс дорога туда и обратно, это около десяти. Выигрываем два часа, — подхватываю свою куртку со спинки дивана.

— Я с тобой! — Клара снимает с вешалки в углу длинное красное пальто.

— Нет! — категорично.

— Я с тобой, — стиснув зубы.

— А за Ольгой кто присмотрит?

— Ефимыч на смене. И Владик умница, далеко пойдёт, — улыбается парню.

— Ладно, — соглашаюсь не на самую приятную компанию. — Анализ на беременность ещё сделайте, — запикиваю бумажки интерну в руки и выхожу, оставив шокированную Варламову.

— А я смотрю, ты времени зря не теряешь, — догоняет, постукивая каблуками по мраморному полу.

— Это не мой ребёнок.

— А чей тогда?

— Не мой. Больше тебе знать не нужно. Может, его и нет, я просто предположил.

— Ты понимаешь, что если она беременна, оставлять ребёнка нельзя? Патологии будут, — быстро перебирает ногами, подстраиваясь под мой широкий шаг.

— Понимаю. Сделаешь аборт.

— Ты с ума сошёл?!

— Срок всего две недели. Подходит для медикаментозного. Сделаешь укол и всё, она даже не узнает.

— Это точно не твой ребёнок? Жалеть не будешь?

— Нет! — открываю дверь и пропускаю её вперёд. — Ключи? — протягиваю руку к

своему человеку, стоящему у входа.

Отдаёт.

— Я всё же проконсультируюсь у гинеколога, — еле поспевает за мной по пятам.

— Проконсультируйся. Только не у матери.

Корчит недовольную гримасу.

Сразу топлю на газ, медлить некогда, а ехать далеко.

— Как ты... — пытается завести со мной разговор.

Показываю пальцами и щелчком, чтобы заткнулась. Я не настроен на трёп. В голове куча мыслей о том, кто мог отравить Ольгу.

И в одну из версий я верить не хочу. Но она основная.

Морозов.

У него были возможности.

— Тащусь, как ты это делаешь, — раздаётся голос Клары.

Открыла окно, курит и смотрит плотоядно.

— Что? — не понял.

Кивает на руль.

— Как ты одной ладонью управляешь машиной. Больше таких мужиков не встречала. Все вцепятся и матерят мимо проезжающих. А ты молчишь. Вообще от твоей молчаливости всегда балдела, — затягивается с кайфом. — Пока не включал папочку.

Отбираю у неё сигарету, выбрасываю в окно и закрываю.

— Не беси! — начинает меня раздражать.

— Ты же сам куришь.

— Не сравнивай, — притапливаю гашетку, выезжая на трассу.

Через час мы на месте.

Прямоком в комнату Ольги. На тумбочке рядом с кроватью три пузырька.

Клара аккуратно платочком берёт по очереди каждый.

— Ничего особенного. Один препарат сосудистый, второй обезболивающий. А вот это интересно, — открывает третий и нюхает.

— И что в нём интересного? — отказываюсь проделывать то же самое.

Если там яд, то вдыхать его не хочется.

— Витамины. Made in USA, — читает на упаковке. — В больнице такие не дают Дороговато для бюджета. У нас витаминки попроще. Их кто-то купил в аптеке.

— Значит, можно отследить покупателя по номеру и партии.

— Если платили картой или делали заказ через онлайн аптеку. Наличку не проследить.

— Да... И вряд ли тот, кто хотел убить покупал их сам.

— Точно, — щёлкает пальцами. — Я бы кого-нибудь с улицы попросила. Пакет, — просит рукой.

Пакуем каждый флакон в зип-пакеты. В лаборатории проверят содержимое.

Пора возвращаться.

Фотографирую упаковки лекарств.

Выехав с дачи, набираю старого приятеля, руководит отделом кибербезопасности.

— Леброн, привет! Занят?

— А это как-то повлияет? Ты же мне не просто так звонишь.

— Нет. Нужна твоя светлая голова.

— Именно моя? Зелень не подойдёт? — имеет в виду своих подопечных.

— Не важно, мне нужен результат. Я тебе скину фото препаратов. Нужно отследить номер партии, от прибытия до реализации. Кто купил, когда и во сколько. Данные покупателей, если есть. Ещё нужно войти в базу больницы и посмотреть карту пациентки, что именно ей назначил врач. Данные тоже скину.

— Без проблем. Я думал, посерьёзнее задание будет. Напрягу своих, они быстро всё сделают.

— Хорошо. Скинешь мне всё.

— Без проблем!

Закончив разговор, замечаю, что Варламова читает что-то в телефоне.

— Новые анализы?

— Угу...

— И что там?

— Херово там всё... Антидот нужен.

Твою мать!

Сначала нужно яд определить, а потом лекарство уже искать.

— И она не беременна... Если тебя это волнует, — поворачивается ко мне, злобно сверкнув глазами.

И хорошо...

Глава 39

Варламова топчет лицом подушку, пришла час назад и упала без чувств спать. Перед этим кинула мне бумажки с результатами новых анализов, сказав, что нихера не понимает.

И я не понимаю. Вещество, которым отравили Ольгу нигде не проходит по базам. Оно как бы есть, и его как бы нет. Нужен хороший токсиколог из центра. А это значит, надо докладывать начальству.

Тяжело вздохнув, набираю полкана.

Стараюсь говорить ровно, без эмоций, и чётко. А он в матах не скупится. Ясно даёт понять какой я распиздяй и что со мной нужно сделать. Но ему можно.

— Отправляй человека, пусть везёт материалы в нашу лабораторию, — грубо приказывает.

— У нас нет времени катать их туда-сюда. Пришлите токсиколога.

— Ты, блядь, плохо слышишь?

— Я сам привезу.

— А за девчонкой кто смотреть будет? Если она умрёт, я тебя в асфальт закатаю. Мы бумажками на суде ничего не докажем. Нам живой свидетель нужен. Тот, кто этих урок в глаза видел! Адвокаты и так дело затягивают и разваливают.

— Я не врач, вряд ли я смогу ей чем-то помочь. А вот вы можете. Привезите этого чёртового профессора Полянского! — повышаю тон.

— Не ори на меня! У тебя четыре часа! — бросает трубку.

Твою мать! — передёргивает.

Стребаю все бумажки со стола, пузырёк с отравленными таблетками запихиваю в карман.

Черкаю записку, что я уехал в Москву и оставляю на столе.

Даю распоряжение парням из охраны, сам прыгаю в микроавтобус и топлю в сторону столицы.

— Ты опоздал, — смотрит на часы полковник, когда захожу в кабинет.

— Я летел, как мог.

За длинным столом сидит ещё один человек. Небольшой пожилой мужчина умного вида в очёчках.

— Профессор Вениамин Маркович Полянский, — представляет его начальник. — Капитан Тарас Шип.

Профессор немного удивлённо приподнимает брови, смотря на нас по очереди.

Сажусь напротив,двигаю по столу в его сторону документы.

— Что это? — показываю глазами.

Он заинтересованно листает.

— Так-так-так... Этого не может быть... — снимает очки и сжимает переносицу пальцами.

— Профессор, давайте без этих ваших... Что за хрень, которой отравили девушку? — повышает голос полкан.

Терпимостью он никогда не отличался. Поэтому и работа кабинетная.

Полянский складывает руки на бумаги и смотрит на нас.

— Я не думал, что это возможно, но... Помните, полгода назад из лаборатории пропала ампула с экспериментальным препаратом СХF67?

— Которую ваша лаборантка спёрла, а потом божилась, что ничего не брала? И присела за это?

— Ну, да... — поправляет очки.

— Помню, — откидывается в кресле полковник. — Это он?

— Да... И эта девушка единственный человек, на котором его испытали, — восторженно.

— Вы прикалываетесь?!- начинаю звереть. — Она там умирает! Собирайтесь, берите эти ваши антидоты и прочую херню, которая её спасет, и едемте в клинику.

— Тарас, успокойся, — осаживает меня полкан. — Как этот препарат мог попасть к ней? — спрашивает у профессора.

— Через таблетки, — кидаю на стол пузырёк с витаминами. — В назначении врача их нет. Не выписывают они дорогие лекарства. Кто дал их Ольге неизвестно, пока она без сознания.

Полянский крутит его в руках.

— Хитро придумано. Чтобы убить, нужна небольшая доза, хватит пару капель, но помещенный во флакон и равномерно распределённый по таблеткам яд действует значительно медленнее из-за мизерных концентраций. Кто-то хотел, чтобы она умерла не сразу, а мучилась перед смертью.

— Не трудно догадаться кто, — смотрю на полковника.

По глазам вижу, он со мной согласен.

— Вопрос в том, кто это сделал?

— Мысли есть? — две пары глаз устремлены на меня.

— Была одна... Но вы её в корне порушили. Этот человек не смог бы достать экспериментальный препарат из секретной лаборатории.

— И всё же?

— Глеб Морозов.

— Это парень, с которым Коваль закрутила роман в ссылке? — вспоминает полковник.

— Да. Но он бы этого не сделал. Я видел его глаза... Не способен он на такое.

— Люди часто способны на то, чего мы от них не ожидаем, — задумчиво произносит Полянский. — Но я всё же согласен с вами. Парень из глубинки... Нет, он бы не смог достать препарат. Тут кто-то из наших. Или из ваших, — смотрит на полковника.

— Я просмотрел списки всех, кто покупал такие витамины в аптеках города. Список не очень большой из-за ценника. Напряг людей искать хоть какие-нибудь пересечения со знакомыми Ольги в том городе. Но пока результатов нет. Большая часть была продана за наличные.

— Ох, уж эта периферия и её любовь к живым деньгам, — ворчит начальник. — Вениамин Маркович, вы поедете с Тарасом в Питер.

— Хорошо, — бесшумно собирает вещи и исчезает.

— Спасибо, что не подумал на меня, — благодарю, когда остаёмся с полканом наедине.

— Я ещё из ума не выжил, — фыркает громко. — Колись, я же понял, что у тебя есть ещё какие-то мысли, сынок.

— Есть. Но ты должен позвонить в Благовещенск и сказать, что Ольга умерла.

— Зачем?

— Нужно будет отследить все счета служащих местного отдела и их родных. Если тот, кто отравил Коваль, сообщит заказчику о положительном результате, то в скором времени на счёт капнет приличная сумма. Так вычислим исполнителя.

— А если не капнет? Если наличка? Они её там любят, как видишь.

— Не думаю. Везти так далеко огромные деньги никто не рискнёт. Гораздо проще перевести на кого-то, — высказываю свои предположения. — А банки отследят крупную транзакцию.

— Логично. Денису доверишь?

— Естественно. У него чутьё на бабки.

— Не подведите, сынки. А то все вылетим с треском.

— Прорвёмся! Разрешите идти?

— Иди. И чтоб всё мне там было... — теряет слова.

— Так точно, товарищ полковник.

Пока профессор готовится к поездке, захожу к Дэну, он сейчас вместо меня на месте, и даю задание.

— Будут сложности, подтяни Леброна. Он со своими желтоклювыми в курсе.

— Желтоклювые, — скептически хмыкает. — Они всё как орехи ломают.

— Юные гении... Мне пора.

Полянский всю дорогу дремлет. Возраст. Да и понимает, что по приезду придётся пахать усиленно.

А мне тишина только в удовольствие. Есть время подумать.

Прокручиваю в памяти по минутам день, проведённый в Благовещенске, пытаюсь ухватиться за малейшую деталь, которая подтолкнёт к разгадке.

Блядь, не помню!

Удар по рулю.

Хоть убей, не помню, сколько пузырьков с лекарствами стояло у неё на тумбочке. На даче — да, а в больнице...

У Морозова при себе витаминов не было, но мог прихватить дома.

Да нет...

Не он это. Нахера ему её травить?

Дурак влюблённый, а не душегуб... Он скорее сам за неё башку оторвёт.

Давай вспоминай, Шип!

Почему Ольга так странно вела себя перед приёмом лекарств? В панику впадала.

Клара говорит, там не настолько жизненно необходимые препараты. Тем более витамины. А у неё истерия.

А если?..

Твою ж! Как я сразу не догадался. И рюкзак с таблетками он в руках держал.

— Дэн, — набираю братишку. — Уделите особое внимание окружению Алексея Аксёнова. Проверьте всех: дедушек, бабушек, сестёр семияродных, внучатых племянников. Всех!

— Думаешь, он?

— У него есть причина согласиться — сын. Было бы неплохо за ним проследить, но мы здесь, а он там.

— Отправить кого-нибудь?

— Пока не надо. Дождёмся, когда Коваль придёт в себя. Хочу быть максимально

уверен, что это он.

— Хорошо...

* * *

Просыпаюсь от звука хлопнувшей двери.

— Тасс, возьми ключи от моей квартиры и нормально выпишись там, — бухтит Варламова, наливая себе в кружку кофе. — Скоро на человека будешь не похож. Не высыпaeшьcя, похудел, осунулcя. А это проблемы с нервами, стресс и как следствие — импотенция.

— Моя потенция тебя должна волновать в последнюю очередь, — провожу руками по лицу, разгоняя сон.

— Я о твоём здоровье пекусь. А то проснётся твоя спящая красавица, а ты на чёрта похож. Испугается, разлюбит.

Проснётся... Неделю уже спит. Профессор колдует, но улучшения пока малозаметны.

— Я тебе уже сто раз говорил, что у меня с ней ничего нет, — встаю и наливаю кофе себе.

— Пока... Будет же. Шип, перед тобой ни одна баба устоять не может. Вроде в уши не журчишь, угрюмый всегда, а бабы млеют. По себе знаю. Вот что в тебе такого?

— Без понятия.

В кабинет вламывается запыхавшийся Полянский.

— Пришла! — падает на стул, отбирает у меня кружку и делает большой глоток, морщится и отдаёт обратно. — Гадость.

— Кто пришёл?

— Коваль в себя пришла! Надо срочно назначить дополнительные тесты, — разворачивается к Кларе. — Проверить динамику, степень поражения и восстановления тканей.

Похрен что он там уже нёс, я быстрым шагом направляюсь к реанимации.

Ольга расфокусированным взглядом смотрит по сторонам.

— Привет! — беру в руку холодные хрупкие пальчики. — Ты меня слышишь?

Слегка кивает.

— А говорить можешь?

— Чуть-чуть... — очень тихо.

— Ольга, я попрошу невозможное, наверное, но постарайся вспомнить, как к тебе попал пузырёк с витаминами?

— Вы что творите, капитан?!- заходит профессор. — Пациентка только в сознание пришла, а вы допрос устраиваете.

— Помолчите, Вениамин Маркович! — затыкаю его. — Оля, миленькая, постарайся вспомнить, — поглаживаю её ладонь.

Приподнимает слегка бровки, смотря на наши руки.

— Тебе их в больнице кто-то дал?

На секунду прикрывает глаза, вспоминая.

— Я не помню... — хриплым шёпотом. — Мне кажется, я их впервые увидела в самолёте. Не знаю... Я не помню... Простите...

— Всё нормально. И последний вопрос. Кто тебе сказал, что нужно принимать лекарства по времени?

— Врач... Кажется... Хотя... Нет... Аксёнов...

Глава 40

— Глебас, ну какого хрена ты пятый раз это место красишь?! Краска потекла уже! — срывается на меня Миха. — Уйди, бля! — забирает краскопульт и исправляет мой косяк.

А я не заметил.

Дохера чего последний месяц не замечаю. Просто не особо хочется. У меня такая рана в груди с пустотой, что в неё затягивает всё, как в чёрную дыру, неважное для меня.

Важна только Белка...

И за неё болит. От неизвестности и каких-то необъяснимых предчувствий.

Кто-то приносит и впихивает мне в руки кружку с горячим чаем. Кофе я больше не пью. Она не любит... Ругалась всегда, если я позволял больше двух чашек в день.

Чай обжигает язык, а я словно не чувствую. Болевые рецепторы настолько все в возбуждённом состоянии, что порой не ощущаю даже порезы. Нервы все натянуты и вибрируют. Оголены до предела.

Слепо смотрю в одну точку. В голове звенит от отсутствия мыслей. Они уже все думаны-передуманы, что я их просто выкинул. А головная боль почти не проходит.

— Хорош грузится, братан, — садится рядом Миха и пихает плечом.

Чай выплескивается на бетонный пол мастерской и расплзается бесформенным серым пятном.

— Что ты какого-то мудака в погонах слушаешь. Вернётся твоя Белка, куда она денется?!

— А если нет? Если он прав? — смотрю на него без эмоций.

— Тогда дура! Где она такого ещё найдёт?! Не пьёшь, по бабам не шляешься, зарабатываешь. Курить даже бросил. Мечта, а не мужик.

Курить, да, бросил. В первый день после её отъезда на нервах накурился до позеленения, рвало сутки. Больше не тянет.

А по поводу дуры... Может и не дура вовсе. Сейчас с ней рядом мужской экземпляр поинтереснее меня. Прикипят душами за месяцы вместе и всё... А я останусь интересным опытом из прошлого...

— Я домой поеду, — отставляю недопитый чай. — Посплю. Только сначала в магазин заеду, корм Дикому куплю, а то утром последний ему высыпал.

— Вот и поспи. Так меньше хуйни всякой в голову лезет.

Лезет, ещё как лезет. Во снах. Они настолько яркие, что пугают. Я в них пытаюсь выдернуть Белку из огня. Кругом грохот и взрывы, а мы бежим, не разбирая дороги.

В магазине, где обычно покупаю собаке корм нужного нет, а другой он ест с неохотой. Приходится ехать в супермаркет.

Проходя через ряды, замечаю Аксёнова с тележкой. Продуктами затариться приехал.

Решаю подождать его на выходе и спросить про Алину. Возможно, он что-то знает.

— Алексей! — окликаваю его, когда выходит.

С ним невысокая девушка в сером пуховике. Глаза у неё уставшие и воспалённые.

— Иди в машину, я сейчас, — заботливо подталкивает её к стоянке. — Здравствуйте! — подходит ближе.

Качаю головой в ответ. Здраваться у меня последнее время желание тоже пропало.

— Я хотел узнать что-нибудь про Алину. Вы же наверняка знаете?

— Алину? — задумчиво равнодушно пинает снег под ногой. — Алины больше нет...

— Ну, это понятно. Имя ненастоящее и его опять сменили.

— Нет, вы не поняли. Алины вообще больше нет. Она умерла две недели назад.

Его слова тяжело ударяют в голову.

Слегка качнуло.

— Если это прикол, то он никуды не смешной, — оскаливаясь.

— Не прикол. Переезд, адаптация, стресс, депрессия. Она подхватила грипп, но организм не справился.

У меня мутнеет перед глазами, от резкого притока крови к голове.

— Грипп?!- хватаю его за грудки. — Пиздеть мне тут не надо, — рычу в лицо. — Вы забрали девчонку, чтобы её убрать. Никому не нужен лишний свидетель.

— Руки! — приказным тоном.

Отпускаю.

Поправляет пальто, осматриваясь по сторонам.

— Смотри на кого прыгаешь, — запугивает. — Я тут не причём. Пока она была под моим присмотром, всё нормально было. Московским предъявляй, это они проебали, — резко переходит на мат.

— Да вы все проебали! Зачем я только её отпустил?!- хватаюсь в пылу за голову.

— Уже ничего не вернёшь.

— Алину — да. Но я найду того, кто виноват в её смерти и придушу собственными руками, — с агрессией цежу сквозь зубы, угрожая.

Аксёнов теряется на секунду, словно это он.

— Вы не сможете, — выдаёт в замешательстве.

— А это мы ещё посмотрим! — уйду от него через парковку к своей машине.

Сажусь за руль и просто топлю на газ, не разбирая дороги. За город, вдоль по трассе.

Очухиваюсь где-то в поле, машина работает на холостых.

Выхожу.

Сгребая снег руками и врезаюсь в него лицом.

Обжигает.

— Неет...

От моего крика вспархивает из сугроба фазан и со свистом крыльев улетает подальше.

Сползаю на землю, привалившись спиной к колесу. Слезы жгут кожу.

— Ты же обещала вернуться... Как ты посмела, слышишь? — поднимаю голову к небу. — Ты обещала...

Дальше я плохо соображаю. Всё словно в тумане. Даже как домой приехал не помню. Очнулся посреди ночи абсолютно убитым на диване.

Дикий спит под боком, тихо поскуливая во сне.

Только не говори, что ты понял?

Он не скажет. Но он чувствует. И он так часто меня предупреждал об опасности, а я дебил не замечал этого.

Всё-таки у собак есть шестое чувство. Теперь я в этом убедился.

Дотягиваюсь до пульта от телевизора. Включаю смарт и открываю соцсеть. Алина перед отъездом сказала настоящее имя, я всех Оль Коваль просмотрел и нашёл.

Страничка полгода без обновлений и последние записи от соболезующих. Но

я пролистал всю. Узнал, что Белка родом из Ростова и её мать с братом до сих пор там живут. На его страничку заглянул.

— Миха, — после долгого ожидания он наконец-то берёт трубку.

— Ты чего среди ночи?

— Надо. Можешь Дикого дня на три-четыре к себе взять?

— Без проблем. А тебе зачем? Куда-то собрался?

— Да. В одно место хочу сгонять.

— Ладно...

Покупаю билет на самолёт через сайт. Вылет вечером.

Утром собираю сумку, закинув необходимые вещи на несколько дней. По прогнозу в Ростове на ближайшие дни тепло, поэтому запикиваю ещё куртку потоньше.

Отвожу Дикого к Мишке.

— Не скучай, дружище, я скоро вернусь, — треплю пса, прощаясь.

Скулит, чувствуя, что я уезжаю.

— Не перекармливай его, — даю наказ Ксюхе.

Плачет, подпирая плечом стенку. Я им всё про Алину рассказал.

Я больше плакать не могу. Действовать надо. Начинать с начала.

— Угу... — соглашается.

Миха отвозит в аэропорт. Остаётся со мной до вылета. Я был против, но он настоял.

Если честно, мне сейчас чья-либо компания не нужна. Ни чужая, ни друзей. Мне надо пережить своё горе в одиночестве, ломая от боли рёбра и всё вокруг. Стул утром разнёс об стену.

Так скрутило, что не выдержал, схватил и со всей дури ударил.

— И на какой хрен тебя туда несёт? — ворчит, стоя рядом и вглядываясь вместе со мной в окно. — Её же по-любому не там похоронили. Сожгли где-нибудь в крематории и развеяли по ветру.

— Хочу просто посмотреть... Я под старым фото отметку с адресом нашёл. Хочу узнать, как жила до меня.

— Не рви душу... Не вернёшь...

— Знаю. Но мне злости надо набраться.

— Для чего?

— Для мести, брат. Для мести...

Глава 41

Правильно сделал, что запасную куртку взял. В Ростове зимой и не пахнет.

Переодеваюсь.

Беру такси, прошу отвезти до гостиницы.

— Не подскажите, где у вас можно машину напрокат взять? — интересуюсь у таксиста.

Болтливый дядька попался.

— Мою бери, а я отдохну, — в шутку стучит по рулю.

— Я серьёзно.

— Такси не устраивает?

— Много ездить придётся, аренда дешевле.

— Понятно, — берёт телефон, листает контакты, находит нужный. — Вот сюда позвони.

— Спасибо! — забиваю номер себе. — А кладбище далеко от города?

— Смотря какое...

— Где сейчас людей хоронят.

— Не очень. А что, кто-то того? — кивает головой вверх.

— Да.

— И кто?

— Девушка... Любимая... — сорвано.

— Соболезную.

Я молчу.

Мне до сих пор не верится, что Белки больше нет. Странное чувство внутри не даёт принять это.

Но я помню из детства, что когда бабушка умерла, я тоже не мог принять её смерть, пока не увидел в гробу. Возможно и здесь так же. Я же не видел Алину мёртвой, отсюда и неверие. И это тяжелее всего.

Таксист тормозит у гостиницы.

— Подойдёт? — показывает на здание.

— Да. Вполне, — расплачиваюсь.

Снимаю номер.

Звоню по контакту, который мне дали, договариваюсь приехать, посмотреть машину.

С первого взгляда определяю проблемные, которые могу резко заглохнуть.

Опыт.

Выбираю черный джип, на тройку лет старше моего.

Нахожу в интернете адрес кладбища, по дороге покупаю огромный букет гортензий.

Её любимых...

Смотритель помогает найти номер участка.

Черный мраморный камень с надписью. Без фото. Только "помним, любим, скорбим".

За могилой ухаживают, цветы засохшие, но не столетней давности.

Мама, кто ещё...

Знала бы она, что под этим камнем нет и частички её дочери, с ума бы сошла.

Кладу цветы и застываю неподвижно, вчитываясь в даты. Через два месяца ей

бы исполнилось двадцать три года. А сегодня ровно четыре месяца со дня смерти.

Ненастоящей...

Но это уже мало волнует. Ведь теперь её нет в действительности.

— Вы кто? — женский голос за спиной.

Невысокая женщина около пятидесяти лет в черном платье и косынке на голове смотрит на меня подозрительно.

Глаза...

У Белки такие же.

Мама?

— Я одноклассник Ал... Ольги... — говорю первое, что приходит в голову.

— Не врите. Я всех её одноклассников знаю, и вас среди них нет.

— Мы в начальных классах вместе учились. Потом переехали, — продолжаю лгать.

В первых классах у всех были одноклассники, которые куда-нибудь уехали, так что сойдёт за правду.

Вот и она поверила.

Кладёт рядом с моим огромным букетом шесть алых роз, повязанных черной лентой.

А я нечётное число купил, как для живой.

— Как вы узнали? — слепо смотрит на каменную плиту.

— Из соцсети. Проездом здесь, решил зайти.

Слегка качает головой.

— Меня одно радует — она не мучилась... Не хотела бы я видеть её страдания. Для родителей смерть детей — всегда трагедия. Не должны они уходить раньше нас. А вот не вышло... Даже хоронить толком нечего было, в закрытом гробу привезли.

Потому что пустой.

— Извините, вас как зовут?

— Ирина Сергеевна.

— Меня Глеб. А вы о муже её что-нибудь знаете?

— Сидит сволочь, — присаживается на скамейку рядом с соседней могилкой. — Я его один раз всего видела, когда перед свадьбой приезжал знакомиться. Сразу мне не понравился. Взгляд у него был хитрющий... Как у лисы. Но говорил красиво, не даром адвокат. Оленька то за него замуж не по любви пошла, красивой жизнью подкупил. Внимание, дорогие подарки, переехать к себе предложил. Он вроде с Рублёвки. Или где там у них в Москве богатые живут... А Олечка ничего хорошего-то в жизни не видела. Отец пил, скандалил, гонял. Я одна их с братом тянула. На двух работах, а много ли уборщицей зарабатываешь? Вот и выскочила замуж за него. Она ж звёздочкой всегда была. Петь, танцевать, музыку любила. А Родион этот пообещал её в шоу-бизнес протащить. Нет, она никогда на него не жаловалась. Наоборот, говорила, что хороший и любит её. Но она не любила. А потом оказалось, что этот хороший людей помогает убивать за деньги. Чужло моё сердце, что он хитрожопый! — срывается под конец рассказа.

Мда... Вот как всё, оказывается, было.

А ведь Белка иногда выдавала случайно факты из прошлой жизни. Про отца точно говорила.

— Вы не пытались её отговорить?

— Пыталась... Но она меня не послушала, обиделась. Что я ей могла дать? Ничего. А там золотые горы. Осудите её? — поднимает на меня глаза.

— Нет.

— Это хорошо, — встаёт. — Нам она тоже помогала. Каждый месяц деньги присылала и подарки к праздникам.

— А у вас нет случайно её московского адреса?

— А вам зачем? Дом конфисковали, на торги выставили.

— Хочу увидеть...

— Был где-то дома. В Москве-то я у них не была, но адрес на посылках был, я переписала.

— Я вас подвезу, — подставляю ей локоть.

Робко и боязливо смотрит на меня, но всё же берёт под руку.

Выражение лица как у Белки, когда я её ночью на холм привёз.

Ирина Сергеевна показывает, как проехать.

Старенький дом на окраине города с покосившимся забором. Вокруг сад с плодовыми деревьями. Вдоль дорожки кусты гортензии с ржавыми засохшими соцветиями. Такие у Алины на кухне стояли. Не выбрасывала.

— Проходите, — впускает в дом хозяйка. — Я чайник поставлю. Олечкин любимый пирог испекла с малиной. Будете?

— Буду...

Я всё, что она любила, буду.

Осматриваюсь. Скромненько. Мебель старенькая. Но очень чисто.

— Артём скоро с тренировки придёт, — выходит из кухни Ирина Сергеевна и ставит на стол чашки и сахарницу.

— Это ваш сын? — всматриваюсь в фотографию на стене.

Ей лет пятнадцать. Белке на ней лет шесть всего, а младший вообще на руках у матери.

— Да, — подходит и встаёт рядом со мной. — Может, в комнату Оли хотите заглянуть? Мы там ничего не меняли.

— А можно?

— Конечно, — проходит через зал и открывает крашеную дверь.

Кровать, шкаф, письменный стол с обычным деревянным стулом. Гитара на стене.

Над столом доска с кучей фотографий и вырезок из журналов.

Снимаю одно фото с булавки.

Выпускной.

Белка в небесно-голубом платье. Светленькая.

Теперь я её всякой видел.

— А эти фото она мне уже из Москвы присылала, — показывает Ирина Сергеевна на снимки в рамочках.

Один портретный. За столиком в ресторане. И Белка на нём просто охуительная.

— Разрешите? — достаю телефон.

— Конечно. Она здесь такая красивая... Я на памятник хотела её, но люди, которые привезли гроб, сказали, что не нужно.

— Да, они правы, — делаю снимок.

— Чайник согрелся. Идёмте.

В доме прохладно и горячий чай согревает.

— Очень вкусно, — нахваливаю пирог.

— Глеб признайтесь, вы же не одноклассник? — спрашивает вдруг.

— Почему вы так решили?

— Чувствую. Вы в Москве с ней познакомились?

Молча качаю головой в согласии.

Врать противно, но что я ей скажу? Что месяц назад я был парнем вашим дочери? Да она меня взащей вытолкнет.

— Любовник?

Вот это поворот!

— Да, — зачем-то говорю и это.

— Я против измен, но мне кажется, что в её ситуации я бы поняла. Она вас любила?

— Очень.

— А вы?

— И я... Иначе сюда не приехал бы.

— Да я сразу это поняла, как только увидела у могилы. Глаза у вас... Как у побитой собаки. Потерянные...

В точку.

— Я вам адрес обещала, — спохватывается. — А вы разве не знаете его? — вдруг присаживается, заподозрив.

— Мы встречались на моей территории.

— Ясно. Я сейчас, — куда-то уходит.

Возвращается с блокнотом.

Фотографирую запись.

Мы ещё около часа болтаем. Ирина Сергеевна рассказывает о Белкином детстве.

Когда собираюсь уезжать, на пороге появляется крепкий мальчишка, очень похожий на Алину. То есть... Ольгу.

— Мам, кто у нас? — с прихожей. — Тачка крутая.

Так себе тачка. Задрочка. Совсем не следят за техникой.

Пацан тормозит на пороге комнаты, рассматривая меня.

— Артём, это Глеб. Друг Оли. Приехал из Москвы.

— Ммм... — садится за стол.

— Я чашку принесу, — исчезает на кухне мама.

— Хахарь её что ли? — борзо.

— А что? — вскидываю брови.

— Да я догадывался, что Оля со своим богатеньким только для статуса. А трахается с кем помоложе.

— Грубо, тебе не кажется?

— Не кажется.

Пилим друг друга недружелюбными холодными взглядами.

Мелкий, но прожжённый. Я таким же в его годы был.

— Ирина Сергеевна, я, пожалуй, поеду, — когда она выходит к нам.

— Ну как же? Не посидели совсем, — спохватывается, провожая меня.

— Я звонить буду. Вы же мне номер свой дали.

— Звоните, Глеб, не забывайте.

— Обязательно. До свидания, — чмокаю в щеку на прощание.

В машине смотрю на адрес. И меняю билет.

Надо в Москву сгонять.

Притормаживаю у большого дома за высоким каменным забором. Табличка «Продаётся», внизу номер телефона агентства.

Набираю, договариваюсь с риэлтором о встрече. Приезжает через час.

Девушка смотрит немного с недоумением на меня.

Да, на олигарха не тяну, но на какого-нибудь нефтяника вполне. А некоторые люди уверены, что это такие люди из дремучей тайги с кучей бабла в карманах.

Вот и она принимает мою ложь за чистую монету.

— Почему хозяева продают? — разглядываю гостиную.

— Дом конфискован, хозяйка погибла.

— А государству нужны деньги? — продолжаю за неё.

— Ему они всегда нужны, — ухмыляется. — Второй этаж, — приглашает жестом на лестницу. — Здесь много вещей от прежних хозяев осталось. Никто не хочет забирать. Можно выбросить.

— Обязательно, — мило улыбаюсь.

В спальне на столике несколько фотографий. Белка с мужем. Одна свадебная. Стильное обтягивающее кружевное платье в пол, расходящееся к низу. Как все невесты прекрасна. Какой-то такой я и представлял её себе на нашей свадьбе.

Тяжёлый вздох. Грудь сдавливает комком боли.

Тайком делаю их фото.

Пока риэлтор не видит, открываю стоящую рядом резную шкатулку. Почти пустая. Драгоценности забрали. Только бижутерия. Беру невидимку с украшением в виде звёздочки.

— Вам нравится? — появляется на пороге девушка.

Незаметно прячу заколку в карман.

— Да. Но цена...

— Можем поторговаться, — строит кокетливо глазки.

— Я подумаю.

(саунд: Владимир Пресняков — Слушая тишину)

Глава 42

— Осторожно, ступеньки скользкие, — подхватывает под руку Тарас.

— Вот пока вы мне про это не сказали, всё нормально было, — соскальзывает нога, и я цепляюсь за него, повиснув на плече.

— Парни не успели почистить от снега.

Он второй день замедляет, придавая сказочную атмосферу вокруг.

Мы входим в дом. После пронизывающего ветра сразу окутывает теплом. Тяжело сажусь на стул, стоящий у двери, чтобы снять сапоги.

— А ёлки нет? — прохожу в гостиную и замечаю отсутствие хоть какого-нибудь намёка на приближающийся праздник. — Новый год же завтра!

Тарас растерянно хмурится.

— Сейчас исправим, — выходит на улицу.

Падаю на диван в расслабленную позу.

Голова кружится. И слабость.

Профессор сказал, восстанавливаться долго придётся, яд усердно подпортил моё здоровье. Но он расписал курс лечения на несколько месяцев вперёд. Через год в лучшем случае буду прежней. Но только при здоровом образе жизни.

Стягиваю куртку и шапку, бросаю тут же. Провожу рукой по короткому ёжику волос на голове.

Они в один день стали жутко выпадать, как при химиотерапии, пришлось подстричься.

Тарас снёс под корень машинкой, сказав, что волосы не зубы, отрастут, заметив мои слёзы.

Дорога вымотала. Спать хочу.

Подтягиваю подушку под голову и закрываю глаза. Сквозь дрему чувствую, как капитан накрывает меня пледом и забирает мой шуршащий пуховик.

Он милый. Даже очень, хоть и бука. Но Глеб лучше...

Отключаюсь.

Просыпаюсь от шепота и тихих движений рядом. Приоткрыв глаза, вижу, что пара парней из охраны собирают красивую искусственную ёлку. Очень похожа на настоящую.

Сажусь, подтянув колени к груди, и сонно наблюдаю, как они поярусно превращают кучу веток в дерево.

Один из парней замечает меня и подмигивает:

— С проснутием!

— Угу... Я сама украшу. Игрушки, надеюсь, есть?

— Целая коробка, — кивает на стул в углу.

В ней шары, красные деревянные фигурки различной формы и несколько упаковок с гирляндами. Всё новое, ещё в плёнке.

— Откуда такое богатство?

— Капитан приказал найти, поехали и купили.

— В Питер? — поднимаю на них взгляд.

— Нет.

Ну да, до него далековато. Мы больше двух часов ехали до дачи. Где-то ближе есть

город.

Тарас заходит с улицы с охапкой дров для камина. От него веет холодом, а толстый вязаный свитер и волосы припорошены снегом.

— Разбудили? — хмуро смотрит на охрану, закидывая дрова в камин.

— Нет. Я сама проснулась.

Он поджигает дрова, через несколько минут они начинают уютно потрескивать в пламени.

Присаживаюсь рядом с капитаном на толстый шерстяной ковёр и наблюдаю за пляшущими языками.

На то, как горит огонь можно смотреть бесконечно.

На губах сама собой появляется улыбка.

Перевожу глаза на Тараса. Он смотрит на меня, немного прищурившись, а взгляд такой тёплый, что неловко становится. Снова смотрю на пламя.

Он целый месяц жил в больнице. Охрана менялась посменно, а он круглые сутки на посту. Переживал.

— Спасибо! — тихо, чтобы парни не услышали.

— За что?

— За то, что не дали мне умереть.

— Это моя работа, — садится рядом по-турецки.

— Сомневаюсь, что кто-то другой бился бы за меня так усердно. Вы даже профессора наши.

— Я был не один. Нас целая команда. И умри вы, моя карьера была бы закончена.

— А мне кажется, что вы не ради карьеры. Просто человек хороший...

— Приятно, что вы так меня оцениваете.

— А того, кто пытался отравить, уже наши?

— Ищем.

— Это не Глеб. Он не мог, — хочу его убедить.

— Я знаю.

Круто, что он не думает так. Не хочу Морозову проблем.

— Можете мне сделать новогодний подарок?

— Какой? — с интересом вздергивает брови.

— Узнайте как он, пожалуйста...

— Хорошо. Я узнаю.

— Спасибо... А что у нас сегодня на ужин? — говорю громче.

— Амм... А что бы вы хотели? — незаметно улыбается.

— Пельмени хочу. Домашние. Со сметаной.

— Будут пельмени, — встаёт и направляется на кухню.

— Я помогу. Научите меня заодно, как их лепить, — следом за ним.

Тарас показывает процесс замешивания теста, приготовления фарша. Как скрутить пельмешку, чтобы получилась похожая на головку в чепчике.

У меня не получается. Мои: кривые, дырявые и ужасно уродливые.

— Я никогда не научусь, — пыхчу над очередным.

Я уже в муке с ног до головы.

— Пару сотен слепим — научитесь.

— Пару сотен? Это шутка такая? — округляю глаза.

— Парни тоже пельмени хотят, — кивает на бойцов, которые закончили собирать ёлку и развешивают теперь гирлянды. — Так что не расслабляйте булки, Оленька.

— Блин, лучше бы я макароны попросила, — падаю на стул.

Тарас впервые за всё время неожиданно для всех смеётся. Даже охрана выглянула на это посмотреть. Таращатся удивлённо.

Он действительно такой сухарь?

Как-то же у него сложились отношения с доктором Варламовой. По моим наблюдениям я поняла, что они раньше встречались. Неужели ни капли любви не давал женщине? Может поэтому и сбежала...

Пока мы приготовили две сотни пельменей, желание их есть, у меня пропало. Появилось только одно — лечь и не шевелиться. Прикинуться ветошью, чтоб не тревожили.

Но я запихнула в себя с десяток под строгим взглядом Шипа. Проверять его угрозу, что он будет меня насильно кормить, не хочется. По глазам вижу — не шутит.

— Можно я спать пойду? — устало смотрю на него и парней.

— Нужно.

Тарас.

Проверяю Ольгу. Спит тихонько, обнимая одеяло руками и ногами.

Слабая ещё. Но то, что стойко боролась за жизнь, радует. Не каждый сможет.

Из-за волос сильно расстроилась.

Вырастут, куда они денутся.

Сажусь на диван и закрываю глаза, откинувшись на спинку.

Заебался...

В отпуск хочу.

Включаю телевизор на детский канал. Аниме крутят. Терпеть не могу. Мультфильмы люблю, на которых вырос. А не вот это всё непонятное и чужое.

Вспоминаю просьбу Ольги. Набираю Дэна.

— По делу или как?

— С просьбой, — тру глаза. — Можешь разузнать, как там Глеб Морозов поживает? Я Ольге пообещал информацию в качестве новогоднего подарка.

— Бля, Тасс! Ну, ты серьёзно? Накануне Нового года я буду поднимать людей, чтобы они за ним проследили? — возмущается.

— Пусть Леброн вскрыет его телефон, скачает, что там за это время набралось. В общих чертах. Кого-нибудь из наружки пошли, пусть пару часиков за ним погуляет, с десяток снимков сделает. Я отчёт не прошу.

— Бухтеть будет...

— Скажи, я попросил.

— Ладно.

— По Аксёнову что-нибудь есть?

— Да. Пару часов назад получили выписку по счёту фонда, который собирал деньги на лечение его сына. Сбор закрыт. Анонимный меценат перевёл всю сумму.

— Вот жук хитрожопый! Там же миллионы. Кто перевёл не отследить, я правильно понимаю?

— Правильно. Перевод из банка на Кипре. Больше мы ничего не смогли найти. Сам знаешь, что они не предоставляют никакой информации. Там и через подставное лицо легко открыть счёт. Брать его надо.

— Не сейчас, пусть расслабится.

— А если слиняет?

— Он невыездной. И полностью уверен, что никаких улик на него нет, поэтому будет преспокойно жить дальше.

— Но улики же и правда нет... Колотить придётся.

— Придётся, но не сейчас. Пока его не трогаем. Наблюдаем.

— Ясно. Ты начальник, тебе виднее, — вздыхает Дэн.

— Брат, я его лично поеду.

— А как же Коваль?

— Будем действовать по схеме.

— Опять? — вскрикивает.

— Снова.

— Тасс, ты гонишь?

— Нет.

— Да, блядь...

Глава 43

— Вы на мою пятую точку пялитесь? — злобно смотрю сверху на Тараса.

— Чего? — задумчиво поднимает глаза, словно не понимая о чём я.

— Вы здесь страховать стоите или на мою попу поглазеть? — повторяю вопрос.

— Знаете что?! Никто на вас не смотрит! — отпускает стремянку.

Взвизгиваю, она качается. Рухну вместе с ёлкой, макушку которой я сейчас украшала звездой.

Снова хватает руками, чтобы я не грохнулась. С осторожностью сажусь на верхнюю ступеньку, держась за поручни.

— У вас проблемы?

— С чего вы взяли?

— Простите, но я случайно подслушала ваш разговор с кем-то. Вы говорили с ним о знакомом, подписавшим контракт на службу в армии. Это важный для вас человек?

— Дурак он, а не человек, — отвернувшись в сторону.

Подробности Шип не расскажет. Знаю. Но в общих чертах...

— Разве армия это плохо? Глеб говорит, что она делает из соплежухов мужчин. И ему нравилось служить. Это и понятно. Он в семье военных вырос. Отец подполковник, дед генерал.

— Правильно он говорит. Но поступку этого человека я не могу дать объяснений, — присаживается на подлокотник кресла. — Он не просто в армию идёт, а в конкретное место просится. А там сейчас жарко. И не только потому, что пустыня кругом. Обстановка там накалённая...

— Вы про то, что в новостях показывают?

— Да.

— Ужас...

Ближний Восток. Там война идёт... Не знаю что в голове его знакомого, но он сумасшедший. Или отчаянный. Или отчаявшийся...

Поворачиваюсь к Тарасу спиной, чтобы спуститься. Нога промазывает мимо ступеньки, и я лечу вниз.

Шип успевает меня подхватить, и мы оба садимся на подлокотник. Я сверху. И ещё с силой, похоже, ему кое-что придавливаю.

— Слезьте, — сдерживает дыхание от боли.

— Извините, — подскакиваю. — Может лёд? — жалею, увидев, что загнулся.

— Нет, — выдыхает, поднимая на меня глаза.

Ну что ты за коряга такая, а? Больно же.

— Водички?

Смотрит ошарашено, из-за чего на лбу четко вырисовываются линии морщин.

— Поняла.

Водочки бы ещё предложила, для обезболивания.

Он уходит в ванную.

А мне стыдно. Прячу лицо руками.

Надеюсь, он не подумал, что я это специально? Просто высоты боюсь. В детстве с

крыши свалилась. Благо, что ногами за лестницу зацепилась и повисла, а так бы шею точно сломала. С тех пор боязнь высоты.

Тарас выходит из ванной, к шее прижимает мокрое полотенце. Лицо красное.

— Не туда прикладываете.

— Я тебе сейчас им приложу к той точке, которую ты так оберегала от посягательства моих глаз пятнадцать минут назад, — грубо.

— Я же пошутила...

— А я нет! Запомни, мужчины в некоторых местах довольно хрупкие. И бить туда нужно при крайней необходимости.

— Я не специально, — надуваю обидчиво губы.

Можно подумать, я не знаю про вашу анатомию.

Глеб говорил, что в случае чего — бей по яйцам и тикай. Пока отпустит, ты далеко будешь.

Но я же случайно!

— Ладно... — вздыхает. — Бывает...

Вот! Понял всё-таки.

— Хотите, я обед приготовлю? — всё же чувствую себя немного виноватой.

Пусть отдохнёт немного.

Строгий взгляд из-под бровей.

— И ужин праздничный. Я селёдку под шубой умею готовить и оливье. Любите?

— Люблю, — без эмоций.

— Ну, простите... Я не хотела сделать вам больно...

— Вы прощены. И с вас шуба.

* * *

— А вам не кажется, что для двоих здесь слишком много еды? — ставлю очередной салат на праздничный стол.

— Ещё два дня впереди.

— Как шаблонно.

— Жизненно. Все так делают, кто не хочет в праздники у плиты торчать. В кино и передачи залипают. Помните, что в новогоднюю ночь главное украшение стола?

— Цветы. Кости! — пародирую.

— Телевизор, — лёгкая улыбка.

— Я давно поняла, что вы любите мультфильмы.

— Люблю. С детства.

— А новогодний какой любимый?

— Про мужичка шепелявого.

— И мой! Всё же мы перестарались, — окидываю взглядом стол. — Давайте, ребят из охраны позовём?

— Не положено. У них служба.

— А мы тех, что не на посту. Неудобно как-то... Мы празднуем, а они работают.

— Я тоже работаю.

— Вы совмещаете полезное с приятным. Так что зовите, — поправляю красную

праздничную шапку на голове.

Хотела надеть ободок с огромным бантом, чтобы немного поднять настроение, но на моём сантиметре волос он смотрится инородно и по-дурацки.

Тарас достаёт рацию, чтобы связаться с охраной.

— А можно я? — играю бровями вопросительно.

Подумав, отдаёт.

— Помогите, убивают! — истошно кричу в неё, нажав на кнопку.

Быстро надеваю Шипу на голову такую же шапку, как у меня, всовываю в одну руку рацию, во вторую язычок-гуделку.

— Ты что творишь? — гневно. — Они ж сейчас при полном боекомплекте прибегут!

— Зато быстро и все. Не забудьте подудеть, — киваю на свисток.

И минуты не проходит, как в дом вламывается вся охрана с пистолетами в вытянутых руках. Суета и рассредоточение. Но увидев меня в норме, немного охреневают.

— С Наступающим! — дую в дудку.

Ну, ты чего?!- пихаю локтём Шипа в бок.

Тоже дует, но без энтузиазма.

Парни опускают пистолеты.

— Давайте к столу, — развожу руками, приглашая.

Им неловко, переглядываются.

— Товарищ капитан... — тихо намекаю, чтобы только он услышал.

— За стол сели! — командует.

Быстро и без лишних разговоров усаживаются.

Я занимаю место во главе с одной стороны, Тарас с другой.

Ловлю его недовольный взгляд, готовый меня прибить, потому что я нарушила правила, а его выставила дураком перед подчинёнными.

Расслабьтесь, товарищ капитан! Новый год всё же. Побудьте хотя бы сегодня милым зайчиком.

Весь этот посыл я передаю ему молча, одними глазами.

Стол стоит рядом с ёлкой, замечаю под ней тот самый ободок, который мне не подошёл. Поднимаю и надеваю на ближайшего из парней. А он лысый и мордатый здоровячек.

Все ржут.

— Чиж, упадёт, — поправляет сползающее украшение сосед. — Я в сарае молоток и гвозди видел, надо забить.

Смеются.

Один Шип мрачнее тучи.

— Сними нахрен! — не сдерживается спустя несколько минут непрекращающихся шуточек.

И гробовая тишина.

Злобно свожу брови, глядя на него.

У Тараса мышца на лице дёргается.

— Мальчики, давайте выпьем, — стараюсь разрядить обстановку. — Правда, только сок. Но вам ведь всё равно алкоголь нельзя.

— За вами поухаживать, мадмуазель? — подхватывает графин, сидящий рядом симпатичный молодой парень.

Я даже их имён не знаю...

— Мне будет приятно, — соглашаюсь.

* * *

Шип курит на пороге, вглядываясь куда-то в темноту сада.

Подхожу сзади и присаживаюсь на краешек стоящего у стены плетёного кресла, кутаясь в пуховик.

Полночь прошла, и охрана разошлась по точкам.

— Вы не любите Новый год? — задаю вопрос.

Тихо ругается матом, испугавшись. Я подошла бесшумно.

— Люблю.

— Тогда почему такой смурной?

— А должен радоваться?

— Чуть-чуть бы не помешало... У вас есть семья?

— Есть. Мама, папа, брат. Как у всех.

— А детство у вас было?

— К чему эти вопросы?

— Просто, — пожимаю плечами. — Неужели вы и в детстве были таким серьёзным? Я не поверю. Наверняка верили в сказки и Деда Мороза.

— Верил. Лет до семи, — выбрасывает сигарету.

— А потом?

— А потом увидел, как мама ночью кладёт подарки под ёлку. И перестал.

— Но ребёнком-то вы не перестали быть. И сейчас в вас что-то от него есть, любите же вы за мультики. Выпустите его ненадолго.

— Выпустить? Некого выпускать. Мальчик, живущий когда-то во мне, в жизни столько дерьма повидал, что очень быстро повзрослел. А... — но передумывает продолжать. — Я вам подарок обещал, — достаёт из кармана пухлый конверт, перевязанный красной ленточкой. — Держите.

Дрожащими пальцами забираю. Быстро моргаю, чтобы не заплакать. Улыбаюсь, как ненормальная, и сбегая в свою комнату.

Забираюсь на подоконник, включаю стоящий рядом торшер. Помедлив немного, разрываю бумагу и достаю стопку фотографий.

Глеб...

Гуляет с Диким, играют на площадке, стоит у машины.

Внутри всё вибрирует и сжимается от радости. Слезы вырываются и стекают по щекам.

Провожу пальцем по его фото крупным планом.

Изменился немного. Небритый. И глаза пустые.

Целую.

Подожди, я скоро вернусь.

Глава 44

Слепо смотрю на террасу. С долей зависти.

Мишка с Ксюхой целуются, подбадриваемые выпитым алкоголем.

В груди ломит от болезненного спазма.

В горле ком от сдерживаемых слёз.

Мне так уже не светит...

— Внучок, ты решил нас углями вместо шашлыков накормить? — подходит дед и переворачивает начинающее пригорать мясо. — Что с тобой происходит? — вглядывается в лицо, прищурившись.

Дед всегда знает, когда у меня в жизни пиздец случается. С детства. Только взглянет, нахмурится — выкладывай, что стряслось.

И я рассказывал.

А он уму разуму учил.

У него большой жизненный опыт, через год семьдесят стукнет. Афган и Чечню прошёл, куча наград и звёзды генерал-майора лежат на погонах.

Но сейчас его слова не помогут.

— Ничего.

— Это ты матери ври. Она возможно и поверит. А я нет. Обещал на Новый год с невестой приехать, а сам с друзьями, — кивает на Миху и Ксюху.

— Нет больше невесты... — опираюсь спиной на столб навеса, под которым мангал стоит.

— Как это? — растерянно.

— Так это. Умерла от гриппа...

— Что-то ты херню какую-то несёшь, Глеб. Кто от гриппа умирает?

— А ты, дед, статистику посмотри. По шестьсот пятьдесят тысяч людей каждый год. Я тоже думал, что это просто сопли и температура.

— Ты поэтому контракт подписал? — с хитрецей исподлобья, размахивая пластиковой лопаткой над углями в мангале.

— Уже и про это знаешь? Быстро у вас докладывают, — кручу между пальцев зажигалку.

Курить бросил, а нервозность осталась, вот и кручу вечно что-нибудь в руках.

— А ты думал, я не узнаю? Мне военком в тот же день позвонил. И про нюансик твой тоже, — повертел с издёвкой рукой. — Ты понимаешь, куда лезешь?

— Понимаю. Но так надо, дед.

— Для кого надо?

— Для меня.

Так будет проще попасть в то подразделение, в которое я хочу. Если всё сложится, конечно.

— Девушка умерла, но ты-то нет! Любовь, конечно, сильное чувство. Только время пройдёт и забудется. Новую встретишь. Семью, деток заведёшь.

— Я другую не хочу, — чиркаю зажигалкой и смотрю на пламя. — Да и поздно. Я уже всё подписал.

— Блядь, Глеб! Это Сирия! Там воюют.

— И я буду, — тушу зажигалку и прячу в карман.

— А мать? Ей сказал?

— Нет. Завтра расскажу. Не хочу ей праздник портить. Она несколько дней готовилась.

— Она ж не поймёт. А виноваты мы с твоим отцом останемся, что армией своей голову тебе задурили.

— Я постараюсь деликатно.

— Деликатно... С твоей мамой это не пройдёт. Она тут истерила, когда ты ещё в Приморье хотел контракт подписать. Тогда говорила, что не для того тебя рожала, чтобы ты по частям кочевал. А ты в пекло собрался. Её ж инфаркт накроет.

— Она гораздо сильнее, чем вы думаете. Просто симулирует. У тебя самого сейчас мясо сгорит, — показываю на шашлык.

Дед снимает шампуры с огня.

— Всё же подумай...

— Дед, я уже подписал, — напоминаю.

— Я помогу расторгнуть.

— Нет. Я так решил. И это окончательно. Уезжаю после праздников.

— А этого куда денешь? — указывает глазами на Дикого, бултыхающегося на спине в снегу.

— Хотел тебя попросить, чтобы взял к себе. У родителей — не вариант, они с мамой терпеть друг друга не могут. Мишка бы взял, но у него квартира съёмная, хозяйка не разрешает. А у тебя с ним вроде дружба.

— Ты понимаешь, что для него это будет стресс? — неодобряюще качает головой.

— Да. Я бы с собой взял, но у него должной дрессуры нет. Там другие навыки у собак нужны.

— Навыки выработать можно... — ворчит. — Ладно! Заберу. Вдвоём веселее будет.

— Втроём, — поправляю.

У деда огромный рыжий кот живёт. Но скорее это дед у него живёт, потому что Зевс чувствует себя полноправным хозяином дома.

— Да. Ох, чую, битва будет.

— Харе лизаться, я завидую, — развожу друзей руками, проходя мимо. — За стол пошлите.

У родителей гости. Друзья и коллеги по службе. Всем весело. Только мы с Мишкой и Ксюхой иногда переглядываемся, потому что знаем, что особого повода для праздника нет.

Поэтому в глазах друзей время от времени скользит грусть.

Они из-за меня в отпуск не поехали. А я с собой их взял к родителям. Хочу последние дни с близкими провести.

За столом шумно. Под алкоголь беседы идут бойко.

У меня впервые было желание нажраться до поросычьего визга, но смог проглотить только глоток шампанского. Не лезет. И еда тоже. Стол ломится, но мне почему-то не хочется.

Из-под стола вылезает голова Дикого и ложится мне на колено.

— Попрошайка, — отдаю ему кусочек шашлыка.

Исчезает под скатертью.

— Ты ему только не наливай, а то петь начнёт, — прикалывается Мишка.

— Перебьётся.

Люди празднуют.

А мне вздёрнуться хочется.

После двенадцати все дружно толпой вываливаются на улицу, запускать фейерверки.

Пристёгиваю к ошейнику Дикого поводок, чтобы от выстрелов не начал паниковать. Он бывал на охоте, но когда кругом взрывается, то он кипишет и теряет ориентиры.

Полюбовавшись всей феерией, решаю с ним пройтись.

Пес любопытно заглядывает под каждый куст или дерево, обнюхивает всё, что на пути попадает. Живой восторг в глазах.

Да, здесь частный сектор и для него каждый наш приезд в новинку.

Лает с собаками за заборами, которые почуяли постороннего представителя своей братии.

Из калитки одного из домов выходят четверо мужиков. Хорошо подпитые и шумные. Что-то не поделили между собой.

— Эй! — свист в мою сторону. — Закурить есть?

— Не курю, — понимаю, что это просто причина доебаться. — Сидеть, Дикий, — тихо приказываю.

Он подчиняется.

— В смысле не куришь? — приближается один из четверых, явно самый бесстрашный. — Курить не обязательно, а вот иметь при себе, чтобы дядю угостить — должен.

Зэковские какие-то замашки.

— Шли бы вы, дядя, мимо подобру-поздорову.

— Посмотрите, мужики, какой борзый, — обращается к друзьям.

Ржут.

— Шавку свою убери, и поговорим, как мужик с мужиком.

Оо, началось! Мне угрожать пытаются.

— А мне и с ней неплохо, — поглаживаю Дикого по голове, давая понять, что не боюсь.

Один шаг в нашу сторону, и пес срывается с места, агрессивно скалясь и лая.

Попробуйте, подойдите. Порвёт любого.

И меня этот факт заставляет улыбаться.

— Пошлите нахуй отсюда, — развернул всех самый наглый. — Тут психи одни живут.

Вот и валите!

— Идём, Дикий! — тяну пса по направлению к дому родителей.

Половина гостей уже разошлась.

Ксюха сонно хлопает ресницами, пытаюсь смотреть передачу по телевизору.

— Идите в мою комнату, — толкаю Миху в бок.

— А ты куда?

— Посижу пока.

— О'кей, — уводит свою девушку спать.

Иду на кухню.

Бардак. Стопки грязной посуды. И всё это утром маме мыть.

Подумав, открываю кран и приступаю к мытью. Заодно займу себя. Через полчаса всё чистое и аккуратно составлено.

— Ого! — заходит на кухню подвыпивший отец, и осматривает мою работу. — Обычно

в детстве ты в доме так всё вылизывал, когда косячил. Что сейчас? — подкуривает у приоткрытого окна.

— Обязательно должно что-то быть?

— Я ж тебя знаю, — с хитрой пьяной улыбочкой.

Медлю.

Хер с ним, всё равно узнает!

— Я контракт подписал, пятнадцатого уезжаю в учебку, а через месяц в Сирию, — выдаю правду.

В дверях звук разбившейся посуды.

Это мама уронила тарелки, которые несла на кухню.

— Ты что такое говоришь, Глеб? — оседает на стул, хватаясь за сердце. — Признайся, сынок, ты пошутил сейчас?

— Нет, мама... Я не шучу.

Глава 45

Слежу через стекло, как снег большими хлопьями застилает двор.

Устроившись на подоконнике, намеревалась почитать книгу, но красота за окном отвлекла внимание.

Жаль здесь нельзя ничего фотографировать, иногда картинки вокруг так и просятся в кадр.

Выйду отсюда, запишусь на курсы фотографии.

Интересно, в Благовещенске есть такие? Наверняка имеются.

Тарас идёт с пакетами от домика охраны. Очередная доставка продуктов.

Приглядываюсь к нему. Есть в нём что-то странное, но не могу уловить что именно.

Вроде обычный, но вот походка... Будто легче.

Оставляю закладку в книге и спускаюсь вниз. Я просила купить мороженое. В стаканчиках. И хочу его прямо сейчас.

Он раскладывает продукты по полочкам в холодильнике.

Непривычно, что он как домохозяйка почти всё делает. Но, по сути, ему тут заняться нечем, только командовать.

Я думаю, он так же, как и я, ждёт не дожждётся окончания нашей ссылки, чтобы вернуться к нормальной работе.

— Привезли? — заглядываю в ещё нераспакованные пакеты.

— Что? — смотрит удивлённо.

— Я же просила, — ныряю на дно сумки.

Он словно не понимает о чём я.

— Тарас, деменцией вроде вам болеть рановато. Мороженое.

— Есть такое, — с улыбкой щёлкает пальцами и достаёт из морозилки упаковку.

Он улыбается... Широко и искренне. Так, что ямочки на щеках прорезают кожу.

А у меня мороз по спине.

Я никогда его такого не видела. Засмеялся всего один раз за три месяца, а тут — нате.

— У вас всё хорошо? — разрываю пакетик, наблюдая за ним.

— Да.

Улыбка не сползает с лица. И глаза искрящиеся. У Шипа таких не бывает. Обычно у него в них недовольство и надпись — как вы все меня задолбали.

А тут...

Не глядя, залезаю на высокий стул у барной стойки. Облизываю ледяное и сладкое мороженое.

Хмм... Не очень.

С Глебом мы ели вкуснее.

— На улице очень красиво, — киваю на окно.

— Да, сказка, — воодушевлённо. — В такую погоду гулять хорошо. Или на лыжах.

— А вы мне на залив обещали, но так и не сводили.

— Обещал, свожу, — опять улыбка. — Идите, собирайтесь.

— Серьёзно? — не верю своим ушам.

— Абсолютно! Одевайтесь потеплее, там может быть ветер.

Не доев мороженое, срываюсь наверх, чтобы собраться.

Свитер, колготки под джинсы. Шарф где-то должен быть, — роюсь в шкафу.

Вот он!

Тот самый, что Глеб подарил. И рукавички.

Через пять минут я при полном параде стою в ожидании Тараса у входной двери.

Наконец-то выйду за территорию моей индивидуальной тюрьмы с комфортными условиями.

Внутри всё трепещет от радости.

Шип выходит из кабинета, застёгивая в кобуру пистолет.

— Это обязательно?

— Да.

Ну, конечно... Вдруг меня кто-нибудь за забором караулит. Так и ждёт в сугробе, когда я выйду, чтобы убить.

Ой, да ну вас! — машу рукой и выхожу на улицу.

Глубокий вдох и дебильная радостная улыбка на всё лицо.

Кайф!

Легкие распирает от морозного свежего воздуха. До хрипоты. Кажется, ещё раз вдохну, и они лопнут, как воздушный шарик.

Необъяснимые ощущения.

Тарас выводит меня за ограду дачи, вниз по дороге между деревьев, занесённых снегом.

К ней примыкает дорожка, ведущая вниз по склону к заливу.

— Смотрите под ноги, — предупреждает Шип.

Поздно.

Делаю несколько шагов, поскользываюсь и еду на жопе вниз по склону, как на горке. Разворачиваюсь назад, Тарас бежит следом, размахивая руками, тоже падает и следом за мной на пузе.

Торможу ногами о большой камень. Сзади налетает капитан. От толчка ударяюсь головой о валун. Не сильно, но ощутимо.

— Ай! — хватаюсь за лоб.

Переползает на коленях вперёд.

— Покажи, — убирает руку. — Шишка будет, — посмеивается.

Взгляд кошачий. Игривый. У Глеба такой был, а у Шипа никогда. Словно подменили человека.

Или он воспользовался советом и выпустил своего внутреннего ребёнка?

Сомневаюсь. Ему и так комфортно. У него есть власть. Над своими людьми. Надо мной. Не меняются люди резко.

Может, заболел?

Снимаю рукавичку и прикладываю ладонь к его лбу.

— Это вы зачем? — сводит глаза к переносице и поднимает вверх.

Смешит.

— Ведёте себя странно, — встаю на колени, а потом поднимаюсь.

Вся в снегу. Отряхиваюсь. Тарас помогает.

— И в чём моя странность? — убирает снег с моей шапки и смотрит внимательно в глаза.

— Вы почти не улыбаетесь, и вдруг такие перемены.

Призадумался. И меняет выражение лица на хмурое.

Но не надолго его хватило. Через пять минут опять лыбится.

— Вы влюбились, — высказываю догадку, подходя к кромке льда. — Надеюсь, не в меня?

— Возможно... И точно не в вас.

— Тогда в кого? Варламову?

— И не в неё тоже, — подходит ближе. — Я давно люблю одну девушку, — с теплотой в голосе.

И немного с грустью.

— А она?

— И она...

— Я рада за вас.

Неловкие взгляды.

Делаю несколько шагов в сторону и вглядываюсь вдаль.

Значит, он здесь тоже как в заточении. Где-то ждёт любимая женщина, ревнует и злится. Я бы так делала. И делаю, думая о Глебе.

Но есть одна большая разница. Он с ней может общаться, а я нет. Мне только сказали, что Морозов жив, здоров, бросил университет и занимается работой.

Всё-таки не стал учиться.

Эх, балбес...

Погоулять долго не получается, на побережье ветер и мороз щиплет кожу. Я чувствую, как пальцы начинают замерзать. Даже рукавички не спасают.

— Пойдёмте домой. Холодно, — обращаюсь к стоящему в сторонке Тарасу.

Он мне не мешает, не отвлекает разговорами. Просто стоит и смотрит куда-то в сторону горизонта, скрытого пеленой снега.

Забраться наверх — нелёгкая задача. Съезжать вниз на заднице было гораздо проще. А в горку приходится хвататься за ветки деревьев вдоль дороги, чтобы подняться.

Пока добираемся, я вся мокрая под пуховиком и задыхающаяся.

— Секундочку... — приваливаюсь спиной к дереву, чтобы передохнуть.

Рановато такие нагрузки себе давать, у моего организма к концу дня заряд заканчивается, и я падаю без сил даже в состоянии покоя. А тут...

Сегодня "батарейка" сдохнет раньше. Главное, не на ходу. А то замру как кукла, у которой завод закончился. И придётся товарищу капитану меня на себе тащить.

Отдохнув, возвращаемся на дачу.

Я ухожу в свою комнату спать.

Просыпаюсь около девяти часов вечера.

Тихо.

Тарас обычно в это время новости смотрит.

Улавливаю его голос в кабинете.

Дверь немного приоткрыта. Он стоит у окна и разговаривает по телефону.

Вслушиваюсь.

— Мы же с тобой прекрасно знали, что он будет молчать... Пусть посидит в камере, там ребята знают, как расшатать психику для признания... Но, Тасс, теперь внутренники возьмутся за тебя. Ты затынул с арестом, дав время вывести деньги. Его жена с сыном уже улетели и получают лечение в американской клинике... Я понимаю твои благородные

мотивы, но им похуй. Им нужна показательная порка. И боюсь, сейчас даже батя не поможет. За него тоже могут взяться. С его молчаливого согласия мы тянули с арестом Аксёнова...

Что?

Алексея арестовали?

Неужели это всё же он?

Я подозревала, что Тарас думает о его причастности к моему отравлению, но сомневалась.

Как экспериментальный препарат мог попасть к нему? Не думаю, что у него есть такой уровень доступа. Точно нет. Он работает в отделе где-то на краю света.

Но спорить не буду. Пусть сами разбираются.

Глава 46

— Летяга! — пинает кто-то мою раскладушку.

— Что ещё? — отрываю голову от подушки и спросонья плохо соображаю, что от меня кому-то надо.

— Майор к себе вызывает.

— Зачем? — сажусь и сонно лупаю глазами, глядя на сержанта Носкова.

У него нос на солнце обгорел и теперь облезит.

— А я знаю?! Сказал прийти, я передаю. Накосячил, наверное, на вылазке. Злой, как собака.

Усмехаюсь.

Собака майора Власова как раз спокойная и добродушная. Овчарка по имени Офелия. Ищейка. Найдёт всё: от наркоты, до человека.

У нас с ней взаимопонимание, увидев меня, всегда хвостом виляет. Но не активно. Немного. Побаивается, что хозяин ругать будет.

Волоча уставшие ноги, которые за пять часов не отошли от суточного хождения по развалинам разбомблённого посёлка, направляюсь к палатке командира базы.

— Глеб! — окрик со стороны.

Твою мать...

Вот ты-то, откуда взялась на мою голову?

София Львовна, между собой зовём её Софочка. Наша докторша из санчасти.

Она мне Альбину напоминает, один типаж. Такая же наглая и высокомерная. И приставучая, как банный лист.

С первого дня моего пребывания на базе глаз на меня положила и прохода не даёт.

И что ко мне вечно такие липнут?

Догоняет.

— Зайдёшь ко мне?

— Зачем? — лениво смотрю на неё.

— Поговорим.

— Хмм... Посмотрим. Меня майор вызвал.

Останавливается, а я продолжаю идти.

Не будешь ты разговаривать, приставать будешь. С обнимашками, поцелуями и в уши журчать, какой я красавчик, и как ты меня хочешь. Я устал уже эту херню слушать день ото дня. Мне похуй на чьи-то чувства и желания. Я не Дед Мороз их исполнять.

Ладно, было один раз у нас. Но это всё!

Просто мы тогда днём под обстрел попали на маршруте, и у меня от хапнутого адреналина помутнение было. Я ещё несколько дней в таком состоянии пребывал. Первый раз. Но уже привыкаю.

— Разрешите? — притормаживаю у входа в палатку.

Полог откинут в сторону.

— Заходи, — поднимает на меня глаза майор, отрываясь от просмотра карты на столе.

Встаёт у него, скрестив руки на груди. Распил взглядом.

Внутри машинально сжимается всё от выражения его лица. Скривился весь. Значит,

будет распиздон давать.

— Думаешь, тут дебилы служат? — резко.

— Нет...

— Вот именно! Тогда какого хуя ты специально под пули лезешь?

— Я не лез, — неуверенно.

Потому что лез.

— Да, ладно?!

Поворачивает ко мне переносной чемоданчик с ноутбуком и включает видео с камеры.

Мы их надеваем перед выездом. Они снимают всё происходящее вокруг.

Это снимала не моя. И видно, как я, нарушив приказ лейтенанта, бегу под линию обстрела.

— У тебя девять жизней?

— Одна...

— Вот именно, блядь! Я из-за тебя не хочу встрять. Дедушка твой меня натянет.

Кто-то растрепал, что я генеральский внук. Никогда этим не гордился и старался скрывать. Но не получилось. И теперь каждый пытается меня уколоть.

«А чё дед не помог от армии отмазаться?»

«Не стрёмно сержантские погоны носить?»

И в таком роде.

Бесят, суки.

Руки так и чешутся кому-нибудь врезать. И я сорвусь рано или поздно.

— Так какого хера ты на рожон лезешь? — прикрикивает Власов.

— Мне показалось, что там кто-то есть, — оправдываюсь.

— Когда кажется, Морозов, креститься надо. А в армии нужно приказы выполнять и не подставлять своих командиров и собратьев. Если ты сюда выебнуться приехал, то напрасно. Здесь тебе не под боком у дедушки, здесь стреляют.

— Товарищ майор, давайте не будем касаться моего деда, — грублю в ответ. — Я сюда вопреки его желаниям приехал. Мог бы дома в тепле отсидеться, но я здесь и на передовой. Как все. Без привилегий.

— Ещё б тебе привилегии... Свободен! После отбоя зайдёшь.

— Для чего?

— Секса у меня давно не было, Морозов. Иметь тебя буду, — не смешно шутит.

Не было. Ага! Ври больше.

Все прекрасно знают, что ты большую часть женского медперсонала перетрахал. Они как видят твою лысую голову на горизонте, млеют от радости и бегут прихорашиваться.

Выйдя от майора, обхожу палатку. Там в теньке обычно после трудовых будней отдыхает Офелия.

Увидев меня, собака с довольной мордой подскакивает и садится.

— Привет! — треплю за шею.

Ластится.

Майор её любовью не балует. Для него она служебная. А я по Дикому скучаю, вот и стараюсь ей по возможности внимание уделить.

Скармливаю карамельку.

А Власов говорит, что она сладкое не любит.

Не умеете вы, товарищ майор, к собакам подход находить.

Мы с ней уже дважды на вылазке были. Бок о бок. Умница. Все ловушки и мины профессионально находит.

— Морозов, я кажется, сказал тебе — свободен! — появляется рядом майор. — И перестань мою собаку тискать. Испортишь.

— Это вы её портите, — приподнимаюсь.

— Чего? — злобно прищуривает глаза.

— Собак любить надо, а не просто эксплуатировать. Тогда и отдача от их работы лучше.

— Поучить меня решил, собачник херов?! Наряд вне очереди!

Да пох, — жму плечами.

— Два наряда вне очереди!

— Могу идти?

— Проваливай!

— А после отбоя заходить? — вдруг он передумал.

— Этого приказа я не отменял.

— Так точно.

Смываюсь побыстрее, пока он мне за дерзость третий наряд не вlepил. Сержантам в нарядах торчать — зашквар.

Но не тут-то было.

— Сержант Морозов, зайдите ко мне, — перехватывает по дороге Софочка с серьёзным видом.

Когда так официально обращается, я не имею права не подчиниться. Она старше по званию, старший лейтенант.

— Что? — захожу к ней в палатку.

Закрывает вход на молнию.

Ммм... Началось.

— Может, перестанешь от меня бегать? — подходит, поглаживая отворот белого халата.

В песках вообще непрактичная вещь. Пачкается быстро.

— Я не бегаю. У меня времени нет. Патрулирование, задания. Сейчас вот майор два наряда вlepил. Я просто занят.

— Хочешь, я с ним поговорю, и он отменит? — проводит пальцем по щеке.

— Неа. Виноват, отработаю. Мне не привыкать, — отвожу голову в сторону.

— Глеб, ну, что ты как не родной? — берется за пуговицу на куртке, намереваясь расстегнуть.

— Ничего. И я с тобой родниться не собираюсь. Это тебе от меня что-то надо, а я не обещал, — убираю её руку.

— То есть? — непонимающе хлопает ресницами. — Ты меня как шлюшку подзаборную использовал?

— Скорее ты меня, — язвительно. — Не я к тебе первым приставать начал.

— А ты и не сопротивлялся, — выпускает на свободу стержовозу вместе с паром.

— Да, не сопротивлялся. Но не думал, что ты случайный перепихон за большое чувство примешь. Я другую девушку люблю...

— Вот как... И где она, твоя девушка? — скалясь.

— А это не твоё дело. Я пойду. А то майор увидит, что я по медчасти без дела слоняюсь, и ещё нарядов накинёт.

— Вот и иди! И это заведи! — кидает мне в спину забытую мной на столе кепку.

Ура! Свобода!

Наконец-то она от меня отвяжется.

* * *

Все, кто не в карауле, дрыхнут. Носков храпит, как трактор. Вернусь, придушу подушкой этого тигра, чтобы не рычал.

Майор сидит на раскладном стульчике у своей палатки и курит. Завидев меня, выбрасывает сигарету и делает знак рукой, чтобы заходил.

— Прикрой, — показывает глазами на полог над входом.

Пока я вожусь, он выставляет на стол бутылку коньяка и закуску.

Мда... И как ему объяснить, что я не употребляю?

— Вообще-то я не пью.

— А что тут пить? Для двух здоровых мужиков пол литра — не доза, — берёт бутылку и разливает по рюмкам.

С чего он решил именно со мной бухнуть?

— Я совсем не пью.

— Тогда это приказ, — отдаёт мне рюмку. — Пей!

Морщусь, глядя на янтарную жидкость. Но приказы нужно выполнять. И опрокидываю алкоголь в рот. Он, обжигая, проваливается в горло.

Майор подаёт дольку лимона, чтобы не задохнулся от крепости.

— Ты что, реально не пьёшь?

— Неа, — кривлюсь от кислоты.

— И как ты умудрился остаться в наше время таким девственником? — усмехается.

— Я пробовал. В школе ещё. Отравился.

— Я заметил, что ты деточка с нежным желудком. Софочка сказала, что изжога тебя мучает.

Чего?

Напридумывала, чтобы оправдаться.

— Нормально у меня с желудком, — появляется нездоровая смелость от алкоголя.

Майор после второй рюмки даёт сигарету.

Затягиваюсь. Почти четыре месяца не курил.

Грудь сдавливают от дыма. Но продолжаю.

— Рассказывай, — смотрит на меня внимательно Власов.

— О чём? — плохо соображаю от выпитого.

— О том, что тебя сюда привело. Не воюют в наше время генеральские внучки. По тылам отсиживаются и бабки тратят. Так что тебя к нам привело? Только не пизди, я сразу просеку, — наливает ещё по одной.

Выпиваем.

У меня развязывается язык.

— Я в универе с девчонкой познакомился. Смешная. Мелкая, ярко-рыжая и с веснушками. Когда меня видела, глаза огромные делала. Стали общаться, с загонами оказалась. Решил заботой задавить. Сдалась. Круто всё было.

— Влюбился? — пошленькая улыбочка.

— Ну, да... В начале ноября на неё в подъезде напали. И тут выяснилось, что девочка с двойным дном. Её к нам в город фэйсы отправили по программе защиты свидетелей. Поднялся кипиш, приехал какой-то капитан из Москвы и увёз мою Белку. А через месяц мне сказали, что она умерла. От гриппа... От какого-то ебучего гриппа! — срываюсь.

— Подозрительно...

— Я тоже так думаю. Она была свидетелем по крупному делу с заказными убийствами. Догадываюсь, что её просто убрали.

— Имя капитана помнишь? — заинтересованно смотрит на меня майор, разливая по очередной порции коньяка.

— Неа. Он не представился.

— Херово.

— Фото есть, — опрокидываем в себя по очередному шоту.

Уже идёт как по маслу.

— Показывай.

Включаю телефон, чтобы постоянно работал — не разрешают. Запилинговать могут.

Фото с камеры в моём подъезде. Я нашёл и сохранил. Показываю майору. Он его куда-то скидывает.

Нахуа? — приподнимаю брови.

— Есть у меня друзья в их конторе, — объясняет. — Отправлю, пусть пробьют по своим каналам.

О, как! Круто!

Мы ещё часа два сидели, разговаривали за жизнь. Как дошёл до своей раскладушки не помню. Но башка утром трещала невыносимо.

Дня через три майор подозвал к себе перед выездом.

— Пробыли мои друзья твоего капитана.

Ничего себе!

— Его фамилия Шип. Но есть одна загвоздка.

— Какая?

— Они не смогли точно определить какой из Шипов на фото. Их двое. Они близнецы. Тарас и Денис Александровичи.

— Двое не две тысячи, товарищ майор, — довольно улыбаюсь.

Глава 47

На меня так смотрят, словно я из преисподней вышла. Встали все за решёткой, не веря своим глазам.

— Не бойтесь, они вам ничего не сделают, — сжимает мои пальцы Тарас.

Три дня побыл улыбашкой, а потом опять стал прежним серьёзным капитаном. Исчезал несколько раз по два дня без объяснений. Когда возвращался, на него смотреть жалко было. Будто его пережевало и выплюнуло.

— Я не боюсь.

А внутри всё дрожит от страха. И нервов. Жутко волнуюсь сказать что-нибудь не то. Ловлю взгляд Родиона.

Похудел, глаза провалились. Он серый. И этими глазами готов разорвать меня на части. Таким злым я его никогда не видела.

А чего ты ожидала? Он из-за тебя здесь.

Больше получаса допрашивают. Адвокат и прокурор пытаются возражать друг другу. Голова кругом. Мне нехорошо, но пытаюсь сдержаться и не упасть в обморок.

В конце концов, пытка заканчивается, и Тарас выводит меня на воздух.

— Их посадят? — обмахиваюсь платочком.

— Теперь — да.

— Сколько дадут?

— Учитывая все доказанные эпизоды — не меньше двадцати пяти лет. А могут и пожизненно, — подкуривает и выпускает дым в сторонку. — Как вы?

— Лучше... А если они всё же решат отомстить?

— Сделают себе только хуже. Не будут они этого делать, не переживайте. Смысла уже нет, вы выступили на суде.

— Значит, я свободна? — с надеждой.

— Не совсем.

Свожу брови, глядя на него.

Опять под замок?

— Потерпите немного. Сделают новые документы, вернут ваше имущество и гуляйте.

— Какое ещё имущество? Всё конфисковано.

— Всё, да не всё. Ваш муж на вас квартиру переписал, и счёт в банке открыл на кругленькую сумму. Понимал, что рано или поздно его могут взять за жопу. Вот и подстраховался. Но вы мне ещё в одном деле нужны, — смотрит загадочно. — Но это после. Вам отдохнуть надо. Я вас к себе отвезу.

— В смысле — к себе?

Меня не сам факт пребывания в его квартире страшит, а скорее, как его женщина к этому отнесётся.

— Так будет лучше.

— А ваша девушка? Она не будет против?

— Какая ещё девушка? — удивлённо.

— На заливе вы мне говорили, что у вас есть любимая девушка... — напоминаю.

Матерится беззвучно.

— Она ничего не узнает. Её нет в городе, — видно, что лжёт.

Не дождалась?

Значит, не любила.

Я жду нашей встречи с Морозовым. Кстати...

— А можно мне вернуть мою сим-карту? Я хочу Глебу позвонить.

Тарас растерянно отводит глаза в сторону.

— Что случилось? Только не врите, пожалуйста! — приподнимаюсь, и тут же сажусь обратно.

Голова резко закружилась.

— Вы до него не дозвонитесь. Он вне зоны доступа, — увиливает от ответа.

— Что с ним? Где он, что недоступен? — меня бросает в жар, я на грани обморока.

— Оля, не стоит. Вам плохо, — присаживается рядом на корточки. — Дышите глубже.

И я вдыхаю. Но не успокаиваюсь.

— Ответьте на мой вопрос, — прошу со слезами.

— Он в Сирии. На базе спецназа. Там нельзя пользоваться обычными телефонами.

От его слов меня начинает покидать сознание.

Это же... Где... Там люди гибнут... Я видела в новостях...

Держись, Оля! Не время отключаться.

— Как он туда попал? Почему?

— Аксёнов сказал ему, что вы умерли. Вот у парня планку и сорвало. Он же не знает, что мы так специально сказали.

— Вот и исправьте эту ошибку, — с тихим рыком на него. — Сделайте так, чтобы он вернулся и узнал правду.

— Это не в моих возможностях...

— А вы постарайтесь. У вас хорошие связи.

— Я попробую. Но не гарантирую успеха.

— Нет, вы мне его должны гарантировать! Иначе я сейчас вернусь в зал суда и скажу, что всё ранее мной сказанное — ложь, а вы на меня давили и заставляли врать.

— Вас будут судить за дачу ложных показаний.

— И пусть!

— Ладно! — поднимает руки. — Я сделаю. Но надолго его вернуть не получится. У него контракт на год.

— Тогда пошевелите своим серым веществом, — стучу пальцем по его лбу. — И придумайте, как решить эту проблему.

Он только обречённо вздыхает, соглашаясь.

* * *

— Проходите, — Тарас пропускает меня в небольшую комнату.

Несколько мониторов на столе, за которыми наблюдает мужчина в черном костюме.

Взгляд притягивает картинка на экране.

Алексей, прикованный наручниками к столу в комнате допроса.

Меня сразу память отбрасывает на несколько месяцев назад, когда меня вот так же допрашивали. Только оков на мне не было.

Я не понимаю, зачем меня сюда привезли.

— И что мне делать?

— Сидеть и смотреть, пока я вас не позову, — Тарас надавливает на плечи, усаживая в кресло на колёсиках.

— Думаете, он примет меня за привидение?

— Нет. Я думаю, что ваше появление развяжет ему язык. Он на грани нервного срыва. Видите, как дёргается? — показывает на Аксёнова.

Он действительно спокойно не может сидеть на месте, переставляет ноги всё время и крутит руками.

Тарас уходит в комнату допроса.

Слушаю их разговор.

Алексей ничего не говорит, делает вид, что ни в чём не виноват.

В какой-то момент Шип делает взмах рукой, и мужчина, сидящий рядом, заговаривает:

— Вас вызывают.

— Туда? — немного беспокойно.

— Я провожу, — открывает дверь.

У меня сердце начинает бешено колотиться.

Аксёнов сначала немеет, увидев меня, а потом истерически смеётся.

— Ты же подставил меня, капитан, — злобно скалится, подаваясь вперёд. — Подписал смертный приговор.

На лице Шипа вырисовывается торжественная ухмылка.

— Ну, так исповедуйся. Зачем грехи с собой на тот свет тащить?

— А ты не батюшка, чтобы мне их отпускать.

— Нет. Но обеспечить тебе спокойную отсидку могу. Ты же хочешь увидеть своего сына здоровым?

Мышцы на лице Аксёнова дернулись.

Леденящий взгляд в мою сторону.

— Хрен с вами... Спрашивай.

Я замираю на стуле, стараясь не двигаться. Хочу услышать всю правду.

— Когда тебе поступил заказ? — начал допрос Тарас.

— Через две недели, как Коваль приехала в город.

— Имя заказчика?

— Я не знаю. Вам прекрасно известно, что настоящими именами никто не светит. На меня вышел человек с просьбой незаметно устранить девушку, — кивает в мою сторону. — Взамен переведут всю сумму на лечение сына.

— И почему не выполнил? С твоими возможностями — раз плюнуть. Твой преподаватель Павловский считал тебя лучшим своим студентом. НЛП, гипноз... Внушил бы ей выпрыгнуть из окна и всего делов.

— Я так и собирался сделать. Но заказчик неожиданно передумал. Захотел, чтобы она умирала медленно и мучилась.

Зажмуриваюсь.

Неужели они обо мне говорят?

Отвратительно.

— Из Москвы прилетел человек, — продолжает. — И передал мне ампулу с препаратом. Сказал, что его ни один анализ не обнаружит. Но надо, чтобы он попадал в

организм не меньше десяти дней регулярно.

— Он обманул, — записывает что-то Тарас.

— Я уже понял, — бросает косой взгляд на меня.

— Где он его взял?

— Без понятия. Ищите, кто у вас крот, — жмёт плечами. — Отравить оказалось не так просто. Она всё время отсутствовала дома, так что в еду подливать было бесполезно.

— Тогда ты придумал вариант с таблетками, — вполне утвердительно высказывается Шип.

— Да. Но я не мог ей их просто дать. Нужна причина для приёма.

— И ты устроил нападение. Сам или алкашей подговорил?

— Зачем самому? Поставил бутылку, сделал пару внушений, и они всё сделали, как надо. В больнице Ольге, что она должна принимать таблетки. Она оказалась очень внушаемой, кстати.

— Витамины, когда подбросил?

— В аэропорту. Я не думал, что за ней кто-то сразу прилетит. Мало ли, просто гоп стоп. Кто из-за этого целую команду на крыло поднимать будет?!

— Мы будем.

— Отступать было некуда. У сына СМА. Я не мог больше смотреть, как умирает мой ребёнок и убивается жена. У нас не лечат, а в Америке лекарство стоит баснословных денег. Вот и согласился.

— Как доложил о смерти Ольги?

— Отправил смс.

— Номер?

— Стер. Он одноразовый. Через пару дней на счёт фонда пришла вся сумма сбора. Жена редела от счастья.

В этот момент мне его стало жалко. Он рискнул всем ради сына. Его это не оправдывает, конечно, но не каждый сможет.

— Убить ради денег? — одной фразой меняет мои мысли Тарас.

— У вас дети есть?

— Нет.

— Вот будут — поймёшь. Дьяволу душу продашь ради их здоровья.

Тарас задумался.

Алексей прав...

Ради родных и любимых мы готовы на самые необдуманные и ужасные поступки.

И это удручает...

Глава 48

— Морозов! — приказным тоном подзывает к себе Власов. — Повестка тебе пришла, завтра утром летишь в Москву. Самолёт с авиабазы будет, — протягивает лист бумаги.

Какая ещё повестка?

Забираю. Пробегаюсь глазами.

Вызывают на дачу показаний в УФСБ по такому-то адресу.

— Я с этими парнями бодаться не хочу, у них методы работы нечестные. Так что у тебя две недели командировка, чтобы решить с ними дела. Не трудно догадаться — по интересующему вопросу вызывают. И не накуролесь там! Они церемониться не будут. Понял?

— Слушаюсь, товарищ майор! А сегодня как?

Я в патруль должен через час заступать.

— Носков за тебя пойдёт. А ты вещи собирай. Они тебя как раз до базы подкинут.

— Так точно! — бегом до нашей палаточной казармы.

Скидываю всё в большой рюкзак. Подумав, захватываю куртку. Конец апреля, и здесь днём невыносимо жарко. Но Москва не каменная пустыня. Она каменные джунгли и там может быть холодно.

Получаю документы и все необходимые бумаги. Командировочные упадут на карту, которая несколько месяцев просто так в кармане лежит, деньги тратить некуда. Перевожу раз в месяц матери, чтобы за ипотеку платила. Квартиру в аренду сдал.

Парни закидывают на базу, где ночью, а рано утром вылет. Через несколько часов приземляемся на военном аэродроме в Подмосковье.

До станции пешком часа два пилить. Благо машина в направлении города попалась.

На электричке до столицы нашей родины.

И куда тут идти?

Я здесь в первый раз.

Брать такси на месте — не вариант. Наслышан, что дерут втридорога, проверять не хочется.

Скачиваю приложение и вызываю.

Машинка отвозит по адресу управления. Конкретное время явки в повестке не указано, так что товарищ капитан, придётся тебе со мной сегодня лицом к лицу встретиться.

На пропускном дежурный звонит кому-то, выписывает пропуск, шмонает меня и сумку.

— Третий этаж. Триста сорок второй кабинет.

Все заняты работой? Редко кто попадаетеся по пути по коридорам. Только несколько охранников дежурят на каждом этаже.

Стучу в нужную дверь. Разрешают войти.

Я, в ожидании столкнуться сейчас с Шипом, разочаровываюсь. За столом в куче бумаг сидит молодой лейтенант.

Поднимает вопросительно глаза.

— Меня вызвали, — протягиваю ему все бумажки.

Прочитав имя, слегка улыбается.

— Минуту, — выходит.

А возвращается через пятнадцать.

Никакого порядка.

Скрупулёзно раскладывает всё на столе, что-то долго ищет.

— А, вот! — изображает, что до этого ручку, которая стояла в подставке, он не видел. —

Приступим, — улыбается. — Вы знакомы с Ольгой Васильевной Коваль?

— Нет.

Не думаю, что они знаю то том, что она сказала мне перед отъездом настоящее имя. Ну и я буду дурочка изображать.

— Хорошо... А Белкину Алину Петровну?

— Да.

— И вам неизвестно, что это один и тот же человек?

— Нет.

Лейтенант покашливает в кулак.

— Какие у вас были отношения?

— Личные, — пожимаю плечами.

— Точнее.

— Очень близкие. Такой ответ устроит?

— Да...

Молча и долго записывает всё в протокол.

— Где вы были в ночь нападения?

— Дома. Меня ради этого вызвали в Москву? Я ещё тогда всё рассказал и ваш капитан проверил.

— Вы были знакомы с Аксёновым Алексеем Степановичем?

— Пересекались пару раз.

Опять нудно и долго что-то строчит.

Я словно в поликлинике у врача на приёме. Они тоже вот так же смотрят на тебя и пишут, а сами ничего ещё не спросили.

— Вы общались с Аксёновым после отъезда Белкиной.

— Да. Один раз. Слушайте, лучше расскажите мне, как так вышло, что после её отъезда она умерла от банальной простуды?

— Здесь вопросы я задаю, — строго. — И не путайте меня! Коваль жива и получает сейчас лечение в нашем центре.

Чего, блядь?!

У меня чуть глаза из орбит не выпали.

— Я сейчас не ослышался? — приподнимаюсь.

Неожиданно открывается дверь и входит Шип.

— Лейтенант, ты свободен. Молодец! Профессионально умеешь тянуть время.

— Рад стараться, товарищ капитан!

Выходит, оставив нас одних.

Где моя Белка?!- посыл глазами.

— Что ты на меня так смотришь? — отходит к окну. — Сюда подойди, — манит пальцем.

Послушно выполняю.

— Вон туда посмотри, — показывает на дорогу.

Там стоит небольшая белая машина, припаркованная на обочине. А рядом у скамейки

ходит туда-сюда девушка в пальто нежно-розового цвета. Стрижка очень короткая и белые волосы.

— Девушка, как девушка. И что?

— А ты приглядишься, — слегка улыбается и достаёт из пачки сигарету, подкуривает.

Она садится на скамейку и зажимает коленками ладони. Прямо как...

— Алина?

— Сейчас она снова Ольга, но не в этом суть, — приоткрывает окно и выпускает дым.

Я глаз от неё отвести не могу. В груди что-то надулось и распирает изнутри. Кажется, это моё сердце.

Срываюсь к двери.

Вспоминаю.

— Разрешите идти? — умоляюще смотрю на Шипа.

Он старше по званию, а я по форме.

— Разрешаю.

И всё!

Я как Флэш срываюсь с места и несусь на улицу. Меня даже на посту не успевают перехватить, а я без пропуска. Он на столе в кабинете остался. И рюкзак.

Похрен!

Сначала Белка.

Даже по сторонам не смотрю, когда дорогу перебегаю. Чуть под машину не угодил.

— Придурок! Куда ты летишь?!- орёт вслед водитель.

А я уже в метре от моей девочки, которая в ужасе закрывает руками лицо.

— Ты нормальный, Глеб?!- подходит и бьёт в грудь кулаком. — Он же тебя чуть не сбил.

— Не сбил же, — обхватываю любимое лицо и смотрю в её зелёные глаза. — Белочка...

Живая и здоровая...

— А ты, похоже, рехнулся...

Смотрит куда-то мне за спину.

— Глеб, что ты ещё натворит? — встревожено.

— Ничего... — не отрываю от неё глаз.

— Только не говори, что они не по твою душу.

Я даже ответить не успеваю, как двое из охраны управления заламывают руки и ставят ласточкой.

Слышу звук притормозившей напротив машины.

— Эй, что происходит? — знакомый голос.

Приподнимаю голову.

Шип с двумя стаканами кофе в подставке идёт от тачки к нам.

— Товарищ капитан, он сбежал без пропуска и вещи личные где-то оставил.

— Тарас, это ошибка какая-то. Он ко мне бежал, — плаксиво шепчет Белка.

Тарас?

Значит, в кабинете — Денис.

— Отпустить! — резкий окрик сзади.

К нам направляется как раз он, с моим рюкзаком в руках.

Меня отпускают.

Потираю плечи. Могли и вывих сделать.

Оля ойкает и шокировано смотрит то на одного, то на другого.

— Это он Тарас, — тот, что с кофе, широко улыбаясь, указывает на брата. — Меня Денис зовут.

— Ты вещи забыл, — Тарас отдаёт мне рюкзак.

Белка всё ещё в шоке.

— Всё нормально, Ольга. Мы просто близнецы. На залив вас он водил.

— Не понял? — врезаюсь в него взглядом.

— Угомонись, амурский тигр. Они только гуляли. Он женат.

— А ты?

— А я с чужими женщинами не сплю. Забирайте его, Оля.

Она послушно кивает и указывает мне на пассажирское место в своей машине.

Пальчики на руле подрагивают от пережитого, лицо белое.

— Давай, я поведу, — предлагаю, понимая, что она себя не очень хорошо чувствует.

— Я сама. Ты город не знаешь, и здесь движение интенсивное.

— Справлюсь, не маленький. Ты бледная.

— У меня гемоглобин низкий.

— Что случилось? Эти мне сказали, что ты получаешь какое-то лечение, — киваю немного головой назад.

— Не сейчас, хорошо? — поворачивается и улыбается.

Проводит нежно рукой по щеке.

— Нет, рассказывай.

Тяжело выдыхает.

— Аксенов в аэропорту подсунул мне в сумку витамины, которые пропитал ядом. А перед этим внушил, что я должна их обязательно принимать.

— Как это — внушил?

— У него специализация — гипнотерапевт. Или что-то в этом роде... Через две недели меня увезли в больницу при смерти. Тарас поднял своих знакомых врачей, нашёл профессора, который этот препарат придумал. Меня долго лечили. И сейчас я прохожу терапию. Чтобы поймать Аксёнова, в Благовещенск сообщили, что я умерла. Ну, а он тебе сказал. И ты поверил...

— Убедительно говорил. Теперь понятно, почему в аэропорту он мне сказал, что ты не вернёшься. Он был уверен: тебе не выжить.

Она удивлённо приподнимает красивые бровки.

Она как красивая куколка. Тонкая, хрупкая и воздушная. И белые волосы ей очень идут, хоть и стрижка очень уж короткая.

У меня всё внутри бурлить начинает от желания. Прямо сейчас поцеловать хочу.

— Я люблю тебя, — выпаливаю очарованно.

— И я тебя, — сжимает руку на пару секунд.

На светофоре не выдерживаю и набрасываюсь с поцелуями. Крыша едет от прилива крови к голове и паху.

Сигналят сзади.

— Глеб! Надо ехать... — когда сигналят чаще.

— Пошли они на хуй, — не отрываясь от любимых губ.

— Потерпи немного, скоро до дома доедем, — выворачивается из моих объятий и успевает прошмыгнуть, пока не включился красный.

Зажмуриваюсь, откинувшись на подголовник. Внизу тянет, пиздец. Всё налилось и в боевой готовности.

Поэтому когда доезжаем и поднимаемся в квартиру Белки, я, не осматриваясь, сразу подхватываю её на руки и впечатываю спиной в стену. Губы жадно впиваются, а я язык пробивает дорогу в рот.

Руками нащупываю пуговицы на пальто и нервно расстёгиваю.

— Хочу тебя, — шепчу, вжимаясь губами в хрупкую шею.

Хихикает.

Слышен звук молнии на моей куртке. Скидываю её на пол.

Обхватывает за пояс, выдергивая рубаху.

Прохладными пальчиками скользит по моей горячей коже на животе. Выше. Слегка царапает.

У меня болезненный спазм.

— Я так скучала... — целую в скулу.

— А как я скучал.

— Идём, — берёт за руку и ведёт за собой.

Я плохо соображаю, но квартира огромная.

Заводит в спальню и толкает рукой, я падаю спиной на большую и мягкую кровать.

Пританцовывая, снимает платье, оставаясь в черном кружевном белье и чулках.

— Вау... — выдыхаю, облизываясь.

Такой я её ещё не видел. Это очень сексуально.

— Ты с причёской и имидж сменила? — обхватываю руками её бедра, когда она садится на меня сверху. Игриво улыбается, расстёгивая пуговицы на рубашке.

— Цццц, — издаёт беличьи звуки и проводит ногтями от плеч до пояса, оставляя горящие огнем дорожки на коже.

Член толчком пытается распороть ткань на брюках.

Белка закусывает губку и водит по нему пальчиком.

Меня сейчас порвет, и я кончу, даже не начав.

Расстёгивает брюки, спускает резинку моих трусов, наклоняется и облизывает язычком головку.

Пизде-е-ц...

У меня сознание отлетает. Я уже с трудом понимаю, что происходит. Просто перехожу на инстинкты. А они требуют взять эту девочку и получить удовольствие.

Захват, переворот и Белка подо мной. Пока целую, снимаю одной рукой с неё трусики, второй ласкаю грудь. И беру своё. Жестко, грубо и беспощадно. Но ей нравится. Мне кажется, что она раньше никогда так не стонала во время нашего секса. У меня тоже тормоз исчезает. Стоны. Шепчу ей что-то пошлой на ушко. Не уверен, что она даже слышит. У неё сейчас такое лицо, словно она плавает в эйфории. И кончает. Раз, второй, третий... А потом вместе. И это феерично: со звёздами в глазах, и сердцем, бьющемся на пределах возможности.

Белка почти не двигается. С волнением прижимаюсь к ней.

— У тебя губы побелели, — обвожу пальцем припухшие губки.

Дышит прерывисто и глубоко.

— Алина?

Поворачивается ко мне.

Блин, я по привычке старым именем назвал.

— Оля, — поправляюсь.

— Всё хорошо... Просто у меня давно не было и нагрузки...

— Ну чего ты молчала-то? — приподнимаюсь на локтях.

— И лишить себя фантастического секса? Не-е-т...

— Я был бы нежным, а не как зверь, — прижимаюсь губами к виску.

Закрывает глаза и блаженно улыбается.

— Мне понравилось...

— Лучше всё же побережься, — обнимаю крепко. — Я люблю тебя.

Рука нащупывает колечко на цепочке, висящей на её шее.

Моё.

— Оно мне большое, я не хотела потерять...

— Я тебе другое куплю, по размеру. Если ты, конечно, не передумала за меня замуж

выходить.

— Не дождёшься!

Эпилог

Волнуюсь как первоклассник, стоя с огромным букетом в холле роддома, в окружении друзей и родных. Все слетелись на выписку. Даже дед, которого последние несколько лет можно только на охоту из дома вытащить.

— Морозов кто? — громкий возглас откуда-то слева.

А? Я вроде...

У меня до сих пор в голове каша от новости, что сын родился.

— Глеб! — Мишка толкает в бок. — Тебя!

— Я! — иду в сторону позвавшей меня женщины.

— Что же вы, товарищ лейтенант, жену заставляете ждать? — выговаривает медсестра в голубом костюме и такой же шапочке. — Мамочке нельзя волноваться, молоко может пропасть.

— Пропадёт — найдём! — показываю на шеврон на плече.

Она тушуетя и, слегка кашлянув, уходит, прихватив букет для Оли.

Неделя с выпуска. Теперь я в структуре, которая когда-то чуть не лишила меня любимой Белочки.

Во время командировки меня неожиданным образом перебросили с базы в Сирии на службу в Москве. Догадываюсь, откуда ноги растут, но выёбываться не стал. Оля тогда слабой была, и я боялся за неё. К осени получил направление на учёбу.

Виделись с Белкой первые два года раз в неделю. Плакала, что одиноко по вечерам, но со временем привыкла. Расписались. Тут уж она совсем успокоилась.

Лечилась Оля долго, и только год назад нам под строгим контролем разрешили завести ребёнка. Получилось не сразу, и родился сын почти на месяц раньше, но это всё равно счастье.

И сейчас я этим счастьем наполнен. Весь фонтанирую.

— Держите сына, папаша, — передаёт медсестра мне в руки кулёк из голубого одеялка, повязанного лентой такого же цвета.

В нём спит крошечной создание.

Мой сын.

Мне страшно. Я таких маленьких на руках никогда не держал. Вдруг я что-то не так сделаю и наврежу ему. У них же сейчас всё хрупкое.

Выходит улыбающаяся Оля с цветами. Целую её.

Кажется уставшей и очень бледной. Она и до этого здоровьем не сильно пылала, а тут...

За следующим пойдём лет через десять, когда точно буду уверен, что у неё всё хорошо, и она сможет нормально выносить ребёнка.

— Глеб! Дай сюда! — пытается мама забрать у меня сына. — Ты ему шею свернёшь своими ручищами.

— Не преувеличивай, Людмила! — вступается тёща. — Фото надо на память сделать. Вставайте! — подталкивает к голубой стене, где все во время выписки делают снимки.

Фотографирует. Отдаёт телефон медсестре, сгоняет всю компанию вокруг нас. Семейное фото.

Освобождаем место для следующей пары с малышом.

У ворот несколько машин. Едем к нам домой.

Меня первое время парило, что мы живём в квартире, которая Оле от бывшего мужа досталась, потом решили, что продадим её и мою и купим дом. Так и сделали. Тихий район, соседей почти никогда не видно, каждый за своим забором сидит. Большой сад, рядом парк с небольшим прудом, где можно будет гулять с коляской.

Дикий в восторге. Ни поводка, ни намордника. Во дворе есть, где разбежаться. И охрана к тому же. С утра до вечера пропадает в саду. Там птички и соседский кот.

К последнему особая нелюбовь, после жизни у деда. С его котом они не подружились, каждый пытался отвоевать свою территорию и покой, чем доводили старика до бешенства.

А вообще жить отдельно — особенное удовольствие.

Пока...

Я помню, что свой дом — это дохера работы по хозяйству и обустройству. Но плюсов все равно больше.

В машине сплетаю наши с Олей пальцы в замок, краснеет. Как обычно стесняется проявлять чувства на людях.

Шепчу моей скромнице на ушко приятности.

Дома сын занимает кроватку в своей комнате.

Я две недели тут лично всё по ночам красил, декорировал и расставлял.

Жена кивком головы и выражением глаз оценивает мою работу.

На четверочку. Понятно... Не ужас и ладно.

Все расходятся. Я зависаю у детской постельки.

Просто смотрю, не отрываясь. И улыбаюсь.

Дотрагиваюсь осторожно до крошечных пальчиков, и сын неожиданно, не просыпаясь, обхватывает мой палец ручкой.

Вау! Меня словно током пробивает.

Что-то невероятно тёплое волной прокатывается от макушки до пяток. Кажется, во мне отцовский инстинкт включился. Мы сконектились, и произошёл разряд, запускающий один поток любви.

— Глеб, ну ты где? — заглядывает в комнату Белка. — Все жду.

— Подождут. У нас вот! — показываю наши руки.

Посмеивается.

— Считаешь меня дураком?

— Нет, — подходит и обнимает за плечи. — Считаю, что ты будешь самым лучшим папой. Егора будет воспитывать настоящий мужчина и защитник. Нам с тобой очень повезло.

Освобождаюсь от хватки сына и прижимаю Олю к себе. Она нежно целует меня в губы.

— У меня для тебя подарок, — ныряю одной рукой в карман и достаю бархатную коробочку.

— Глеб... — смущённо.

— Открой.

Достаёт цепочку с кулоном в виде жёлудя. Золотая шапочка и орех из тёмного янтаря.

— Оригинально, — удивляется, раскручивая в воздухе.

— А, по-моему, не очень. Но мне понравился.

— Нет, правда. Обычно просто украшения дарят, а у тебя со смыслом. Спасибо, — глубокий и долгий поцелуй. — Поможешь? — отдаёт мне цепочку и поворачивается спиной,

откидывает волосы с шеи.

Застёгиваю замочек и зацеловываю прозрачную кожу плеч.

— Ты себя хорошо чувствуешь? — обнимаю сзади.

— Очень... Я счастлива. У нас такая большая и дружная семья. Живут на разных концах страны, а сегодня собрались здесь, под одной крышей, чтобы отпраздновать рождение нового её члена.

— Дружная — это спорно. Наши мамы не могут прийти к консенсусу. Пока... Но я верю, что у них получится. Но если начнёт война, я не знаю, чью сторону принимать. Я ни с одной ссориться не хочу.

— Мы попросим твоего дедушку вмешаться, у него богатый военный опыт, — смеётся.

— Тише! Разбудишь! — оглядываюсь назад.

Сын спит.

— Он сейчас ещё плохо слышит. Вот через недельку, другую... — не успевает договорить, я гашу слова поцелуем.

Ох, зря мы тут обнимаемся. Я по сексу жутко соскучился. Меня суррогат из оральных ласк не очень устраивает. По-человечески хочу. Стык в стык. Но нельзя... Взвою скоро.

— Родители, вы не охренели? — в дверях Мишка. — Вас все ждут, а они тут лобызаются. Я десять часов не для этого летел, — разводит руками с претензией.

— Иди уже, — выталкиваю его в шутку из детской. — Лишь бы праздновать.

Все за столом недовольно бухтят, завидев нас, спускающихся по лестнице.

— Глеб, ну, ё-маё, — возмущается отец. — Коньяк стынет, водка греется, закуска киснет. Сколько можно вас ждать?

— Ещё один, — хихикает мне в плечо Белка.

— Будете много пить... — рассаживаемся по местам. — К вам придёт она, — показываю на жену.

Пинает меня злобно под столом по ноге.

— Дошутишься, — шипит.

Всеобщий смех.

Во дворе раздаётся лай Дикого.

— Там кто-то бежит от ворот, — выглядывает в окно Ксюша. — С букетом.

Грохот у входной двери, она громко хлопает.

Выходим всем семейством посмотреть на гостя.

— Тарас? — шокировано произносит Оля.

Видок у него ещё тот. Растрёпанный. Подпирает спиной дверь. Дикий лает за ней и царапает когтями по железу.

Букет превратился в веник, Шип отбивался им от собаки. Брюки от колена до низа порваны.

— Почему таблички на заборе нет? — отшвыривает испорченные цветы в сторону.

— Ты же знаешь, как с такими собаками обращаться, — напоминаю ему слова, сказанные четыре года назад.

Зыркает на меня со злостью.

— Не покусал? — интересуется мама, подхватывая Тараса под руку.

— Нет. Штаны только порвал, — смотрит вниз.

— Штаны зашьём, не переживайте. Идёмте к столу.

Все садятся на места, а мы с Белкой стоим, обнявшись, и смотрим на них со стороны.

Как же классно, когда вся семья рядом. И зануда Артём не выводит из себя, хоть и пытался. Помнит леща, который я ему отвесил за то, что голос на мать повысил.

Лучшая семейка.

— Надо табличку повесить. Он прав, — приходит в голову.

— Надо, — соглашается Оля. — Но завтра.

— Морозовы, вас долго ещё ждать?

— Да, идём мы!

Финальный саунд: MOT — Случайности не случайны

Больше книг на сайте - Knigoed.net